ISSN 0132-862X

1
1994

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Икона XV в.

1994 · 1

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно

Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор-председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

СОДЕРЖАНИЕ

Рождественское послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви 2

ПРОПОВЕДЬ

Митрополит Сурожский АНТОНИЙ. Крещение Господне 5

Протопресвитер Александр ШМЕМАН.
Богомладенец 6
Свет разума 7
Новый год 9

Архиепископ ЛУКА (Войно-Ясенецкий). О лицемерии 10

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Священник Виктор СИМОНЮК. Годичный акт в Московской Духовной Академии . . . 15

Поздравительное послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Московским Духовным школам 17

Протоиерей Владислав ЦЫПИН. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917-1918 годов (Актовая речь) 19

БОГОСЛОВИЕ

Архимандрит ГЕОРГИЙ (Тертышников).

Святитель Феофан Затворник, епископ Владимирский и Суздальский, как церковный писатель (К 100-летию со дня преставления) 31
Источники христианского вероучения (По творениям святителя Феофана Затворника) 38
Богопознание (По творениям святителя Феофана Затворника) 44

Святитель ФЕОФАН ЗАТВОРНИК.
Об исправлении сердца 50
О борьбе с грехом 55

ЦЕРКОВЬ И ВРЕМЯ

Архимандрит ИОАНН (Маслов). Обрядовая сторона праздника Крещения Господня в Древней Руси 73

ПАСТЫРЬ И ПАСТВА

А. ПИСКУНОВ. Отец Александр Шмеман 78
"Он остался для меня живым..." (интервью с Сергеем Александровичем Шмеманом) . . 83

Российские новомученики

Александр ПАРМЕНОВ. Мученическая кончина епископа Ревельского Платона . . . 91

ЦЕРКОВЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Н. О. ЛОССКИЙ. Достоевский и его христианское миропонимание 97
Борис СПОРОВ. Н.О.Лосский и его труд о Ф.М.Достоевском 119

РУССКАЯ ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА

А. Ч. С нами Бог 124
Виктор АФАНАСЬЕВ. Купина Неопалимая 126

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

А. С. КЛИМАШИН. Памяти Бориса Сергеевича Кудинкина 143

Рождественское послание

Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви

Небо и земля днесь пророчески да возвеселятся, Ангели и человецы духовно да торжествуют, яко Бог во плоти явися сущим во тьме и сени седящим...

(На литии стихиры самогласны, декабря 25-й день)

Возлюбленные о Господе архипастыри, боголюбивые пастыри, всечестные иноки и инокини, дорогие братия и сестры, чада Русской Православной Церкви, на ее канонической территории и в рассеянии пребывающие!

От всего сердца поздравляю вас с великим праздником Рождества Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа!

Божественный Младенец (Лк. 2, 12) да исполнит всех нас неослабевающей великой радости, возвещенной Ангелом Господним пастухам и побудившей их проследовать в Вифлеем к яслям – поклониться Рождшемуся Христу (Лк. 2, 8-18).

Апостол Павел свидетельствует о том, что духовная радость является плодом духа (Гал. 5,22), и она же – суть отличительное свойство Царства Божия (Рим. 14,17). Любовь, приобщающая верующих к истине, возгревает в них духовную радость (1 Кор. 13,6), а скорбь в этой преизобильной духовной радости (2 Кор. 7,4) находит свое утешение.

Великий святитель Тихон Задонский (†1783) так отвечает на вопрос, что такое духовная радость. "Это радость не о том, чему сыны века сего радуются, ибо их радость – плотская. Это радость о Господе Спасе, о благости и человеколюбии Его, утешение и спокойствие в совести... Радость духовную христиане должны иметь и в благополучии, и в неблагополучии..."

Священномученик Владимир, митрополит Киевский (†1918), в своем Рождественском слове, обращенном к детям, говорил: "Радуйтесь всегда, дети, празднику Рождества Христова, только радуйтесь в Господе. Духовные радости праздника Рождества Христова никогда не стареют для нас, а мы не делаемся слишком старыми для них. При получении подарков земных не забывайте и о духовных; иначе ваша радость будет пуста и бессодержательна..."

Возлюбленные, сохраняя и приумножая духовную радость, продолжим в Новом лете благости Господней благодатное обновление нашей церковной жизни и возблагодарим Великого Пастыреначальника (1 Пет. 5,4; Евр. 13,20) за неоскудеваемо изливаемую Им милость на нашу Русскую Православную Церковь, на наш народ Божий.

В истекшем году, дорогие мои, было восстановлено и создано множество приходов во всех внутренних епархиях нашей Церкви. Возобновлены богослужения во многих возвращенных нам храмах, какие могли к

настоящему времени быть приведены в должное состояние. Начали свое спасительное служение многие новосозданные приходские храмы в различных наших епархиях. Милостью Божией был заново восстановлен в первоначальном виде собор Казанской иконы Божией Матери, воздвигнутый на Красной площади в 1636 году князем Димитрием Пожарским в память об избавлении Москвы от иноземного нашествия и о прекращении смуты в пределах нашей Родины. Господь даровал мне радость освящения этого храма в день празднования чудотворной иконе – 22 октября старого стиля.

В истекшем году были возвращены Русской Православной Церкви и возобновили, к нашей радости, иноческую жизнь многие мужские и женские монастыри.

В ряде епархий – Московской, Смоленской, Рижской и Уфимской – произошли благодатные мироточения от святых икон Спасителя, Божией Матери, Преподобного Сергия Радонежского и преподобного Серафима Саровского, чудотворцев. Мы воспринимаем это как зримое проявление благоволения Божия ко всей Полноте нашей Русской Православной Церкви.

В минувшем году Господь сподобил меня посетить восемнадцать епархий, находящихся в Центральной России, в Прибалтике, в Поволжье, в Сибири и на Дальнем Востоке. Эти посещения принесли мне духовное утешение от поклонения святыням церковным, каждая из которых имеет глубокую связь с исторической судьбой того или иного местного народа, с духовной жизнью бесчисленной чреды поколений верующих людей. Эти посещения сопровождались молитвенным общением с архипастырями, клиром и благочестивой паствой, объединявшим нас в предстоянии пред Спасителем, Его Пречистой Матерью и святыми угодниками Божиими за весь наш народ и наше земное Отечество, укреплявшим наши духовные силы. Памятование обо всех, с кем Бог судил мне встретиться, я сохраняю в своих молитвах и уповаю на их обо мне святые молитвы. Эти посещения позволили мне обсудить в епархиях неотложные проблемы церковной жизни и наметить пути к разрешению многих из них.

Насущнейшей задачей каждого прихода нашей Церкви, каждой монашеской обители являются: постоянная активная деятельность, направленная на духовное просвещение народа Божия, проповедь о Христе Спасителе нашем. Каждый приход, каждая обитель должны быть училищами благочестия, центрами религиозного образования детей, молодежи, людей всех возрастов и положений, источниками созидания и укрепления здоровой православной семьи, организаторами духовного окормления детских садов и детских домов, больниц и домов для престарелых, воинских частей, мест заключения. Вся наша Церковь, каждый приход и каждая обитель, каждый верующий должны всемерно противостоять распространению пороков в нашем обществе.

Всецерковное православное молодежное движение, братства, сестричества и все учреждения, объединяющие мирян Русской Православной Церкви, призваны углублять свою деятельность во благо Матери Церкви и земного Отечества. При этом им необходимо твердо хранить каноническую повседневную связь со Священноначалием Церкви и не отклоняться от ее исконных традиций.

Исключительное место в святом процессе возрождения традиционных форм деятельности Русской Православной Церкви занимают наши духовные школы: академии, семинарии, духовные училища, регентские и

иконописные классы. Да благословит Господь начальствующих, учащих и учащихся этих школ, которые в экономически труднейших условиях нашего времени подвижнически исполняют свое нелегкое послушание, в полном смысле слова созидая будущее нашего народа и нашей Церкви.

В сентябре истекшего года возлюбленная Дщерь нашей Церкви – Православная Церковь в Америке положила начало празднованию 200-летия Православия на Американском континенте, зародившегося самоотверженными подвижническими трудами иноков наших Валаамского и Коневского монастырей. Подвижническим трудом священномученика иеромонаха Ювеналия, преподобного Германа Аляскинского, святителя Московского Иннокентия, святителя Тихона, Патриарха Всероссийского, и многих, многих других утвердилось и расцвело древо Святого Православия на Американской земле. С открытым сердцем, радушно принимали нас православные Америки, а также представители других религиозных сфер, общественные и государственные круги Соединенных Штатов Америки. Усердная молитва и подлинно братское общение определили характер нашего пребывания в американских пределах и исполнили нас духовной радости.

Политический кризис в России, приобретший особую остроту в последней трети сентября, побудил меня возвратиться из США в Москву до завершения программы празднования 200-летия Православия в Америке. Мною и Священным Синодом Русской Православной Церкви было сделано все для нас возможное, включая сложнейшую посредническую миссию, чтобы не допустить братоубийственного кровопролития. Однако, не прислушавшись к призыву Церкви, люди подняли руку на ближних своих, и в начале октября пролилась невинная кровь множества людей. Мы не перестаем возносить усердные молитвы о всех погибших и страждущих, молитвы об устроении России и призывать к покаянию. Мы повторяем проникновенные слова молитвы святителя Тихона, Патриарха Всероссийского: "Боже Великий и Дивный!.. Утоли шатания и раздоры в земле нашей, огради нас от гнева, убийства, вражды и злобы... да вновь возлюбим друг друга и едино пребудем в Тебе, Господе и Владыке нашем, как повелел и заповедал нам".

Возлюбленные, еще и еще раз поздравляю всех вас с радостным праздником Рождества Христова и с Новым годом. Да не ослабеем в наших повседневных молитвах и трудах во славу Божию, во благо ближних и дальних, во благо нашей земной Родины. Да поможет Господь, пришедший в мир ради нас, человек, и нашего ради спасения, каждому из нас принести к Его яслям свой духовный плод, чтобы мы, по слову святого апостола Павла, среди великого испытания скорбями преизобиловали радостью (2 Кор. 8,2).

Бог любви и мира да будет со всеми нами!

АЛЕКСИЙ II, Патриарх Московский и всея Руси

Рождество Христово
1993/1994 г.,
Москва

Проповедь

Крещение Господне

В начале книги Бытия мы читаем о том, как над водами носилось дыхание Божие и как из этих вод возникали все живые существа. Воды есть символ жизни; они сохраняют жизнь жаждущего в пустыне, оживотворяют поле и лес, являются знаком жизни и милости Божией, и в священных книгах Ветхого и Нового Завета воды представляют собой образ очищения, омовения, обновления. Но какие бывают страшные воды: воды потопа, в которых погибли все, кто уже не мог устоять перед судом Божиим; воды, которые случается нам видеть в течение нашей жизни, – страшные, губительные, темные воды наводнений...

И вот Христос пришел на иорданские воды нашей земли, до самых недр своих осквернённой человеческим грехом и предательством. Сюда приходили омываться люди, призванные к покаянию Иоанном Предтечей, как тяжелы были эти воды грехом людей, которые ими омывались! Если бы мы только могли видеть, как омывающие эти воды постепенно тяжелели и становились страшными от этого греха! И Христос в начале своего подвига проповеди и постепенного восхождения на Крест пришел погрузиться в эти воды, носящие всю тяжесть человеческого греха.

Крещение Господне – один из самых страшных и трагических моментов Его жизни. В момент Рождества Христова Бог, по Своей любви к человеку хотящий нас спасти от вечной погибели, облекается в человеческую плоть, которая, приняв в себя Божество, обновляется, делается вечной, чистой, светозарной, той плотью, в которой Господь, пройдя путь Креста, Воскресения, Вознесения, сядет одесную Бога Отца.

В день Крещения Господня завершается подготовка к этому пути; теперь, созревший уже в Своем человечестве Господь, достигший полной меры Своей зрелости человек Иисус Христос, соединившийся совершенной любовью и совершенным послушанием с волей Отца, идет свободно исполнить то, что предначертал Предвечный Совет. Теперь человек Иисус Христос свою плоть приносит в жертву и в дар не только Богу, но всему человечеству, берет на Свои плечи весь ужас человеческого греха, человеческого падения и окунается в эти воды, которые являются водами смерти, образом погибели, носят в себе все зло, весь яд и смерть греховную.

Крещение Господне походит на ужас Гефсиманского сада, Крестной смерти и сошествия во ад. Тут тоже Христос так соединяется с судьбой человеческой, что весь ее ужас ложится на Него, и сошествие во ад является высшей мерой Его единства с нами и победой над злом.

Вот почему так трагичен этот величественный праздник и вот почему воды иорданские, носящие всю тяжесть и весь ужас греха, прикосновением к телу Христову, телу безгрешному, всечистому, бессмертному, телу Богочеловека, очищаются до глубин и вновь делаются первобытными водами жизни, способными очищать и омывать грех, обновлять человека, возвращать ему нетление, приобщать его ко Кресту, Вечной жизни, Царству Божию.

Как трепетен этот праздник! И вот почему, когда мы освящаем воды в этот день, мы с таким изумлением и благоговением на них глядим: эти воды сошествием Святого Духа делаются водами иорданскими, не только первобытными водами жизни, но водами, способными дать жизнь не временную только, но и вечную; вот почему мы

приобщаемся крещенской водой благоговейно, трепетно; вот почему Церковь называет ее великой святыней и призывает нас иметь в домах на случай болезни, душевной скорби, грехопадения – для очищения и обновления, для приобщения к новизне очищенной жизни. Через эти воды началось обновление природы, освящение твари, преображение мира. Так же как в Святых Дарах, мы видим тут начало будущего века, победу Божию и начало Вечной жизни, вечной славы – не только человека, но всей природы, когда Бог станет всем во всем.

Слава Богу за Его бесконечную милость, за Его Божественное снисхождение, за подвиг Сына Божия, ставшего Сыном человеческим! Слава Богу за то, что Он обновляет и человека, и судьбы его, и мир, в котором мы живем, за то, что жить мы можем благодаря уже одержанной победе и надежде на то, что в день Господень, великий, дивный, страшный, воссияет весь мир благодатью принятого, а не только данного Духа Святого! *Аминь*.

Митрополит Сурожский АНТОНИЙ

Богомладенец

Отроча младо – Превечный Бог! – этим ликующим отождествлением Младенца, родившегося в Пещере Вифлеемской, завершается одно из главных песнопений, составленных в IV веке знаменитым византийским песнописцем Романом Сладкопевцем. Вот оно в русском переводе:

Сегодня Дева рождает Того,
кто вечен,
И земля пещеру приносит
Неприступному.
Ангелы с пастырями славословят,
Волхвы со звездою путешествуют,
Ибо нас ради родился ребенок –
Предвечный Бог!

Ребенок – Бог, Бог – ребенок... Почему даже у людей, теплохладных к вере, даже неверующих, не перестает радостно сжиматься сердце при созерцании в эти рождественские дни единственного, несравнимого видения: молодой матери с ребенком на руках и – вокруг них – волхвов с Востока, пастырей с ночного поля, животных, неба, звезды? Почему так твердо знаем и снова и снова узнаем мы, что нет на этой скорбной земле нашей ничего прекраснее и радостнее этого видения, которое века не могли вытравить из нашей памяти?

К этому видению возвращаемся мы, когда нам некуда больше идти, когда, измученные жизнью, мы ищем того, что могло бы нас спасти. Ведь вот в евангельском рассказе о Рождестве Иисуса Христа ничего не говорит Мать и, конечно, ничего не говорит и Младенец – как если бы и не нужно было никаких слов, ибо никакими словами не объяснить, не определить, не передать смысла того, что произошло и совершилось тогда.

И все-таки попробуем. Не для того, чтобы объяснять и истолковывать. Но, как сказано в Писании, *от избытка сердца глаголют уста* (Лк. 6, 45). И невозможно человеку избытком этим не поделиться с другими.

Ибо именно в этих словах р е б е н о к и Б о г самое поразительное откровение рождественской тайны. В некоем глубоком смысле тайна эта обращена прежде всего к ребенку, продолжающему подспудно жить в каждом взрослом. К ребенку, который продолжает слышать то, что взрослый уже больше не слышит, и отвечать на это той радостью, на которую наш скучный, взрослый, усталый и циничный мир уже больше не способен.

Да, праздник Рождества Христова есть детский праздник не только в том смысле, что для детей зажигаются ел-

ки, а и в том, гораздо более глубоком, смысле, что, пожалуй, только дети не удивятся тому, что, когда приходит на землю к нам Бог, Он приходит в образе Ребенка, и этот образ Бога-Ребенка продолжает светить нам с икон, воплощаться в бесчисленных произведениях искусства, точно самое главное, последнее, радостное в христианстве заключено именно тут, в этом "вечном детстве Бога".

Взрослый, даже когда он разговаривает на "религиозные темы", хочет и ждет от религии объяснений, анализа, хочет, чтобы все было научно, серьезно. И так же серьезно и, в конце концов, скучно рассуждает о религии и ее враг, атеист, палящий по ней из своих "научных" пушек. Нет у нас более презрительного отношения к чему бы то ни было, чем то, что выражено в словах: "Это для детей младшего возраста". Это значит – не для взрослых, не для умных и серьезных детей. Но подрастут дети и тоже станут такими же серьезными и скучными.

А Христос сказал: "Будьте как дети" (ср.: Мф. 18, 3). Что это значит? Чего уже обычно нет у взрослых и, вернее, что во "взрослом" завалено, затоплено, заглушено толстым слоем его взрослости? Не прежде ли всего – свойственная детям способность восхищаться, радоваться и, главное, быть целостными и в радости, и в горе? И еще – способность доверять, отдаваться, любить и верить всем существом? И наконец, всерьез принимать то, к чему уже не способен взрослый, к мечте, к тому, что прорывает наш будничный опыт, наше циническое недоверие, ту глубину тайны мира и всего в нем, что открывается святым, детям, поэтам.

И потому, только прорвавшись к ребенку, подспудно живущему в нас, радостная тайна пришествия к нам Бога во образе ребенка может стать и нашим достоянием.

Ребенок не имеет ни власти, ни силы, но именно в безвластии своем оказывается он царем, именно в бессилии и в беззащитности – его удивительная сила. Ребенок той далекой Вифлеемской пещеры не хочет, чтобы боялись мы Его. Он входит в наше сердце не устрашением, не доказательствами своей силы и власти, а только любовью. Как ребенок – он отдается нам, и, как ребенка, мы можем только полюбить Его и, в свою очередь, отдать себя Ему.

В мире царствуют власть и сила, страх и рабство. От них освобождает нас Богомладенец Христос. Только любви, свободной и радостной, только того, чтобы отдали мы Ему наше сердце, хочет Он от нас. И мы отдаем его беззащитному, до конца доверяющему нам Младенцу.

В праздник Рождества Христова являет нам Церковь радостную тайну: тайну свободной, никем не навязанной нам любви. Любви, способной в Богомладенце увидеть, узнать, полюбить Бога и стать даром новой жизни.

Протопресвитер Александр ШМЕМАН

Свет разума

Рождество Твое, Христе Боже наш, воссия мирови свет разума... Так начинается тропарь праздника Рождества Христова, с утверждения, что со Христом вошел в мир не только образ совершенного человека, но и высшее, всеобъемлющее откровение Смысла.

Свет разума! Но именно тут ведется извечный бой против христианства и Христа и восстают против Него все те, кто думает, что разум у них и за ними и что во имя разума и разумности они должны сокрушить все то, что связано с Младенцем из Вифлеемской пещеры.

Почти две тысячи лет длится этот спор. Вот приходит Апостол Павел в

Афины и вступает в Ареопаг, где восседают все светила науки и философии того времени, и там – в сердце античного мира – проповедует Христа Распятого и Воскресшего. И они, эти мудрецы, смеются над ним и говорят ему: "Об этом мы послушаем тебя завтра". А за ними стоит вся мощь великой Римской империи.

С христианами борются, их преследуют, их избивают, на протяжении почти двухсот лет – они вне закона, лишенцы, парии. Над их учением издеваются, их обряды высмеивают, на них клевещут.

Но среди этого мрака и злобы тот же Апостол Павел пишет христианам, и так просто, так спокойно: *нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем* (2 Кор. 6, 8-10).

Проходят годы. Понемногу, постепенно философы, ученые начинают задумываться над этим учением, которое казалось им таким непонятным, нерациональным, странным. Вот в середине второго века философ по имени Иустин. Он провел всю жизнь в искании истины, изучил все науки и наконец пришел к христианству. До нас дошло его произведение. Что же привело его к этой гонимой вере и к мученической смерти? Он отвечает: "свет разума", высшая разумность, всеобъемлющая мудрость христианского Откровения. Оно, христианство, одно отвечает на все вопросы, оно одно до конца способно удовлетворить пытливость человеческого ума и жажду человеческого сердца.

Оно есть Логос, что по-гречески значит "смысл" и "разум". А разве не сказано в Евангелии, что Он – Логос, смысл и разум всего? Еще несколько десятилетий – и перед нами другой представитель античного Олимпа – Климент Александрийский. И к нему тоже христианская вера приходит и раскрывается как вершина разума, как предел и исполнение всех исканий, всех чаяний человеческих. И сколько их, подобных Иустину и Клименту. И наконец, сама Империя склоняет свою гордую голову перед распятым Учителем, Которого она так долго презирала.

Начинается "христианская эра" в истории человеческого развития и культуры. И неужели можно забыть корни, из которых выросло все то, чем мы живем и дышим? Христианство входит в плоть и кровь нашей жизни, без него не понять ни искусство, ни философию, ни науку.

Но вот в наши дни снова восстает гордыня ума человеческого против сокровищницы разума, добра и красоты. Вглядитесь в это восстание – чем оно держится? Только силой. Это ли спор и убеждение? У врагов христианства в конечном счете не оказывается никаких других аргументов, кроме клеветы и пропаганды.

В ответ – с такой же силой несется из храмов торжествующая песнь: *Рождество Твое, Христе Боже наш, воссия мирови свет разума*. Так же уверенно, так же твердо исповедуем мы, что там, где есть честное искание, жажда истины и любовь к ней – они рано или поздно приводят ко Христу. Ибо *в Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков... И свет*, – продолжает евангелист Иоанн, – *во тьме светит, и тьма не объяла его* (Ин. 1, 4-5).

Именно в этом утверждении, в этом исповедании – смысл праздника Рождества. Свет Разума, вошедший в мир и засиявший в нем тогда, не ушел от нас, не погас. Как далеко пошли мы в изучении мира, и вот лучшие умы нашего времени начинают чувствовать славу Божию, свет Его разума в этом необъятном космосе, в его законах, в его красоте. Звезда, которая вела мудрецов к пещере, перестает быть умилительной сказкой, мы снова слышим предвечную правду слов псалма: *Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь*! (Пс. 18, 2). Весь мир стремится к единству,

миру, любви. Но где же он найдет их? В экономике? В бряцании оружием? В соперничестве?

Все очевиднее растет тоска по чему-то, что действительно вошло бы в самое сердце как все освещающий свет жизни. Но нет у человека сердца, кроме Христа. Нет другого пути, кроме Им дарованной заповеди любви. Нет иной мудрости, нет иной цели, кроме Им возвещенного Царства Божиего, нет иного пути, кроме Им явленного совершенства: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48).

Вот этой космической любовью, этим светом горит и сияет Рождество. Духовным слухом мы слышим все ту же торжествующую хвалу: *Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение.* Духовным взором видим все тот же свет разума, духовным голосом отвечаем на эту радостную весть благодарной песнью: Христос рождается – славите! Христос на земле – встречайте! Христос с небес – возноситесь!

Протопресвитер Александр ШМЕМАН

Новый год

Старый обычай: под Новый год, когда в полночь бьют часы, загадывать желания, обращаться к неизвестному будущему с мечтой, ждать от него чего-то нужного, заветного.

И вот опять Новый год. Чего же пожелаем мы себе, другим, каждому, всем? Куда направлена наша надежда?

Направлена она на одно никогда не умирающее слово – с ч а с т ь е. С Новым годом, с новым счастьем! К каждому из нас счастье это обращено по-своему, лично. Но сама вера в то, что оно может быть, что его можно ждать, на него надеяться, – это вера общая. Когда же бывает по-настоящему счастлив человек?

Теперь, после столетий опыта, после всего того, что узнали мы о человеке, уже нельзя счастье это отождествлять с чем-то одним, внешним: деньгами, здоровьем, успехом, – о чем мы знаем, что не совпадает оно с этим всегда таинственным, всегда неуловимым понятием – счастье.

Да, ясно, что физическое довольство – счастье. Но не полное. Что деньги – счастье, но и мучение. Что успех – счастье, но и страх. И поразительно то, что, чем больше это внешнее счастье, тем более хрупко оно, тем сильнее страх потерять его, не сохранить, упустить. Может быть, потому и говорим мы в новогоднюю полночь о н о в о м с ч а с т ь е, что "старое" никогда по-настоящему не удается, что всегда чего-то недостает ему. И уже опять вперед, с мольбой, мечтой и надеждой взираем мы...

Боже мой, как давно сказаны евангельские слова о человеке, который разбогател и построил новые амбары для своего урожая и решил, что все у него есть, все гарантии счастья! И успокоился. А ему в ту же ночь было сказано: *Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?* (Лк. 12, 20).

И конечно, здесь, в этом подспудном знании, что все равно ничего не удержать, что впереди все равно распад и конец, – та отрава, что отравляет наше маленькое и ограниченное счастье. Наверное, потому и возник обычай под Новый год, как начинают бить часы в полночь, шуметь, кричать, наполнять мир грохотом и шумом. Это от страха услышать в тишине и одиночестве бой часов, этот неумолимый голос судьбы. Один удар, второй, третий, и так неумолимо, ровно, страшно – до конца. И ничего не переменить, ничего не остановить.

Так вот эти два подлинно глубоких, неистребимых полюса человеческого сознания: страх и счастье, ужас и мечта. То новое счастье, о котором мы мечтаем под Новый год, это счастье,

которое до конца усмирило бы, растворило и победило страх. Счастье, в котором не было бы этого ужаса, гнездящегося где-то на глубине сознания, и от которого мы все время ограждаем себя – вином, заботами, шумом, – но чья тишина побеждает всякий шум.

Безумец! Да, по существу, безумна неумирающая мечта о счастье в страхом и смертию пораженном мире. И на вершине своей культуры человек это знает. Какой горестной правдивостью и печалью звучат слова великого жизнелюбца Пушкина: "На свете счастья нет". Какой высокой печалью пронизано всякое подлинное искусство. Только там, внизу, шумит и горланит толпа и думает, что от шума и мутного веселья придет счастье.

Нет, оно приходит только тогда, когда правдиво, мужественно и глубоко вглядывается человек в жизнь, когда снимает с нее покровы лжи и самообмана, когда смотрит в лицо страху, когда, наконец, узнает, что счастье – подлинное, прочное, неумирающее счастье – во встрече с Истиной, Любовью, с тем бесконечно высоким и чистым, что называл и называет человек Богом.

В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков, и свет во тьме светит, и тьма не объяла его (Ин. 1, 4-5). И это значит: не поглотить страхом и ужасом, не растворить в печали и отчаянии.

О, если бы люди в своей суетливой жажде мгновенного счастья нашли в себе силу остановиться, задуматься, вглядеться в глубину жизни! Если бы услышали они, какие слова, какой голос вечно обращены к ним на этой глубине! Если бы знали они, что такое подлинное счастье!

И радости вашей никто не отнимет у вас!.. (Ин. 16, 22). Но разве не о такой радости, которой уже нельзя отнять, мечтаем мы, когда бьют часы?.. Но вот как редко доходим мы до этой глубины. Как почему-то боимся мы ее и все откладываем: не сегодня, а завтра, послезавтра я займусь главным и вечным. Не сегодня. Есть еще время. Но времени так мало! Еще немного – и подойдет стрелка к роковой черте. Зачем же откладывать?

Ведь вот тут, рядом, стоит Кто-то: *Се, стою у двери и стучу* (Откр. 3, 20). И если бы не боялись мы взглянуть на Него, мы увидели бы такой свет, такую радость, такую полноту, что, наверное, поняли бы, что значит это неуловимое, таинственное слово счастье.

Протопресвитер Александр ШМЕМАН

О лицемерии

В одной из синагог учил Он в субботу. Там была женщина, восемнадцать лет имевшая духа немощи: она была скорчена и не могла выпрямиться.

Иисус, увидев ее, подозвал и сказал ей:

– женщина! ты освобождаешься от недуга твоего. И возложил на нее руки; и она тотчас выпрямилась и стала славить Бога. При этом начальник синагоги, негодуя, что Иисус исцелил в субботу, сказал народу: есть шесть дней, в которые должно делать: в те и приходите исцеляться, а не в день субботний.

Господь сказал ему в ответ: – лицемер! не отвязывает ли каждый из вас вола своего или осла от яслей в субботу и не ведет ли поить? Сию же дочь Авраамову, которую связал сатана вот уже восемнадцать лет, не надлежало ли освободить от уз сих в день субботний?

И когда говорил Он это, все противившиеся Ему стыдились; и весь народ радовался о всех славных делах Его (Лк. 13, 10-17).

Что видим мы в этом Евангельском повествовании? Видим великое милосердие, любовь и Божественную силу Господа нашего Иисуса Христа, обращенные на благо несчастной женщины.

Видим вместе с тем и злое, тупое

лицемерие начальника синагоги, "слышим грозное слово Христово в ответ ему: "Лицемер".

Что такое лицемерие?

В чем так грозно упрекал Господь Иисус Христос этого начальника синагоги?

Лицемерие – это то, что свойственно очень многим, очень многим из нас.

Лицемер – это тот, кто выдает себя не за того, кто он есть на самом деле.

Лицемер – это тот, кто носит маску благочестия, будучи в душе своей лишенным всякого благочестия.

Лицемер – это тот, кто выражает любовь и верность ближнему своему, говорит ему добрые, хорошие, льстивые слова, а в душе своей таит ненависть к нему, кует злобные ковы против него.

Лицемер – это тот, кто прячет от окружающих его людей все недобрые, злые, черные движения души своей, все скверные мысли и говорит с ближними своими, притворяясь любящим, чистым сердцем, не имеющим ничего злого в душе своей.

В чем состояло лицемерие начальника синагоги, за которое грозно обличал его Господь Иисус Христос? Оно состояло в том, что, будучи одним из учителей народа, начальник синагоги изображал из себя носителя всякого благочестия и праведности, а в душе своей нисколько не был таким. В душе своей, как показала его речь при исцелении этой несчастной женщины, был безжалостным, черствым, не любящим людей.

Он заботился только о соблюдении буквы закона, а дух закона о любви к ближнему был чужд ему.

Не надлежало бы Господу Иисусу Христу обличить его? Да. И услышал он грозные слова обличения от безгрешного Сына Божия.

В некоторых из нас, читающих и знающих Священное Писание, может быть, возбуждало недоумение то, что Господь Иисус Христос, Который нам, простым рядовым христианам, запретил называть ближнего своего даже таким как будто бы невинным словом, как *пустой человек*, Который сказал, что если назовем кого-нибудь *безумным*, то подлежим геенне огненной, Сам нередко говорил слова резкие, как и в этом случае, назвав начальника синагоги лицемером.

Лицемерами многократно называл Он книжников и фарисеев.

Он называл их даже змеями, порождениями ехидниными (см.: Мф. 3,7).

Однажды, когда Господь Иисус Христос был в Иудее, Его предупредили, что Ирод ищет погибели Его, и советовали поскорее уйти из Иудеи.

Как же ответил Господь Иисус Христос? Он спокойно сказал: *пойдите, скажите этой лисице: се, изгоняю бесов и совершаю исцеления сегодня и завтра, и в третий день кончу* (Лк. 13,32).

Лисицей назвал Он Ирода.

А однажды самого великого Апостола, любимого друга Своего, Петра, Он назвал даже таким страшным словом, как "сатана":

Отойди от Меня, сатана! Ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое (Мф. 16,23).

Вы знаете, что Господь Иисус Христос иногда приходил в гнев, вы знаете, что Он дважды изгнал из храма Иерусалимского торгующих скотом, рассыпал деньги, разложенные на столах менял; вы знаете, что Он однажды сделал бич из веревок и погнал торгующих из храма, подобно скоту.

Так грозен был иногда гнев Сына Божия.

Что же скажем мы? Неужели может быть какая-нибудь тень противоречия в Господе Иисусе Христе?

Неужели Он нарушал ту заповедь, которую дал нам и в силу которой мы не смеем назвать никого даже пустым человеком?

Конечно, нет. В Господе Иисусе Христе все *да, да* (Мф. 5, 37).

Нет никакого *нет*, нет никаких противоречий. Их и не может быть в Сыне Божием.

В чем же дело? Как объяснить то, о

чем я говорю? Объяснение просто: нужно отличать то, что запрещал Христос, от того, что Он Сам делал.

Нужно отличать слова брани от слов обличения. Ибо, когда говорим ближнему своему "дурак", "безумный", то что выражаем мы этим? Мы выражаем этим презрение к брату своему, уничижаем его, браним его. Вот такую брань, такое превозношение над ближним, строжайше запретил Господь Иисус Христос.

А что значат эти слова Господа Иисуса Христа, о которых я только что говорил вам? Что значит, что Он нередко называл людей змеями, порождением ехидны, лисицей? Это значит, что Он их обличал.

Есть большое различие между бранью и обличением. Брань, уничижение ближнего строго-строго запрещены законом Божиим, а обличение заповедано нам, как должное, в слове Божием, ибо читаем в Священном Писании: *не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте* (Еф. 5,11).

В посланиях к Тимофею святой апостол Павел заповедует ему: *Согрешающих обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели* (1 Тим. 5,20);

Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай, со всяким долготерпением и назиданием (2 Тим. 4, 2).

Вы видите, что обличение заповедано нам и святым апостолом Павлом. Мы должны не только не участвовать в злых делах тьмы, мы должны их обличать. Мы не смеем и не должны молча и равнодушно проходить мимо зла, нечестия.

И во всех тех случаях, когда Господь Иисус Христос говорил резкие слова, Он говорил их именно потому, что Он обличал. Он не унижал человеческого достоинства тех, кого называл *лисицей* и даже *порождением ехидны*. Он обличал только их лживость, ибо лицемерие есть один из видов лжи, а отец лжи – диавол.

Господь Иисус Христос не мог не обличать лжи и лицемерия и всегда обличал резко и с гневом. Ибо есть гнев святой, есть гнев, заповеданный нам от Бога, есть гнев, которым мы должны воспылать, когда видим надругательство над святыней, есть гнев, подобный тому, который побудил великого святителя и чудотворца Николая Мирликийского на первом Вселенском Соборе, когда обсуждалась ересь Ария, ударить его по лицу.

Такой же гнев побудил Господа Иисуса Христа бичом из веревок изгнать торгующих из храма. Святым и пламенным гневом обрушивался Он на нечестивцев. Лицемерами называл Он тех, кто этого заслуживали, кого надо было обличать перед всем народом, с кого надо было снять маску благочестия, развенчать в глазах народных и показать, что они лжецы.

Законно и праведно было в устах Божиих, в устах Христовых слово *лицемер*, сказанное начальнику синагоги.

Законно и праведно было всех книжников и фарисеев назвать не только *лицемерами*, но и *змеями* и *порождениями ехидны*.

Прочтите 23-ю главу Евангелия от Матфея – и увидите вы, сколько высшей правды Божией в обличении Христовом книжников и фарисеев, как законны данные им названия.

Разве не заслуживал Ирод названия лисицы?

Ибо почему он назван лисицей?

Что характерного в лисице?

Известна ее хитрость, известно ее лукавство, известно, как она обманывает и охотника и жертву свою. Называя Ирода лисицей, Господь Иисус Христос обличал его в хитрости, склонности к предательству, – это была не брань, а законное обличение.

Почему назвал Господь Иисус Христос Апостола Петра страшным словом "сатана"? Потому что Апостол Петр, когда услышал от Него, что Ему надлежит преданну быть и распяту и умереть страшной смертью за спасение рода человеческого, стал отговаривать Его от такой страшной жертвы, стал просить, чтобы Он пожалел Себя.

Это ли не дело сатаны было?

Не сатане ли нужно было удержать

Христа от Голгофской жертвы? Устами Апостола говорил тогда сам сатана, потому и сказал Господь такое грозное слово ему: *Отойди от Меня, сатана!.. ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое.*

Вот видите, какая разница между ругательством и обличением. Мы должны обличать друг друга; и пастыри Церкви, по завету Апостола Павла, должны публично обличать грешников. Это вменяется нам в обязанность и долг. А если таков наш долг, то в чем буду я вас, моих Богом мне данных пасомых, обличать?

Во многом, во многом надо было бы вас обличать. Но ныне обличу вас в одном тяжком и всеобщем грехе нашем – не говорю в а ш е м, говорю н а ш е м – в грехе осуждения ближних своих. Ибо кто из вас свободен от этого греха?

Кто из вас не нарушали слов Христовых об осуждении ближних?

Кто из вас всей душой боится этих слов?

Выслушайте эти слова:

Не судите, да не судимы будете... Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?.. Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза (Мф. 7, 1, 3, 5).

А мы заняты всегда самыми мелкими не только сучками, а даже соринками в глазах братьев наших, а бревна не склонны видеть в глазу своем и осуждаем с утра до ночи и с ночи до утра. Всех осуждаем, даже близких и любимых своих. Осуждаем и священников, осуждаем и архиереев, не боясь ответа перед Богом, не боясь слов Христовых: *Не судите, да не судимы будете.*

Судят и меня, архипастыря вашего; судите не столько вы, пожалуй, – от вас такое осуждение может быть услышано в виде исключения, – но судят очень резко меня в Кирсанове и Моршанске. Судят те, которых вправе я назвать окаянными, судят бродячие монахи, бродячие монашки, внушают народу, что я не настоящий архиерей, что мне не надо подчиняться, что я лишен благодати Божией.

А почему? За что?

За то, что я облегчаю страдания множества несчастных братьев наших, кровь свою за нас проливших, за то, что я спасаю от смерти многих и многих, стоящих не одной, а обеими ногами в могиле.

Господь помогает мне из могилы их извлекать, Господь дал мне великое хирургическое искусство и глубину знания, и по завету двух покойных патриархов – Тихона и Сергия – я не смею прекращать свою хирургическую деятельность. Этого требовали от меня покойные патриархи.

А эти окаянные, которые все знают лучше патриархов, говорят: какой же это архиерей, который сегодня служит в храме, совершает литургию, а завтра идет проливать кровь человеческую?

Вот до каких пределов доходит осуждение человеческое, вот на какую неправду способны люди.

Да не будем повинны мы в таком страшном грехе осуждения, ибо грех осуждения – это страшный и тяжкий грех, от которого в высшей степени трудно избавиться, ибо грех этот так въелся в сердца наши, что отделаться от него своими средствами мы не можем.

Как же нам быть? Каким образом нам отделаться от этого страшного греха? Этому научает нас святой апостол Павел в нынешнем апостольском чтении. Вот что он говорит: *Наконец, братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его* (Еф. 6,10). Не сами на себя надейтесь, а укрепляйтесь Господом. Только могуществом Его силы можем мы избавиться от страшного греха осуждения. *Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (ст. 11-12)..

Кого называет Апостол *началъствами, властями, мироправителями тьмы века сего?*

Бесов, ангелов сатаны. Подобно то-

му как в светлом лике Ангелов есть девять чинов, так и у сатаны есть начальства, власти, мироправители, *духи злобы поднебесные*. И наша борьба – это борьба против них. Это цель нашей жизни.

Для сего приимите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять (Еф. 6,13).

Как воины, идущие на войну, облекитесь во всеоружие Божие.

Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности (ст. 14). Только этой броней защититесь от стрел лукавого и осуждения ближних ваших.

И обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого (ст. 15-16). Щитом веры, горячей, пламенной веры, вы можете угасить эти стрелы лукавого.

И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие (ст. 17). Этим мечом будете вы иссекать всех *духов злобы поднебесных*. А если будете всегда вооружены так, как говорит святой апостол Павел, если будете воинами Христовыми, пламенными защитниками веры, то все разжженные стрелы лукавого отскочут от вас, как от каменной стены.

Итак, воины Христовы, вперед, вперед на борьбу с лукавым, с кознями диавольскими, с *духами злобы поднебесными. Аминь.*

Архиепископ ЛУКА
(Войно-Ясенецкий; † 1961)

Поздравляем юбиляра

Ивану Алексеевичу Минакову – старейшему редактору, ответственному за выпуск "Богословских трудов", постоянному прихожанину Богоявленского кафедрального собора исполнилось 80 лет.

Почти 40 из них он отдал работе в Издательском отделе Московского Патриархата. Неутомимый труженик на ниве церковной, он снискал любовь и уважение нескольких поколений сотрудников, для которых его знания и опыт, скромность и энергия, необычайное чувство ответственности служат добрым примером. Труды Ивана Алексеевича в Издательском отделе отмечены высокими церковными наградами – орденами святого равноапостольного князя Владимира и орденом Преподобного Сергия Радонежского.

От всей души поздравляем Ивана Алексеевича с замечательным юбилеем, молитвенно желаем ему душевного и телесного здоровья, радости о Господе и Его благодатной помощи в работе на благо Церкви.

Многая Вам лета!

С любовью о Господе

Митрополит Волоколамский и Юрьевский
ПИТИРИМ
с сотрудниками

Годичный акт в Московской Духовной Академии

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября) – престольный праздник Московской Духовной Академии, и отмечается он всегда торжественно, с особым молитвенным настроением и радостью.

Накануне праздника в академическом храме была совершена панихида "о зде начальствовавших, учивших и учившихся", а у памятника почившим наставникам – лития.

Утром в день праздника в Покровском храме Академии был совершен молебен с водоосвящением. Божественную литургию совершили митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, ректор Академии епископ Дмитровский Филарет в сослужении гостей, преподавателей и учащихся в священном сане; молилась вся многочисленная академическая семья. После запричастного стиха архимандрит Сергий (Соколов), инспектор Академии, произнес проповедь на тему праздника.

По окончании молебна Божией Матери, совершенного после литургии, митрополит Ювеналий произнес приветственное слово. Владыка передал ректору, учащим и учащимся поздравление с праздником и благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II, который не смог прибыть на торжество по состоянию здоровья. В своем слове Владыка Ювеналий обратил внимание молящихся на слова Христа из праздничного Евангелия: *Темже убо блажени слышащии слово Божие, и хранящии е* (Лк. 11, 28). В частности, он сказал: "Недостаточно лишь слышать слово Божие, изучать его, мало лишь верить в Бога, ибо *и бесы веруют и трепещут* (Иак. 2, 19), слово Божие необходимо хранить своей жизнью, жить по слову Божию, возрастая духовно". Владыка Ювеналий пожелал всем помощи Божией в духовном росте молитвами Божией Матери и Преподобного Сергия. Владыка ректор поблагодарил митрополита Ювеналия и просил передать сердечную благодарность Его Святейшеству.

В Большом актовом зале Академии состоялся торжественный годичный акт.

В президиуме: митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий; митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, председатель Издательского отдела; епископ Дмитровский Филарет, ректор Московской Духовной Академии и Семинарии; архимандрит Феогност, наместник Троице-Сергиевой Лавры; архимандрит Платон, секретарь Совета Академии; профессор М.С. Иванов, проректор по учебной работе, гости, в числе которых представители городских властей.

Открывая торжественный акт, епископ Филарет сказал: "В праздник Покрова Богородицы и Академия, и Семинария проводят по традиции свой актовый день. В этот день мы все приносим свою благодарность Спасителю, Божией Матери и за выпускников, и за тех, кто учится в Духовных школах".

С отчетом о деятельности Московских Духовных учебных заведений за 1992/93 учебный год выступил профессор М.С. Иванов. "Минувший 1992/93 учебный год, – сказал докладчик, – был ознаменован сменой ректора Московских Духовных учебных заведений... На высокий и ответственный пост ректора Академии и Семинарии,

Президиум годичного торжественного акта; Большой актовый зал Московской Духовной Академии

который с 1982 по 1992 год занимал архиепископ Дмитровский Александр, вступил епископ Астраханский и Енотаевский Филарет". Было отмечено активное участие Академии и Семинарии в праздновании 600-летнего юбилея со дня преставления Преподобного Сергия, в проведении Дней славянской письменности и культуры; продолжалась катихизаторская деятельность, осуществляемая учащимися Академии и Семинарии, то есть наряду с учебным процессом учащиеся "принимали широкое участие в школьной, церковной и церковно-общественной жизни".

В этом году исполняется 75 лет Всероссийскому Поместному Собору 1917-1918 годов, деяния которого, как сказал Владыка ректор, привлекают особое внимание церковной общественности. Это событие и определило тему актовой речи – "Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917-1918 годов". Произнес ее доцент протоиерей Владислав Цыпин.

Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, прибывший на торжество по благословению Святейшего Патриарха Алексия II, огласил послание Его Святейшества, содержащее поздравление Московским Духовным школам с праздником Покрова Богородицы.

Известные события начала октября этого года не позволили прибыть представителям Духовных школ на Академический праздник.

С поздравительным словом выступил доцент Свято-Тихоновского Православного Богословского института А.М. Камчатов. Он огласил послание ректора института протоиерея Владимира Воробьева, содержащее поздравление с праздником и пожелание дальнейшего сотрудничества.

От Отдела религиозного образования и катихизации выступил В. А. Ященко. Он поздравил Московскую Духовную Академию с престольным праздником, особо отметил заботу ректора МДА в сфере духовного образования и помощь преподавательской корпорации Академии в работе отдела; выразил пожелание, чтобы из стен Духовных школ выходили "настоящие пастыри-молитвенники, ясно указывающие путь нашего спасения".

Н.Ф. Бобылев, вице-глава Сергиево-Посадского района, отметив миротворческую деятельность Русской Православной Церкви в трагические дни октября, сказал: "Хотелось, чтобы та духовность и та нравственность, которые заложены в учащихся преподавателями, возрастали и приумножались, чтобы вы (учащиеся) были достойными продолжателями дела Преподобного".

Поздравительные телеграммы, поступившие в адрес Академии от иерархов и Духовных школ, огласил архимандрит Платон, секретарь Совета Академии.

Заключительное слово произнес ректор Академии епископ Дмитровский Филарет:

"Сегодня, в это сложное время, каждый из нас, и особенно пастырь Церкви, понимает, что возрождение России обусловлено не особенностями ее положения, а возрождением духовно-нравственного состояния каждого человека. В течение многих десятилетий пытались воспитать людей без религиозно-нравственных ценностей, но вере не суждено умереть. Московская Духовная Академия – вертоград богословской святоотеческой науки. Московские Духовные школы будут стремиться и впредь исполнять высокое и священное призвание".

Владыка поблагодарил присутствовавших и всех тех, кто "разделил с нами торжество настоящего дня", и просил передать Святейшему Патриарху Алексию II глубокую благодарность за послание.

Последнее слово торжества – праздничный концерт, исполненный хором учащихся под управлением архимандрита Матфея, профессора МДА. Прекрасное пение украсило праздник.

Священник Виктор СИМОНЮК

Поздравительное послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Московским Духовным школам

Ваше Преосвященство, дорогой Владыко ректор! Собратья Архипастыри, Ваши Высокопреподобия, досточтимые профессора и наставники, дорогие учащиеся Московских Духовных школ!

Поздравляю всех вас с прекрасным торжеством – храмовым праздником Московских Духовных школ – праздником Покрова Пресвятой Богородицы.

Сегодня Святая Церковь с благоговением обращает свои взоры к Царице Небесной, Чья жизнь всецело принадлежит тайне человеческого спасения и Чей Пречистый Покров, распростертый над миром, возвещает нам тайну Ее молитвенного предстательства.

Запечатлевшись в литургической памяти Церкви, событие Покрова Пресвятой Богородицы стало одним из наших любимых и почитаемых праздников, открывающих нам надмирность и сверхвременность Церкви, ее непреходящее и вечное назначение в мире, несмотря на ее погруженность в реальный поток исторического бытия. Мы верим, что, по обетованию Христа Спасителя и по молитвам Пречистой Богородицы, Церковь Христова пребудет на земле до скончания века.

В наше современное общество, освободившееся через долгие семьдесят лет от идеологического вавилонского пленения, Русская Православная Церковь вошла в сознание высоты и ответственности стоящих перед нею задач, укрепляемая молитвенным предстательством сонма святых, подвижников веры и благочестия, мучеников и исповедников, являющихся небесными молитвенниками и заступниками за возрождающуюся Россию.

Великая ответственность ложится на начальствующих и учащих в этот исторический момент, готовящих преданных своему призванию будущих пастырей и тружеников церковных. Задачи пастырства сейчас значительно шире, чем это было в минувшие десятилетия. Будущие пастыри должны быть в первую очередь ревностными служителями Алтаря Господня, благоговейными совершителями Святых Таинств нашей Святой Церкви, молитвенниками и предстателями за свою паству, ревностными проповедниками слова Божия, научая, объясняя истины святой веры тем, кто ищет единого на потребу. Надо здесь, в Духовной школе, дать будущим пастырям Церкви опыт, знания и практику создания церковноприходских воскресных школ, опыт катихизации, дел милосердия и благотворительности, подготовить их к работе в местах заключения и воинских частях среди военнослужащих. Жизнь прихода заключается не только в совершении богослужений, но и в воспитании в прихожанах естественной потребности делать добро, памятуя слова Апостола: *вера без дел мертва* (Иак. 2, 20). Перед каждым будущим пастырем Святой Церкви необходимо поставить задачу создать полнокровную приходскую общину, где богослужебная жизнь будет органически сочетаться с обучением и воспитанием детей, заботой о больных, одиноких, престарелых, многосемейных и т.д.

В этих задачах я молитвенно желаю руководству Московских Духовных Академии и Семинарии, регентской и иконописной школ щедрой помощи Божией, мудрости и сил.

Для вас, учащихся Московских Духовных школ, с праздником Покрова Пресвятой Богородицы останутся связанными на всю жизнь высокие и светлые воспоминания юности. Здесь вашему духовному взору преподносится образ священного и сокровенного по своему смыслу события, вошедшего в хронологическую ткань церковной истории и открывшего неземную и вневременную реальность небесного заступления Богоматери.

На вас, будущих делателей вертограда Господня, возлагается ответственность за будущее нашей Церкви и забота о том, чтобы историческое Православие Руси оставалось живым призванием Церкви, чтобы оно в обладании своих духовных и нравственных сил вошло в наступающее третье тысячелетие христианской истории.

Находясь в Духовной школе, готовясь к пастырскому и церковному служению, вы должны всемерно стремиться возрастать интеллектуально, нравственно и духовно, обогатиться знанием, чтобы затем в вашей предстоящей деятельности учить вверенный вам народ спасаться христианским подвигом, трудом и творчеством, созерцанием и религиозной верой.

Обращая в этот торжественный праздничный день к Преблагословенной Владычице Богородице наши молитвы и помыслы, наши надежды и упования, мы, в сознании нашей общей причастности к нашей Святой Матери-Церкви, должны явить нашим трудом, созерцанием, богомыслием и христианским подвигом то высокое и ответственное призвание, которое возложено на всех нас Богом и Церковью, жизнью и историей.

В исполнении этого высокого и святого призвания Господь Спаситель, Пастыреначальник Святой Церкви, да укрепляет, вразумляет и наставляет всех вас, а Пречистый Покров и небесное молитвенное предстательство Божией Матери да пребывают над всеми вами!

Сожалею, что болезнь, посетившая меня, не позволила мне разделить с вами радость общения в день праздника Московских Духовных школ.

АЛЕКСИЙ II,
Патриарх Московский и всея Руси

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917-1918 годов

(Актовая речь)

Поместный Собор Русской Православной Церкви, открывшийся 15 августа 1917 года Божественной литургией в Успенском соборе Московского Кремля, явился событием эпохального значения. Упразднив канонически ущербную и окончательно изжившую себя синодальную систему церковного управления и восстановив Патриаршество, он проложил рубеж между двумя периодами русской церковной истории. Поместный Собор хронологически совпал с революционными преобразованиями, с крушением Российской империи. Политическая структура старого государства рухнула, а Церковь Христова, руководимая благодатью Святого Духа, не только сохранила свой Богозданный строй, но и на Соборе, ставшем актом ее самоопределения в новых исторических условиях, сумела очиститься от наносного шлака, выправить деформации, которые она претерпела в синодальный период, и тем обнаружила свою неотмирную природу.

Для участия в деяниях Собора были призваны Святейший Синод и Предсоборный Совет в полном составе, все епархиальные архиереи, а также по выборам от каждой епархии по два клирика и по три мирянина, протопресвитеры Успенского собора и военного духовенства, наместники четырех Лавр, настоятели Соловецкого и Валаамского монастырей, Саровской и Оптиной пустынь, представители монашествующих, единоверцев, Духовных Академий, воинов действующей армии, Академии наук, университетов, Государственного Совета и Государственной Думы. Всего на Собор было избрано и назначено по должности 564 церковных деятеля: 80 архиереев, 129 пресвитеров, 10 диаконов и 26 псаломщиков из белого духовенства, 20 монахов (архимандритов, игуменов и иеромонахов) и 299 мирян.

Столь широкое представительство на Соборе пресвитеров и мирян связано с тем обстоятельством, что Собор явился исполнением двухвековых чаяний православного народа, его стремлений к возрождению соборности. Но Устав Собора предусматривал и особую ответственность за судьбу Церкви епископата. Вопросы догматического и канонического характера после их рассмотрения полнотой Собора подлежали утверждению на Совещании епископов, которым, по учению преподобного Иоанна Дамаскина, вверена Церковь. По мысли А. В. Карташева, Совещание епископов должно было воспрепятствовать слишком поспешным решениям Собора, которые могли поставить под сомнение его авторитет.

17 августа, открывая рабочие заседания, митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский, 1858-1918), канонизированный в 1992 году, произнес напутственное слово, исполненное тревоги и надежды: "Мы все желаем успеха Собору, и для этого успеха есть основания. Здесь, на Соборе, представлены духовное благочестие, христианская добродетель и высокая ученость. Но есть нечто, возбуждающее опасения. Это недостаток в нас единомыслия, как указали подготовительные работы к Собору, продолжавшиеся в течение последних 12 лет. Поэтому я напомню апостольский призыв к единомыслию. Эти слова Апостола имеют великое значение и относятся ко всем народам, ко всем временам, но в настоящее время разномыслие сказывается у нас особенно сильно. Оно возведено в руководящий принцип жизни. Без фракций, говорят, не обеспечен и порядок государственный. Разномыслие подкапывает под устои семейной жиз-

ни, под устои школы, под влиянием разномыслия многие отклонились от Церкви... Разномыслие раздирает государство... На чем же мы сойдемся? Православная Церковь молится об единении и призывает *едиными усты и единым сердцем* исповедовать Господа. Наша Православная Церковь устроена *на основании Апостол и Пророк, сущу краеугольну самому Иисусу Христу.* Это скала, о которую разобьются всякие волны. Сыны Церкви умеют подчинять свои личные мнения голосу Церкви..."

18 августа проведены были выборы председателя Собора. Им стал святитель Тихон. По его предложению Почетным председателем Собор утвердил старейшего иерарха Русской Церкви митрополита Владимира. Товарищами председателя избраны были от архиереев архиепископы Харьковский Антоний и Новгородский Арсений, которому после избрания Патриарха пришлось председательствовать на большинстве соборных заседаний, и в трудном деле руководства соборным деланием он проявил и дипломатическую мудрость, и твердую властность. От священников товарищами председателя избрали протопресвитеров Н. А. Любимова и Г. И. Шавельского, от мирян – профессора Московского университета князя Е. Н. Трубецкого и председателя Государственной Думы М. В. Родзянко, который на Собор не явился, и поэтому 8 (21) февраля 1918 года его сменил бывший обер-прокурор Синода А. Д. Самарин. Секретарем Собора был утвержден В. П. Шеин, впоследствии архимандрит Сергий, священномученик, его помощниками – П. В. Гурьев и профессор В. Н. Бенешевич. В Соборный Совет вошли также по выборам: от епископата – митрополит Платон, от клириков – протоиерей А. П. Рождественский, от мирян – профессор П. П. Кудрявцев.

После избрания Соборного Совета началось формирование рабочих отделов и комиссий.

Роковые августовские и сентябрьские дни – дни предсмертных судорог февральского режима, военных поражений, бессилия государственной власти – исполнили начавшееся соборное делание большой тревогой. Священник В. И. Востоков, выступив на одном из первых заседаний, сказал: "Когда дети видят израненную мать, тогда не место юридическим соображениям. Наша Родина отравлена, избита, она лежит в крови. Находятся преступные дети ее, которые разрывают ее окровавленные ризы. Но среди русского народа есть и доблестные честные силы, совершающие свой подвиг любви... Наша обязанность поддержать ее честных детей, ярко, определенно обличить ее преступных детей, кто бы они ни были, не взирая на лица, не боясь никого, кроме Бога одного. Если говорить нам, то так, как говорили древние Святители, например Патриарх Гермоген, святой Филипп, святой Златоуст..."

Отступление на фронте, массовое дезертирство, избиение верных долгу офицеров угрожали самой независимости России. Выступая на Соборе, протопресвитер армии Г. И. Шавельский вскрыл духовно-нравственные причины распада армии: солдатские души "охватил животный страх. Нашим доверчивым и уставшим воинам посулили Царство Небесное на земле: всю землю и волю; и в то же время освободили их от долга: от обязанности и от возмездия за трусость, измену и всякие другие нарушения высокого воинского долга. Нашим воинам пообещали рай на земле, и под влиянием этой проповеди людьми овладел животный страх за свою драгоценную жизнь".

Собор решает немедленно обратиться ко всему православному русскому народу с обличением и предостережением, с призывом одуматься и прекратить внутренние распри и вражду, с напоминанием о Христовой заповеди любви.

27 сентября на Соборе обсуждался внеочередной вопрос о составлении послания к православному народу по поводу приближающихся выборов в Учредительное собрание. Выступления

соборян обнаружили наличие решительно разных точек зрения. Одни ораторы, опасаясь, что самоустранение Церкви от политики даст свободу рук политическим агитаторам, призывали к самому прямому участию Церкви в предвыборной борьбе.

А. В. Васильев, председатель общества "Соборная Россия", первым заговорил на Соборе о выборах: "Волки в овечьей шкуре соблазняют наш христианский простой разумом и сердцем народ, обещая ему землю, освобождение от гнета капитала, труд и другие блага. Но благ этих они не дадут. Это могла бы дать своим народам и всему миру только свободная и сильная Россия: ее призвание было – явить миру христианство в его неискаженном виде, дать новую, согласную с христианским законом общественность, новый христианский общественный строй. Итак, чтобы Учредительное Собрание не оказалось по своему составу нерусским и нехристианским, необходимо по епархиям составить списки предлагаемых к избранию в Учредительное Собрание лиц, а по приходам... неустанно приглашать верующий народ не уклоняться от выборов и голосовать за упомянутый список".

Протоиерей Александр Хотовицкий, говоря о церковностроительных трудах Собора, о разрабатываемых им предначертаниях по оздоровлению и налаживанию внутрицерковной жизни, отметил: "Похоже на то, как если бы в руках смотрителей какого-либо здания кипела работа по изготовлению чертежей, проектов и т.д. для наилучшего сооружения и они спокойно смотрели бы в то же время, как кирпич за кирпичом вражеской рукой это же здание разрушается..."

Против призывов к деятельному участию Церкви в выборах возражали либерально настроенные члены Собора.

Истинную трудность задачи, поставленной перед Собором предстоящими выборами, хорошо сформулировал князь Е. Н. Трубецкой: "Во-первых... Собор, как выразитель голоса Церкви, не может становиться на партийную точку зрения, и, во-вторых... он не может проходить мимо политики". Князь Е. Н. Трубецкой предложил такое решение дилеммы: "Доселе Собор умел находить средний царский путь и мог высказаться по животрепещущим вопросам, не вступая на партийный путь. Собор мог бы обратиться с воззванием к народу, не опираясь ни на какую политическую партию, и определенно сказать, что следует избирать людей, преданных Церкви и Родине..."

И Собор выбирает тот путь, о котором говорил князь Трубецкой. Соборный разум предугадывал, что на политической арене борьба уже проиграна, что Промыслу Божию угодно повести русский народ и его Церковь путем испытаний, что борьба переносилась уже в иную, духовную сферу.

4 октября Собор обратился к всероссийской пастве с посланием о выборах: "Уже не в первый раз в нашей истории рушится храмина государственного... бытия, а Родину постигает гибельная смута... Непримиримостью партий и сословным раздором не созидается мощь государства, не врачуются раны от тяжкой войны и всегубительного раздора... *Царство, разделившееся само в себе, опустеет* (Лк. 11, 17)... Всенародным единением, озаряемым общею верою, просветляемым неподкупною совестью, искони утверждаются царства; с пошатнувшейся верой, с затемнившейся совестью расточаются силы, рушатся державы. О том вещает мудрость веков, эту истину скорбным путем познает теперь Родина наша, отравленная злобной завистью и лютой корыстью. Пусть победит в себе наш народ обуревающий его дух нечестия и ненависти, и тогда дружным усилием легко и светло совершит он государственный труд свой. Соберутся кости сухие, облекутся плотию и оживут по велению духа... В Родине видится оку земля святая... И поистине не мила нам и Родина без святой веры нашей. Пусть же носители веры призваны будут уврачевать ее болезни..."

В срочном порядке Собор присту-

пил к обсуждению вопроса о преподавании Закона Божия. Доклад по нему сделан был 23 сентября архиепископом Тамбовским Кириллом. Постановление Временного правительства от 14 июля о свободе совести, на основании которого Министерство народного просвещения распорядилось считать 14-летний возраст достаточно зрелым, чтобы по достижении его дети могли без согласия родителей менять вероисповедание или объявлять себя атеистами и прекращать изучение Закона Божия, вызвало на Соборе единодушный протест. В этом постановлении Собор увидел вызов, брошенный Правительством православному народу.

Принимается определение: "...установленный в законе 14 июля 1917 года о свободе совести 14-летний возраст для перемены вероисповедания или признания себя не принадлежащим ни к какой вере, а следовательно, и для прекращения изучения Закона Божия в школе представляется слишком юным, так как не обеспечивает надлежащей зрелости суждения ввиду душевных и телесных особенностей отрочества, и потому упомянутое постановление о возрасте подлежит немедленной отмене в законодательном порядке... Во всех светских как государственных, так и частных школах: низших, средних и высших, – где есть учащиеся православного вероисповедания, преподавание Закона Божия в качестве обязательного предмета должно быть поставлено в "одинаковые условия со всеми главными предметами учебного курса". Одновременно Собор посылает Временному правительству телеграмму с просьбой впредь не издавать законодательных постановлений, касающихся Православной Церкви, до обсуждения соответствующих вопросов Собором.

11 октября 1917 года Председатель Отдела высшего церковного управления епископ Астраханский Митрофан выступил на пленарном заседании с докладом, которым открывалось главное событие в деяниях Собора – восстановление Патриаршества. Предсоборный Совет в своем проекте устройства высшего церковного управления не предусматривал Первосвятительского сана. При открытии Собора лишь немногие из его членов, главным образом епископы и монашествующие, были убежденными поборниками восстановления Патриаршества. Но, когда вопрос о Первом епископе был поставлен в Отделе высшего церковного управления, он встретил там глубокое понимание. Мысль о Патриаршестве с каждым заседанием Отдела приобретала все больше приверженцев. Она видимым образом, на глазах у всех, претворялась в исповедание соборной воли и соборной веры Церкви. На седьмом заседании отдел решает не медлить с великим делом восстановления Первосвятительского престола и еще до завершения обсуждения всех деталей схемы высшей церковной власти предложить Собору восстановить сан Патриарха.

Обосновывая это предложение, епископ Митрофан напомнил в своем докладе, что Патриаршество стало известно на Руси с самого ее Крещения, ибо в первые столетия своей истории Русская Церковь пребывала в юрисдикции Константинопольского Патриарха. При Митрополите Ионе Русская Церковь стала автокефальной, но принцип Первосвятительского возглавления остался в ней непоколебленным. Впоследствии, когда Русская Церковь выросла и окрепла, поставлен был первый Патриарх Московский и всея Руси Иов.

Упразднение Патриаршества Петром I нарушило святые каноны. Русская Церковь лишилась своего Главы. Синод оказался учреждением, лишенным твердой почвы в нашей земле. Но мысль о Патриаршестве продолжала теплиться в сознании русских людей, как "золотая мечта". "Во все опасные моменты русской жизни, – сказал епископ Митрофан, – когда кормило церковное начинало накреняться, мысль о Патриархе воскресала с особой силой... Время повелительно требует подвига, дерзновения, и народ жела-

ет видеть во главе жизни Церкви живую личность, которая собрала бы живые народные силы".

Обращаясь к канонам, епископ Митрофан напомнил, что 34-е апостольское и 9-е правило Антиохийского Собора повелительно требуют, чтобы в каждом народе был первый епископ, без рассуждения которого другие епископы ничего не могут творить, как и он без рассуждения всех.

Вопрос о восстановлении Патриаршества на пленарных заседаниях Собора обсуждался с необычайной остротой. В сознании участников этих заседаний происходил такой же знаменательный духовный сдвиг, как и в Отделе.

Многие ораторы говорили об упразднении Патриаршества как о страшном бедствии для Церкви, но вдохновенней всех – архимандрит Иларион (Троицкий): "Зовут Москву сердцем России. Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах? На Кузнецком мосту? Оно бьется, конечно, в Кремле. Но где в Кремле? В Окружном суде? Или в солдатских казармах? Нет, в Успенском соборе. Там, у переднего правого столпа, должно биться русское православное сердце. Орел петровского, на западный образец устроенного самодержавия выклевал это русское православное сердце. Святотатственная рука нечестивого Петра свела Первосвятителя Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Церкви Российской от Бога данной ему властью поставит снова Московского Патриарха на его законное неотъемлемое место".

В ходе соборного обсуждения мысль о восстановлении сана Первоиерарха была освещена со всех сторон. Восстановление Патриаршества предстало перед членами Собора как повелительное требование канонов, как исполнение религиозных чаяний православного народа, как живая потребность времени.

28 октября прения были прекращены. Поместный Собор подавляющим большинством голосов вынес историческое постановление: "1. В Православной Российской Церкви высшая власть – законодательная, административная, судебная и контролирующая – принадлежит Поместному Собору, периодически в определенные сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян. 2. Восстановляется Патриаршество, и управление церковное возглавляется Патриархом. 3. Патриарх является первым между равными ему епископами. 4. Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору".

28 октября началась междоусобная брань в Москве. Верные Временному правительству офицеры, юнкера, казаки, наспех мобилизованные студенты защищали Кремль. Весь остальной город скоро оказался в руках красных полков. Над городом стоял грохот пушек и треск пулеметов, крики и стоны раненых. Всюду вооруженные толпы, отряды, патрули; стреляли во дворах, с чердаков, из окон; на улицах лежали убитые и искалеченные.

В эти страшные дни многие члены Собора ходили по городу, подбирая и перевязывая раненых. Среди них были Преосвященные Таврический Димитрий (Абашидзе) и Камчатский Нестор (Анисимов). Собор, стремясь остановить пролитие братской крови, направил делегацию для переговоров с военно-революционным комитетом и комендатурой Кремля.

Делегацию возглавил митрополит Платон. В нее вошли архиепископ Таврический Димитрий, епископ Камчатский Нестор, архимандрит Виссарион, протоиерей Э. И. Бекаревич, священник В. А. Чернявский и крестьяне А. И. Юдин и П. И. Уткин. Посольство отправилось на Тверскую, к дому генерал-губернатора, где разместился штаб красных. Двинулись церковным шествием, с иконами, свечами, епископы – в мантиях. Люди, встречавшиеся с процессией, снимали шапки, творили на себе крестное знамение, многие собирались идти следом – с трудом удавалось отговаривать их от этого.

Перед штабом – толпы солдат, красногвардейцев, с винтовками наперевес. Одни солдаты снимали фуражки, крестились, другие угрожали и злобно ругались: "Вот черти пришли с крестом... Зачем мешаете религию в наши дела?.. Зачем тут духовенство, оно уже известно своим раболепством... Идите лучше к своим, к юнкерам". А один солдат сказал: "Мы люди верующие, пусть они идут к неверующим людям, к юнкерам". Соборяне терпеливо и кротко беседовали с солдатами, пытаясь пробудить в них миролюбие. Начальники кричали на солдат, вступавших в беседу, велели им отойти, но солдаты не слушались. И постепенно сердца их смягчались. Многие просили благословения. Полчаса пришлось ждать посреди вооруженной толпы перед домом.

В штаб впустили одного митрополита Платона. Комиссар Соловьев, который разговаривал с ним, принял от него благословение, предложил ему сесть. Владыка опустился на колени и на коленях просил прекратить осаду Кремля, пожалеть кровь братьев. Комиссар поднял его, сказав "Поздно, поздно. Не мы испортили перемирие. Скажите юнкерам, чтобы они сдавались". С Тверской делегация направилась в Кремль для переговоров с осажденными, но красные посты не пропустили ее.

На другой день, 2 ноября, делегаты отчитывались на Соборе о своем посольстве. "В эти кровавые дни", по свидетельству митрополита Евлогия, "в Соборе произошла большая перемена. Мелкие человеческие страсти стихли, враждебные пререкания смолкли, отчужденность изгладилась... Собор, поначалу напоминавший парламент, начал преображаться в подлинный Церковный Собор, в органическое церковное целое, объединенное одним волеустремлением – ко благу Церкви. Дух Божий повеял над собранием, всех утешая, всех примиряя".

Преосвященный Евлогий предложил на Соборе организовать крестный ход в Москве. Отчаянно-пламенную речь произнес священник Нежинцев: "Немедленно необходимо организовать крестный ход из всех московских церквей, находящихся вне линии обстрела. В воззвании сказать, что Собор решил организовать великое земское ополчение и призывает всех от мала до велика выступить на защиту Родины, что он благословляет Церковь и монастыри отдать все, и самую жизнь, на защиту Родины. Настает момент, когда надо отдать все. Не щадите ничего, отдайте все имущество монастырей, отдайте золото, драгоценные камни, жемчуг, драгоценные ризы – все отдайте на спасение Родины! Не жалейте ничего: все Господь возвратит сторицею! Изберем из среды своей Пожарского, любящего Русскую Церковь. Имя его всем известно... Вперед на спасение Родины!"

Но большинство выступавших понимали, что крестный ход в столице, где велось сражение, выставит православных людей под пули, что, подвергнув народ опасности, он не принесет примирения. Тем более Собор не мог одобрить едва ли не авантюристический призыв священника Нежинцева обратиться к народу с воззванием об ополчении. Собор выбрал путь более трезвый и мудрый, более сообразный с духом любви Христовой.

Он обратился к враждующим с призывом к примирению, моля победителей о милосердии к побежденным: "Во имя Божие Всероссийский Священный Собор призывает сражающихся между собой дорогих наших братьев и детей ныне воздержаться от дальнейшей ужасной кровопролитной брани. Священный Собор от лица всей нашей дорогой Православной России умоляет победителей не допускать никаких актов мести, жестокой расправы и во всех случаях щадить жизнь побежденных. Во имя спасения Кремля и спасения дорогих всей России наших в нем святынь, разрушения и поругания которых русский народ никогда и никому не простит, Священный Собор умоляет не подвергать Кремль артиллерийскому обстрелу...".

В дни московской и всероссийской

междоусобицы Собор выбирал Первосвятителя-Патриарха.

Соборный Совет, опираясь на практику Константинопольской и Александрийской Церквей, предложил такую процедуру избрания: все соборяне подают записки с именами трех кандидатов. Получивший абсолютное большинство голосов будет признан избранным в кандидаты. При отсутствии абсолютного большинства у трех кандидатов проводятся повторные голосования, и так до тех пор, пока не будут утверждены три кандидата. Потом жребием из них будет избран Патриарх.

30 октября проведен был первый тур тайного голосования. В результате архиепископ Харьковский Антоний получил 101 голос, архиепископ Тамбовский Кирилл – 27, митрополит Московский святой Тихон – 23, митрополит Тифлисский Платон – 22, архиепископ Новгородский Арсений – 14, митрополит Киевский святой Владимир, архиепископ Кишиневский Анастасий, протопресвитер Г.И.Шавельский – по 13 голосов, архиепископ Владимирский Сергий – 5, архиепископ Казанский Иаков, архимандрит Иларион, А.Д.Самарин – по 3 голоса, архиепископ Ярославский Агафангел, архиепископ Алеутский Евдоким (Мещерский), епископ Уфимский Андрей, епископ Полтавский Феофан (Быстров) – по 2 голоса, митрополит Питирим, архиепископ Воронежский Тихон (Никаноров), архиепископ Волынский Евлогий, епископ Омский Сильвестр (Ольшанский), епископ Астраханский Митрофан, епископ Калужский Феофан, епископ Смоленский Феодосий, епископ Екатеринославский Агапит и протопресвитер Н. А. Любимов – по 1 голосу.

На следующий день, 31 октября, после разъяснения того, что протопресвитер Н. А. Любимов, как человек женатый, а А. Д. Самарин, как мирянин, не могут быть избраны в Патриархи, было проведено новое голосование, в котором подавались записки с тремя именами. На заседании присутствовало 309 соборян, поэтому избранным в кандидаты считался тот, за кого будет подано не менее 155 голосов. В результате голосования первым кандидатом в Патриархи признан был архиепископ Харьковский Антоний.

В результате повторного голосования кандидатом избирается архиепископ Новгородский Арсений.

Наконец, в третьем туре голосования кандидатом в Патриархи избирается святитель Тихон.

Избрание Патриарха назначено было на 5 ноября в храме Христа Спасителя. Тянуть жребий предстояло затворнику Зосимовой пустыни иеросхимонаху Алексию. В день избрания храм Христа Спасителя был переполнен народом. Божественную литургию совершали митрополиты святые Владимир и Вениамин, в сослужении сонма архиереев и пресвитеров.

По окончании литургии совершено было молебное пение, после которого митрополит Владимир вынес ковчежец на амвон, благословил им народ и снял с него печати. Из алтаря вышел старец в черной схимнической мантии. Митрополит Владимир благословил старца. Схииеромонах Алексий, кладя земные поклоны, трижды совершил на себе крестное знамение. В храме стояла совершенная тишина. Затаив дыхание, все ждали изъявления воли Господней о Первосвятителе русского народа. Помолившись, старец вынул из ковчежца жребий и передал его митрополиту Владимиру. Архипастырь вскрыл жребий и внятно прочитал: "Тихон, митрополит Московский. Аксиос!" "Аксиос!" – повторили за ним духовенство и народ.

Избрав Патриарха, Поместный Собор вернулся к обсуждению очередных тем. Богослужебный отдел представил на рассмотрение пленарного заседания доклад о церковном проповедничестве. Возражения вызвал первый тезис доклада, в котором проповедь провозглашалась "главнейшей обязанностью пастырского служения". Архимандрит Вениамин (Федченков) резонно заметил: "Указанных слов в Соборное правило

вводить нельзя: они были бы естественны в устах протестанта, но не православного... в сознании православных людей пастырь является прежде всего тайно-совершителем, тайно-водителем... Пастырь Церкви есть прежде всего совершитель таинств, и это – его главная обязанность. Но и на второй ступени пастырских обязанностей проповедь не стоит. Народ более всего обращается к своему пастырю со словами: "Батюшка, помолись за нас". Народ почитает в священнике прежде всего не оратора, а молитвенника. Вот почему ему и дорог отец Иоанн Кронштадтский... Проповедь среди пастырских обязанностей в сознании народа стоит только на третьем месте".

В соборном определении проповедь именуется уже только "одной из главнейших обязанностей пастырского служения". Собор провозгласил обязательность проповеди за каждой воскресной и праздничной литургией. Принимается и проект о привлечении к проповедничеству низших клириков и мирян, но не иначе как по благословению правящего архиерея и с разрешения настоятеля местного храма. Миряне-проповедники при этом должны посвящаться в стихарь и именоваться благовестниками. Собор призвал к организации "Благовестнических братств", способствующих развитию и оживлению церковного проповедничества.

13 ноября Собор приступил к обсуждению доклада о правовом положении Церкви в государстве, – в государстве, которое рушилось на глазах, распадалось на куски, терзалось злой междоусобицей. Поэтому Собор решал этот вопрос, отвлекаясь от сиюминутной, ненадежной, стремительно меняющейся обстановки.

По поручению Собора профессор С. Н. Булгаков составил декларацию об отношениях Церкви и государства, которая предваряла правовые определения. В декларации требование о полном отделении Церкви от государства сравнивается с пожеланием, "чтобы солнце не светило, а огонь не согревал. Церковь по внутреннему закону своего бытия не может отказываться от призвания просветлять, преображать всю жизнь человечества, пронизывать ее своими лучами. В частности, и государственность она ищет исполнить своим духом, претворить ее по своему образу...".

"И ныне, когда волею Провидения рушилось в России царское самодержавие, а на замену его идут новые государственные формы, Православная Церковь не имеет определения об этих формах со стороны их политической целесообразности; но она неизменно стоит на таком понимании власти, по которому всякая власть должна быть христианским служением... Как и встарь, Православная Церковь считает себя призванной к господству в сердцах русского народа и желает, чтобы это выразилось и при государственном его самоопределении".

Меры внешнего принуждения, насилующие религиозную совесть иноверцев, признаются в Декларации несовместимыми с достоинством Церкви, "однако государство... если оно не захочет отрывать себя от духовных и исторических корней, само должно охранять первенствующее положение Православной Церкви в России".

В соответствии с Декларацией Собор принимает Положения, "в силу которых Церковь должна быть в союзе с государством, но под условием своего свободного внутреннего самоопределения". Архиепископ Евлогий и А. В. Васильев предлагали слово "первенствующее" заменить более сильным словом "господствующее", но Собор сохранил формулировку, предложенную Отделом.

В окончательном, отредактированном виде Определение Собора гласило: "1. Православная Российская Церковь, составляя часть единой Вселенской Христовой Церкви, занимает в Российском Государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение, подобающее ей, как величайшей святыне огромного большинства населения и как великой ис-

торической силе, созидавшей Российское государство. 2. Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней церковной дисциплине и сношениях с другими автокефальными Церквами независима от государственной власти... 3. Постановления и указания, издаваемые для себя Православной Церковью... равно и акты церковного управления и суда признаются государством имеющими юридическую силу и значение, поскольку ими не нарушаются государственные законы. 4. Государственные законы, касающиеся Православной Церкви, издаются не иначе как по соглашению с церковной властью... 6. Действия органов Православной Церкви подлежат наблюдению государственной властью лишь со стороны соответствия их государственным законам, в судебно-административном и судебном порядке. 7. Глава Российского Государства, Министр Исповеданий и Министр Народного Просвещения и Товарищи их должны быть православными. 8. Во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращается к религии, преимуществом пользуется Православная Церковь... 22. Имущество, принадлежавшее установлениям Православной Церкви, не подлежит конфискации и отобранию, а самые постановления не могут быть упразднены без согласия церковной власти".

18 ноября Собор возобновил обсуждение вопроса об организации Высшего церковного управления.

Восстановлением Патриаршества дело преобразования всей системы церковного управления не было завершено. Краткое Определение от 4 ноября 1917 года было восполнено (впоследствии) целым рядом развернутых определений об органах высшей церковной власти: "О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России", "О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете", "О круге дел, подлежащих ведению органов высшего церковного управления", "О порядке избрания Святейшего Патриарха", "О Местоблюстителе Патриаршего Престола".

Патриарху Собор предоставил права, соответствующие каноническим нормам, прежде всего 34-му апостольскому правилу и 9-му правилу Антиохийского Собора: нести попечение о благополучии Русской Церкви и представлять ее перед государственной властью, сноситься с автокефальными Церквами, обращаться к всероссийской пастве с учительными посланиями, заботиться о своевременном замещении архиерейских кафедр, давать епископам братские советы.

Поместный Собор 1917-1918 годов образовал два органа коллегиального управления Церковью в промежутках между Соборами: Священный Синод и Высший Церковный Совет (ВЦС). К компетенции Синода были отнесены дела иерархически-пастырского, вероучительного, канонического и литургического характера, а в ведение ВЦС – дела церковно-общественного порядка: административные, хозяйственные, школьно-просветительные. И наконец, особо важные вопросы – по защите прав Русской Православной Церкви, по подготовке к предстоящему Собору, по открытию новых епархий – подлежали совместному решению Синодом и ВЦС.

В состав Синода входили, помимо его Председателя – Патриарха, 12 членов: митрополит Киевский по должности, шесть архиереев по избранию Собора на три года и пять епископов, вызываемых по очереди на один год. Из 15 членов ВЦС, возглавляемого, как и Синод, Патриархом, три архиерея делегировались Синодом, а один монах, пять клириков из белого духовенства и шесть мирян избирались Собором.

При избрании клириков и мирян в ВЦС исходили из того, что, хотя каноны ничего не говорят об их участии в органах высшей церковной власти, в них нет и запрета на такое участие. Привлечение клириков и мирян к церковному управлению обосновано примером самих апостолов, сказавших некогда: *Нехорошо нам, оставив слово Бо-*

жие, пещись о столах (Деян. 6, 2) – и передавших хозяйственные попечения семи мужам, традиционно именуемым диаконами, которые, по авторитетному разъяснению Отцов Трулльского Собора (16-е правило), были не священнослужителями, а мирянами.

Главной темой второй сессии Собора было устройство епархиального управления. Обсуждение ее началось еще до Рождественских каникул с доклада профессора А. И. Покровского. Предложенный отделом епархиального управления проект явился попыткой возвратить Церковь к идеалу епископально-общинного управления.

Серьезные споры разгорелись вокруг положения проекта о том, что "епископ управляет епархией при соборном содействии клира и мирян". Предлагались различные поправки: целью одних было резче подчеркнуть Богоучрежденную власть преемников апостолов, авторы других поправок преследовали противоположные цели: наделить клир и мирян более широкими правами в решении епархиальных дел.

Разногласия обнаружились и по вопросу о замещении вдовствующих кафедр. Архиепископ Тверской Серафим высказался за то, чтобы избрание нового епископа было делом самих архиереев. Его оппоненты предлагали предоставить выборы клирикам и мирянам. Восторжествовал компромиссный вариант, по которому "архиереи округа или, при отсутствии округов, Священный Синод составляют списки кандидатов, в которые после канонического одобрения включаются и кандидаты, указанные епархией". Сами же выборы должны осуществляться архиереями округа или епископами, назначенными Синодом, совместно с клиром и народом епархии. Назначение и перемещение архиереев высшей церковной властью допускалось лишь в исключительных случаях.

Собор установил 35-летний возрастной ценз для кандидатов в архиереи. По "Определению", епископы должны избираться "из монашествующих или не обязанных браком лиц белого духовенства и мирян, причем для тех и других обязательно облечение в рясофор, если они не принимают пострижения в монашество". Это условие точно соответствует требованию 12-го правила Трулльского Собора, хотя оно и расходится с многовековой практикой Русской Церкви поставлять в епископы исключительно монахов мантии. Рукоположение во епископы рясофорных монахов не укоренилось в нашей Церкви и после Собора 1917-1918 годов.

Согласно "Определению", высшим органом, при содействии которого архиерей управляет епархией, является епархиальное собрание, избираемое из клириков и мирян на трехлетний срок. Епархиальные собрания образуют свои постоянные исполнительные органы: епархиальный совет и епархиальный суд. Принимая это "Определение", Собор руководствовался стремлением привлечь клир и мирян к широкому участию в церковном управлении. Но каноническая власть епархиального архиерея оставалась неприкосновенной. В 23-й статье "Определения" было предусмотрено: "Без согласия архиерея ни одно решение органов епархиального управления не может быть проведено в жизнь".

На третьей сессии было вынесено "Определение о церковных округах". Ссылаясь на то, что Соборы 1666 и 1681-1682 годов и церковное сознание признали целесообразность образования митрополичьих округов, Собор 1917-1918 годов постановил "учредить в Российской Церкви церковные округа, а установление числа их и распределение по ним епархий" было поручено высшему церковному управлению.

Самое обширное из постановлений Собора – это "Определение о православном приходе", по-другому названное Приходским Уставом. Введение к Уставу по поручению Собора составили архиепископы Тверской Серафим и Пермский Андроник, Л. К. Артамонов и П. И. Астров. Во Введении дан краткий очерк истории прихода в Древней Церкви и у нас в России. В нем гово-

рится также о месте прихода в структуре Церкви: "Свою Церковь вверил Спаситель руководству апостолов и их преемников епископов, а от них эти последние, при невозможности одному объять всю епархию, вверяют некоторые части ее – приходы – пресвитерам, как исполнителям епископских предначертаний для христиан".

Священной обязанностью прихода Собор провозгласил заботу о благоустроении его святыни – храма. В Уставе определен состав нормального приходского причта: священник, диакон и псаломщик. На усмотрение епархиальной власти предоставлялось увеличение или сокращение приходских штатов до двух лиц. Назначение клириков должно по Уставу производиться епархиальными архиереями, которые, однако, могут учитывать и пожелания прихожан.

Устав предусматривал избрание прихожанами церковных старост, на которых возлагалась забота о приобретении, хранении и употреблении храмового имущества. Для решения дел, связанных с сооружением, ремонтом и содержанием храма, с обеспечением клириков помещением и содержанием, а также с избранием должностных лиц прихода, предполагалось созывать не реже двух раз в году приходские собрания, постоянно действующими органами которых являются приходские советы, состоящие из клириков, церковного старосты или его помощника и нескольких мирян по избранию на приходском собрании. Председательство и на приходском собрании, и в приходском совете предоставлялось настоятелю храма.

Собор вынес также "Определение о привлечении женщин к деятельному участию на разных поприщах церковного служения". Помимо участия в приходских собраниях и приходских советах, Собор открывал женщинам возможность участвовать в деятельности благочинных и епархиальных собраний, однако не в епархиальных советах и судах. В исключительных случаях благочестивые христианки могли допускаться и на должность псаломщиц, но без включения в клир.

В этом "Определении" Собор, не нарушая незыблемых догматических и канонических оснований, которые не смешивают мужское и женское служение в Церкви, в то же время выразил насущные потребности церковной жизни. Постановление оказалось своевременным и благодетельным для судьбы Русской Церкви. Христианки, составляющие в последние десятилетия большую часть православного верующего народа, стали у нас оплотом церковности.

На своей третьей сессии Собор вынес два "Определения", призванные оградить достоинство священного сана. Опираясь на апостольские наставления о высоте священного служения (1 Тим. 3, 2, 12; Тит. 1, 6) и на святые каноны (3-е правило Трулльского Собора и др.), Собор подтвердил недопустимость второбрачия для вдовых и разведенных священнослужителей. Вторым постановлением подтверждалась невозможность восстановления в сане лиц, лишенных его приговорами духовных судов, правильными по существу и по форме.

Неукоснительное соблюдение этих "Определений" православным духовенством, верным нравственным заветам Христа, строго хранящим канонические основания Богозданного строя Церкви, в 20-30-е годы уберегло его от дискредитации, которой подверглись группировки обновленцев, поправших и нравственный закон, и святые каноны.

Одно из важнейших постановлений третьей сессии Собора – "Определение о монастырях и монашествующих", разработанное в соответствующем отделе под председательством архиепископа Тверского Серафима. В нем устанавливался возраст постригаемого – не моложе 25 лет, для пострига послушника в более раннем возрасте требовалось благословение епархиального архиерея. На основании 4-го правила Халкидонского, 21-го правила VII Вселенского и 4-го правила Двукратно-

го Соборов монашествующим предписывалось до конца жизни нести послушание в тех монастырях, где они отреклись от мира.

"Определение" восстанавливало древний обычай избрания настоятелей и наместников братий, с тем чтобы епархиальный архиерей в случае одобрения избранного представлял его на утверждение в Священный Синод. Такой же порядок устанавливался и для поставления настоятельниц женских обителей. Казначей, ризничий, благочинный и эконом должны по "Определению" назначаться епархиальным архиереем по представлению настоятеля. Эти должностные лица составляют Монастырский совет, помогающий настоятелю в управлении хозяйственными делами обители.

Поместный Собор подчеркнул преимущества общежительства перед особожительством и рекомендовал всем монастырям по возможности вводить у себя общежительный устав. Важнейшей заботой монастырского начальства и братии должно быть строго уставное богослужение, "без пропусков и без замены чтением того, что положено петь, и сопровождаемое словом назидания". Собор высказался о желательности иметь в каждой обители для духовного окормления насельников старца или старицу, начитанных в Священном Писании и святоотеческих творениях и способных к духовному руководству. В мужских монастырях духовник должен избираться настоятелем и братией и утверждаться епархиальным архиереем, а в женских – назначаться епископом из числа монашествующих пресвитеров.

Среди важнейших актов Собора – постановление о причислении к лику святых священномученика Иосифа Астраханского и святителя Софрония Иркутского, вынесенное 5 апреля 1918 года, а также восстановление празднования памяти всех святых, в земле Российской просиявших, приуроченное ко второй неделе по Пятидесятнице.

На своем заключительном заседании 7 (20) сентября 1918 года Собор постановил созвать очередной Поместный Собор весной 1921 года.

Заседания Собора были прерваны конфискацией помещений, в которых они проходили.

Не все отделы Собора творили соборное делание с одинаковым успехом. Заседая более года, Собор не исчерпал своей программы: некоторые отделы не успели выработать и вынести на пленарные заседания согласованные доклады. Ряд "Определений" Собора оказались неосуществимыми, поскольку они не опирались на адекватную оценку сложившейся в стране общественно-политической ситуации.

В решении церковно-строительных вопросов, в устроении всей жизни Русской Православной Церкви в небывалых исторических условиях на основе строгой верности догматическому и нравственному учению Спасителя, на почве канонической правды Поместный Собор обнаружил незамутненность церковного соборного разума. Канонические "Определения" Собора послужили для Русской Церкви на ее многотрудном пути твердой опорой и безошибочным духовным ориентиром в решении крайне сложных проблем, которые в изобилии ставила перед нею впоследствии жизнь. Благодаря возрождению церковной соборности и восстановлению Первосвятительского возглавления канонический строй Русской Церкви оказался неуязвимым для подрывных раскольнических акций.

В основу "Устава об управлении Русской Православной Церкви", принятого на Поместном Соборе 1988 года, легли основные идеи "Определений" Собора 1917-1918 годов.

Протоиерей Владислав ЦЫПИН

Святитель Феофан Затворник, епископ Владимирский и Суздальский, как церковный писатель

(К 100-летию со дня преставления)

В жизни Святой Православной Церкви в каждый известный период ее исторического существования выдвигались личности, которые являлись носителями и выразителями лучших идей и стремлений своего времени, к авторитетному голосу которых все прислушивались, и потому они неизбежно становились руководителями духовной жизни общества. Влияние духовных руководителей и наставников чаще всего ограничивалось пределами своего Отечества и своего времени. "Но были и такие духовные светила, свет которых ярко сиял на всю тогдашнюю вселенную и своим отблеском озарил всю последующую жизнь Церкви. Таковы имена вселенских святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Наша Русская Церковь, принявшая православную веру от Вселенской Церкви, имела своих Богом избранных духовных учителей и руководителей" [1, с. 5-7].

Одним из таких великих угодников Божиих, который был канонизован на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1988 году, является святитель Феофан Затворник, епископ Владимирский и Суздальский.

Великий учитель Русской Церкви епископ Феофан (в миру Георгий Васильевич Говоров) родился 10 января 1815 года в селе Чернавка Елецкого уезда Орловской губернии.

Его отец, Василий Тимофеевич Говоров, священник Владимирской церкви этого большого села, 30 лет был на должности благочинного, заслужил одобрение начальства, любовь и уважение подчиненных.

Мать будущего святителя, Татьяна Ивановна, происходила из священнической семьи. Нрав имела тихий, кроткий, сердце – любвеобильное, была сострадательна и всегда готова прийти на помощь нуждающимся.

От отца Георгий унаследовал сильный и глубокий ум, от матери – нежное, любящее сердце, кротость, скромность и впечатлительность.

Первоначальное образование отрок Георгий получил в родительском доме. Благочестивые родители старались дать ему воспитание в духе христианской любви и церковности.

В 1823 году Георгий поступил в Ливенское духовное училище.

Способный, хорошо подготовленный отрок легко прошел курс духовного училища и через шесть лет в числе лучших учеников был переведен в Орловскую Духовную Семинарию. Во главе ее стоял тогда архимандрит Исидор, впоследствии известный иерарх Русской Православной Церкви – митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский. Преподавателями были люди исключительно даровитые и усердные.

В Семинарии у Георгия появилось необычайное благоговение к святителю Тихону Задонскому. Вместе с родными юноша совершил паломничество в Задонский монастырь, где почивали мощи святителя, в то время еще непрославленные.

Благочестие и религиозность, заложенные в душе Георгия в детские годы, продолжали возрастать. Проявилась любовь к уединению.

Отлично закончив Семинарию, Георгий Говоров в 1837 году направляется в Киевскую Духовную Академию.

Киевская Духовная Академия в те годы процветала и могла вполне удовлетворить как умственные запросы Георгия, так и духовные стремления. Киевский митрополит Филарет (Амфитеатров), прозванный за святость жизни Филаретом благочестивым, уделял очень большое внимание духовно-религиозной жизни студентов. Это было время расцвета Академии как по доброму нравственному направлению и жизни, так и по обилию талантов среди профессорской корпорации.

В Академии завершилось образование и ясно определилось общее направление нравственной жизни Георгия Говорова.

Благодатное влияние оказали на Георгия Киево-Печерская Лавра и киевские церковно-исторические памятники – красноречивые свидетели подвигов русского иночества.

Академическая и лаврская среда и собственное душевное настроение располагали Георгия к принятию монашества. В 1841 году он принял постриг с именем Феофана, а затем был рукоположен в сан иеродиакона и иеромонаха.

Успешно закончил Академию со степенью магистра и назначен ректором Киево-Софиевского духовного училища, а вскоре (7 декабря 1842 года) был перемещен в Новгородскую Духовную Семинарию на должность инспектора и преподавателя психологии и логики. Три года отец Феофан пробыл в Новгороде. Здесь он успел проявить себя как талантливый воспитатель и прекрасный преподаватель науки о душе человеческой.

Высшее духовное начальство высоко ценило нравственные качества и способности иеромонаха, и потому через два года он был переведен в Санкт-Петербургскую Духовную Академию на кафедру нравственного и пастырского богословия. Свой взгляд на высоту духовно-педагогической христианской деятельности он выразил впоследствии следующими словами: "Воспитатель должен пройти все ступени христианского совершенства. Это должно быть сословие лиц чистейших, богоизбранных и святых".

21 августа 1847 года отец Феофан, по его собственному желанию, был назначен членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, возглавлявшейся архимандритом Порфирием (Успенским), известным церковным археологом.

В Иерусалиме иеромонах Феофан научился иконописи, изучил греческий и французский, занимался еврейским и арабскими языками. Посещая древние обители, он неутомимо изучал писания святых отцов по древним рукописям, которые переводил с греческого на русский. За шесть лет Миссия принесла огромную пользу делу Православия, интересам России и науки, богословской и церковно-исторической.

В 1853 году началась Крымская война, и Русская Духовная Миссия возвратилась на родину. Иеромонах Феофан был возведен в сан архимандрита и назначен преподавателем канонического права в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, а затем получил новое назначение – на должность ректора и профессора Олонецкой Духовной Семинарии.

21 мая 1856 года отец Феофан назначается на должность настоятеля посольской церкви в Константинополе. Он заботится о примирении греков с болгарами, об улучшении положения Константинопольского Патриархата, предлагает русскому правительству устроить госпиталь для русских матросов и паломников.

Но прошел год, и архимандрит Феофан назначается на должность ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии. Подчиняясь водительству Промысла Божия, он в течение двух лет возглавлял центр духовного просвещения в России.

1 июня 1859 года архимандрит Феофан рукоположен во епископа Тамбовского

и Шацкого. Необыкновенной кротостью, редкой деликатностью и участливейшим вниманием к нуждам пасомых он успел сродниться со своей паствой и приобрести всеобщую искреннюю любовь. При нем были открыты в епархии церковноприходские училища, воскресные школы, женское епархиальное училище, начали выходить "Тамбовские епархиальные ведомости".

В 1863 году епископ Феофан перемещен на древнюю, более обширную, Владимирскую кафедру. Служение Преосвященного Феофана на новом месте было еще плодотворнее, чем на Тамбовской кафедре. Главным попечением заботливого архипастыря Владимирской епархии было спасение вверенных ему душ через назидание, посредством проповеди слова Божия. Он неопустительно поучал народ, "обходя грады и веси обширной миллионной паствы своей".

12 марта 1866 года, в память преподобного Феофана Сигрианского, в день своего Ангела, епископ Феофан подал прошение в Святейший Синод об увольнении его на покой с правом пребывания в Вышенской пустыни.

Владыка прибыл в Вышенскую пустынь настоятелем, но вскоре был освобожден от этой обязанности. Святитель до конца своей жизни чувствовал себя вполне счастливым на Выше. "Вы называете меня счастливым, и я чувствую себя таковым, – писал он, – и Выши своей не променяю не только на Санкт-Петербургскую митрополию, но и на патриаршество, если бы его восстановили у нас и меня назначили на него... Вышу можно променять только на Царство Небесное".

В первые шесть лет в Вышенской пустыни Преосвященный Феофан не уединялся окончательно от других. Главными занятиями его в это время были молитва и богослужение.

Но после пасхальных дней 1872 года он начал вести затворническую жизнь: прекратил всякие сношения с людьми и затворился в отдельном флигеле. С этого времени он принимал только настоятеля пустыни архимандрита Аркадия, духовника игумена Тихона и келейника отца Евлампия. К этому времени епископ Феофан устроил в своих келлиях церковь во имя Богоявления, в которой служил Божественную литургию во все воскресные и праздничные дни, а в последние 11 лет – ежедневно.

В богослужении, молитве и в подвигах духовных проходила большая часть жизни святителя Феофана.

Велик был подвиг духовно-литературного творчества епископа Феофана. Талант духовного писателя с особой силой развился у него здесь – в Вышенской пустыни. Особый вид литературного творчества Преосвященного Феофана – обширная переписка, которую он вел со всеми, кто просил его советов и поддержки. Со всех сторон России летели в Вышенскую пустынь письма к епископу-затворнику. Нередко почта приносила их до 20 – 40 в день. Святитель чутко улавливал духовные потребности писавшего и, не жалея своих сил, обстоятельно и сердечно разъяснял все вопросы и недоумения.

Самоотверженная любовь к людям была той особенной нравственной силой, которая влекла к нему современников и продолжает привлекать к его памяти и творениям последующие поколения христиан.

Все Духовные Академии избрали епископа Феофана своим почетным членом. А Санкт-Петербургская Духовная Академия в 1980 году присвоила ему степень доктора богословия.

В 1894 году, в день Крещения Господня, епископ Феофан отслужил Божественную литургию и мирно скончался.

При облачении в святительские одежды на лице почившего явно для всех просияла улыбка.

Чин погребения почившего святителя 11 января возглавил епископ Тамбовский Иероним.

Всю земную жизнь святитель Феофан посвятил поискам пути к Вечной жиз-

ни; в своих творениях он показал этот путь и современникам своим, и последующим поколениям.

В обширных творениях епископ проявил себя как замечательный экзегет, нравоучитель и богослов Русской Православной Церкви. Сочинения его можно разделить на три вида: нравоучительные, экзегетические и переводные.

Многообразно содержание творений Вышенского Затворника. Ни одна сторона духовной жизни не осталась вне его глубокого, внимательного наблюдения. Главная тема его творений – спасение во Христе.

Его богословские труды с замечательной полнотой и точностью отражают дух и характер святоотеческих аскетических воззрений, которые были предметом его тщательного, всестороннего изучения и постоянного внимания. Епископ Феофан был "верным и типичным продолжателем святоотеческой традиции в аскетике и богословии" [1, с. 395].

Святоотеческие взгляды были не просто поняты и усвоены святителем Феофаном. Они всецело проникли в его мировоззрение, как бы растворились в нем и составили единое, неразрывное целое. Отсюда и то огромное влияние, которое оказывали воззрения святителя на всех ищущих духовного руководства; только человек, сам прошедший через горнило испытаний и обретший духовный опыт, сам причастный глубинам духовной жизни, может заговорить с людьми с такой вдохновенной силой, какой обладал епископ Феофан, – силой, возбуждающей духовную энергию и готовность на подвиги.

"В своих произведениях святитель Феофан", по отзыву Комиссии профессоров Петербургской Духовной Академии, "выступает самостоятельным глубоким православным богословом – мыслителем созерцательного направления, таким богословом, у которого богословские православные понятия глубоко проникли через сознание, приняли оригинальную форму и получили своеобразную систему" [2, л. 2].

Он старается избегать формализма и схоластики, излагая свои мысли ясно и доступно для всех. "Все формальные термины нашей школьной науки, – пишет Патриарх Московский и всея Руси Сергий, – в уме Преосвященного Феофана получили самый жизненный смысл и самое богатое содержание" [3, с. 196].

Особую ценность представляют многочисленные печатные труды святителя по христианской нравственности. Можно говорить о нем как о великом мыслителе, богомудром подвижнике, предлагающем для руководства другим учение святых отцов и личный опыт духовной жизни.

В своих произведениях Преосвященный Феофан изобразил идеал истинной христианской жизни и пути, ведущие к его достижению. По словам профессора протоиерея Георгия Флоровского, епископ Феофан "не строил системы ни догматической, ни нравоучительной. Он хотел только очертить образ христианской жизни, показать направление духовного пути, и в этом его несравненное историческое значение" [1, с. 400].

В его сочинениях излагаются также основы святоотеческой психологии. Обозревая душевные и духовные способности человека, святитель глубоко проникает в его внутренний мир. Это рассмотрение отличается замечательной силой и глубиной психологического наблюдения. "Автор как бы опускается в темные, переплетающиеся лабиринты духа и, несмотря на слабый свет лампады, везде успевает отличать в них очень тонкие проявления нравственного начала" [2, л. 4].

Епископ Феофан в своих творениях с глубокой психологической проникновенностью осветил главные этапы духовного развития христианина. Основа его нравоучения – идея богообщения, составляющая сущность христианской жизни. Творения его не только побуждают христианина к покаянию, исправлению и благодатному обновлению во Христе, но и показывают ему путь живого, реального общения с Богом. "Своими многочисленными вдохновенными писаниями, – го-

ворил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий (Симанский), – Преосвященный Феофан учит нас внутреннему духовному общению с Богом. Он весь погружен в человека, в указание путей его таинственного общения с Богом под сенью Церкви" [4, с. 12].

У епископа Феофана почти нет трудов, носящих сугубо догматический характер. Но поскольку нравственное учение христианства стоит в неразрывной связи с христианскими догматами, то в его трудах мы находим раскрытие и догматического учения. Особенность их – в четкости воззрений на самые трудные и ключевые пункты этой отрасли богословия. По свидетельству Комиссии профессоров Петербургской Духовной Академии, в трудах епископа Феофана "некоторые пункты догматического учения нашли не только полное и основательное раскрытие, но и такие формулы, каких православная отечественная догматика до этого не имела. В особенности это нужно сказать относительно истины участия всех Лиц Святой Троицы в различных моментах нашего спасения с преимущественным преобладанием одного из Лиц Святой Троицы в том или другом моменте нашего спасения" [2, л. 5].

Одно из важнейших подвижнических деяний Преосвященного Феофана – его замечательные труды по изъяснению слова Божия, которые представляют собой ценный вклад в русскую библеистику.

В трудах выдающегося экзегета своего времени "внимательный читатель находит... не только все нужное для полного и ясного понимания священного текста, но вместе с тем и глубоко продуманное и прочувствованное разъяснение множества разного рода догматических, в особенности же нравственных христианских истин, понятий, вопросов" [2, л. 6].

Неотделима от его богословских трудов и переводческая деятельность. Важнейший из переводных трудов святителя – "Добротолюбие" – посвящен духовному опыту великих учителей древнего христианского аскетизма. "Добротолюбие" представляет собой обширное, всестороннее изображение и истолкование различных аспектов духовной жизни – от самых простых и безыскусных наблюдений до высочайших, вдохновенных созерцаний.

Особый вид литературных трудов Преосвященного Феофана составляют его письма. Из одухотворенных писем святителя обильно проливаются лучи Света Божественного на грешный мир. Эти письма, несомненно, имели важное значение для тех, кто их получал, были истинным руководством в их нравственной жизни. Они были великой отрадой и духовным утешением для многих душ в тяжелые, скорбные минуты. Письма святителя важны и тем, что в них вырисовывается его личность как учителя Церкви Христовой. Содержание писем крайне разнообразно, но основной тон их – нравоучительный. Они, как и книги, содержат ответы на главный великий вопрос – о пути ко спасению. "Лучшее употребление дара писать, – учил епископ Феофан, – есть обращение его на вразумление и пробуждение от усыпления" [5, с. 27].

Многие ревностные иноки, представители интеллигенции и простого глубоко верующего русского народа составляли большую духовную семью богомудрого архипастыря. Лучшие современники видели в нем истинного светильника христианства и стремились к духовному общению с ним, возможность для которого открывала переписка.

Всю свою земную жизнь святитель Феофан отдал служению Богу и людям. Имя его пользовалось широкой известностью и глубоко чтилось во всех концах православной России.

Как справедливо замечает святитель Феофан в одном из своих произведений, "умершие продолжают и на земле жить в памяти живущих через добрые дела свои" [6, с. 38]. Добрые дела епископа Феофана – это прежде всего его многочисленные творения.

В год блаженной кончины епископа Феофана на страницах "Церковного вестника" было сказано, что "имя его, можно быть уверенным, не угаснет с его кончиною, а, напротив, с поднятием духовного самосознания в обществе будет приобретать все больше известности и славы, как имя великого духовного просветителя, умевшего давать ответы на самые насущные вопросы духовной жизни" [7, с. 51-52].

Интерес к личности и творениям святителя Феофана не угасает и в наши дни. Как пишет один из видных современных иерархов Русской Православной Церкви – митрополит Минский и Слуцкий Филарет, "труды епископа Феофана дают руководство к духовному устроению жизни. Они представляют собой ответ на множество проблем его духовных детей, которые вытекают из одного-единственного вопроса, который стал также названием одной из книг епископа Феофана: "Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?" Это – основной жизненный вопрос во все времена, он стоит также и перед христианами наших дней" [8, с. 3].

В докладе постоянного члена Священного Синода митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, прочитанном на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвященном 1000-летию Крещения Руси, говорится: "Епископ Феофан Затворник канонизирован как подвижник веры и благочестия, оказавший глубокое влияние на духовное возрождение современного ему общества. Своим молитвенным созерцательным подвигом, чистотою сердца, целомудрием и благочестием, сохраненным от юности, святитель Феофан стяжал дар опытного постижения святоотеческой аскезы. Этот опыт он как богослов и экзегет изложил в своих многочисленных творениях, которые могут рассматриваться чадами церковными как практические пособия в деле христианского спасения" [9, с. 162].

Реки богомудрых советов и наставлений, потоки воды живой учения Христова истекли из сердца и уст святителя Феофана. Это нетленное сокровище, драгоценное наследие оставлено им сынам Церкви Православной.

Творения Преосвященного Феофана преисполнены благодати Христовой, духовной силы, искренности, глубокой веры, горячего желания спасения всякому человеку. Глубокий и неиссякаемый кладезь мудрости духовной представлял собой епископ Феофан, кладезь, из которого черпали и долго еще будут черпать люди, жаждущие религиозно-нравственного просвещения. Недаром творения его именуются путеводной звездой для всех тружеников богословской науки и истинной христианской жизни.

Интерес к личности и творениям святителя Феофана проявляется и на Православном Востоке.

В "Религиозно-этической энциклопедии", изданной в Афинах на греческом языке в 1965 году, епископ Феофан именуется одним "из самых замечательных русских духовно-аскетических писателей XIX века" [10, с. 732].

Большой авторитет святителя в православном мире объясняется не только теоретическими достоинствами его учения, но и его практической пользой, проявившейся в плодотворном влиянии на людей. Под непосредственным воздействием его творений многие вступали на путь христианской подвижнической жизни.

Среди западных христиан, по свидетельству польского богослова Яна Прышмонта, постоянно растет интерес к духовным богатствам Православной Церкви, в частности к творчеству епископа Феофана [11, с. 211].

Проявляется интерес к святителю Феофану и в среде современной интеллигенции нашей страны. Об этом свидетельствует статья священника Афанасия Гумерова "Епископ Феофан (Говоров)". (В кн.: Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989, с. 590-591).

Творения епископа Феофана приобретают особую актуальность в наши тяжелые, кризисные дни, когда первопричиной кризиса общественной жизни являет-

ся духовное обнищание. "Кризисы современного общества, – говорит Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, – взаимосвязаны с нравственным кризисом, вследствие чего ответственность за нравственное воспитание лежит на всех нас, на всем нашем обществе" [12, с. 6].

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен изложил задачи, стоящие перед христианами нашей Церкви: "В центре обновленной системы ценностей в нашей стране утверждается ныне человек. И именно каждой человеческой личности в отдельности предстоит осуществлять великие преобразования, начать с себя, с нравственного очищения, с обновления своего внутреннего "я", со стяжания мира в себе. Церковь призывает своих чад неленостно следовать христианским идеалам, сохранять и укреплять нетленные духовные сокровища" [13, с. 5].

Современный человек, ищущий духовного возрождения, может найти ответы на многие вопросы своего бытия в творениях святителя Феофана, так как святитель не только аскет – подвижник Церкви Христовой, не только досточтимый иерарх, святитель ее, но и один из тех, о которых святой апостол Павел говорит, что они являются *яко светила в мире* (Флп. 2, 15).

Литература

1. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937.

2. Дело "О возведении Преосвященного Феофана, бывшего епископа Владимирского, на степень доктора богословия". Российский государственный исторический архив, ф. 795, оп. 171, ед. хр. 311.

3. Сергий, архимандрит. Православное учение о спасении. М., 1895.

4. Речь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия на Филаретовском вечере в Московской Духовной Академии. – Журнал Московской Патриархии, 1964, N 2, с. 12–16.

5. Епископ Феофан. Путь ко спасению: Краткий очерк аскетики. 9–е изд. М., 1908.

6. Епископ Феофан. Мысли на каждый день года, расположенные по числам месяцев. 2–е изд. М., 1894.

7. Преосвященный Феофан как писатель–богослов. – Церковный вестник, 1894, N 4, с. 51–53.

8. Сопроводительное слово митрополита Филарета, Патриаршего Экзарха Средней Европы. – В кн.: Георгий Тертышников. На пути к Богу: Жизнь и учение старца Феофана. Лейпциг: Изд–во св. Бенно, 1978, с. 3–4. (На нем. яз.).

9. Канонизация святых. Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000–летия Крещения Руси. Троице–Сергиева Лавра, 6–9 июня 1988 г. М., 1988.

10. Религиозно–этическая энциклопедия. Т. 6. Афины, 1965. (На греч. яз.).

11. Прышмонт Ян, свящ. Епископ Феофан, русский православный писатель по нравственному богословию. – Богословские труды. Варшава, 1978, с. 211–229. (На нем. яз.).

12. Выступление митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия. – Журнал Московской Патриархии, 1989, N 9, с. 6.

13. Депутатская программа Святейшего Патриарха Пимена. – Журнал Московской Патриархии, 1989, N 7, с. 5–6.

Архимандрит ГЕОРГИЙ (Тертышников),
Свято-Троице Сергиева Лавра

Источники христианского вероучения

(По творениям святителя Феофана Затворника)

1. Священное Писание

В ветхозаветные времена Бог посылал на землю пророков, которым сообщал Свою волю, а пророки, движимые Духом Святым, истолковывали и сообщали людям закон Божий, "предживописуя имеющее быть искупление" [1, с. 14] и спасение людей.

Затем Сам Христос Спаситель, придя на землю, возвестил миру, как должен человек жить на земле, чтобы быть достойным неба. "Сын Божий, Бог, – учит епископ Феофан Затворник, – воплотившись, возвестил явно об Отце и изъяснил волю Его и Свою, вступив с человечеством в Новый Завет" [1, с. 14].

Спаситель мира во время пребывания Своего на земле сообщил человечеству учение о спасении и Вечной жизни, а после славного Воскресения Своего послал святых апостолов проповедовать слово Божие по всей вселенной. По словам святителя Феофана, "с тех пор, как вышел Сеятель на сеятву, Он не перестает сеять. Сначала Сам лично сеял, потом через апостолов, а наконец, через Божественные Писания и богомудрых учителей" [2, с. 284].

Книги Священного Писания были написаны по вдохновению Духа Божия богопросвещенными пророками и апостолами.

Из всех книг Священного Писания особо важное значение для христианина имеет Евангелие, в котором святые апостолы повествуют о земной жизни Спасителя мира и излагают Его учение о спасении.

Священное Писание есть духовная сокровищница Церкви и всего рода человеческого, в нем "движется Дух Божий, и движет душу читающего" [3, с.70]. Богооткровенная истина для христианина составляет трапезу Божию, ибо она питает душу небесными, Божественными яствами – добрых помышлений и благих чувств. Слово Божие, "исшедшее из недр Божества, само обладает Божественными свойствами" [4, с. 169] и, проникая в душу человека, сообщает ей эти свойства. "Бог есть свет, – пишет Преосвященный Феофан, – и слово Божие светоносно, потому и душа, приявшая его, становится просвещенною и светоносною" [4, с. 169]. Священное Писание сообщает человеку светлые понятия обо всем существующем в мире. Оно "немногословно, но содержит всеобъятную систему ведения, которая потом сама собою может развиться в умах и сердцах смиренно верующих" [5, с. 75].

Подобно тому как восходит солнце, освещая все пути, по которым должен идти путник, слово Божие, "исходя из уст Божиих, освещает все пути богоугодной жизни, и возревновавший идти по ним ясно видит, куда идти, и идет смело, не боясь, что оступится" [1, с. 406-407].

Священное Писание просвещает и возбуждает совесть, указывает обязанности в различных случаях жизни и существующие недостатки и ошибки. "Слово Божие, – наставляет епископ Феофан, – уподобляется зеркалу. Как, смотрясь в зеркало, всякий видит, где какое пятно или порошинка на лице или на платье, так и душа, читая слово Божие и там исчисленные заповеди рассматривая, не может не видеть, исправна ли она в тех заповедях или неисправна; совесть, просвещена будучи при сем словом Живого Бога, тотчас скажет это ей нелицемерно" [6, с. 127-128].

Богооткровенные истины входят внутрь души христианина и, подобно огню, попаляют зло и оживотворяют добро.

Бог есть жизнь, и слово Божие живоносно, а потому и "душа, приявшая

его и напитанная им, имеет живот в себе и источает его из себя" [4, с. 16]).

Чтение Священного Писания укрощает страсти и способствует искоренению их. "Какая бы ни волновала тебя страсть, – учит епископ Феофан, – начни читать слово Божие, и страсть будет становиться все тише и тише, а наконец, и совсем угомонится" [2. с. 416],

Слово Божие для христианского подвижника есть меч духовный, который поражает духов злобы и укрепляет его в невидимой брани. Истины Божии, подобно лучам Божественного умного солнца, приникают в сердце человека, согревают его и очищают своим огненным действием. Слово Божие "питает жизнь духовную, вводя сознание в возвышенные созерцания и пленяя ими сердце" [7, с. 207].

По словам Преосвященного Феофана, "как иные мягкие и удоборазлагаемые тела, принимая на себя твердые, каменистые частицы, сами делаются твердыми, окаменевают и становятся недоступными повреждению и разложению, так и душа, напитавшаяся и проникнувшаяся словом Божиим, затвердевает в истине и добрых расположениях так, что делается безопасною от приражений лжи и греха" [4, с. 169].

Чтение и усвоение Священного Писания должно предваряться внимательной молитвой, потому что для усвоения богооткровенной истины человеку необходима помощь Божия. "Пока один ум трудится над уразумением Писания, до тех пор получаемые истины держатся в голове для умовых интересов, большею частью бесплодно для жизни. Озарения же свыше, печатлея эти истины в сердце и давая вкусить их, делают их направителями жизни, а опыты жизни еще полнее дают уразуметь силу их" [8, с. 118-119].

Приступая к чтению слова Божия, христианин должен поставить себя в присутствие Божие и испросить у Господа просвещение разума.

Для лучшего усвоения Священного Писания полезно заучивать на память слова Господа и святых апостолов, стараясь при этом "яснее и полнее обнять мысль Спасителя и глубже проникнуть в значение ее и связь со всею суммою наших верований" [9, с. 96].

Чтение Священного Писания должно сопровождаться размышлением, которое способствует уяснению и усвоению прочитанного. Если встречаются неудобопонятные места в Священном Писании, то объяснение их человек должен искать в сокровищнице Святой Церкви, которая в изъяснении Писания прозревает и берет ту именно мысль, какую Святой Дух внушал святым писателям во время написания боговдохновенных книг.

Читая слово Божие, христианин должен стараться усваивать богооткровенные истины, содержащиеся в нем, своим разумом и запечатлевать их в своем сердце. Святые отцы советуют ежедневно читать Священное Писание с размышлением, углубляясь в силу слов и, сколько можно, доводя их до сердца и питая ими свою душу.

От читающего требуется полное сосредоточение душевных сил, участие не столько холодного ума, сколько глубокого чувствующего сердца, при непременном условии применять в жизни прочитанное. "Ничего из заученного, – пишет епископ Феофан, – не оставляйте голым знанием, а так устройтесь, чтоб оно влияло на ваш нрав, на ваши чувства и расположения и служило руководством в вашем поведении. Этого легко достигнете, если заучиваемое будете при размышлении прилагать к себе" [9, с. 96-97]

Усвоение слова Божия не может быть полно и удовлетворительно, потому что многие Богооткровенные истины постигаются уже после вступления на путь исполнения заповедей Господних.

Если человек усердно читает Священное Писание и обогащает ум словом Христовым, но проявляет нерадение о сообразовании с ним сердца и жизни, то полученное знание "у него остается как песок, насыпанный в голове и памяти, и лежит там мертвым" [7, с. 209].

Священное Писание во всех своих

частях "есть неиссякаемый родник святого назидания, которое, однако ж, надобно вырывать из него, как драгоценный металл из недр земли, трудолюбивым углублением в силу Божественных словес" [10, с. 490].

Тайны Божии открываются последователю Христа постепенно, по мере преуспеяния в духовной жизни. Ревностное исполнение заповедей Божиих приводит к очищению сердца от страстей, и в человеке "открывается действо Духа с дарами Его, в числе которых и дар ведения истин Божиих" [11, с. 268].

Христианин с чистым сердцем становится храмом Божиим, и "тогда разумение его вводится на самую высшую степень" [12, с. 240], которую святые отцы называют созерцанием, когда открывается "уму окно в духовный мир, и он созерцает там предметы, как глаз смотрит на видимое во вне" [1, с. 18].

2. Священное Предание

Вторым после Священного Писания источником христианского вероучения является Священное Предание.

Известно, что в Священном Писании Нового Завета "не все, Господом заповеданное и апостолами проповеданное, записано, многое без записи прямо введено в дело и составляло устройство Церкви" [13, с. 57].

Под Священным Преданием, по словам епископа Феофана Затворника, "разумеется апостольское учение, устно преподанное; или правила и законоположения, в Церкви введенные делом" [3, с.18]. Церковь вначале утвердилась именно Преданием и руководствовалась только им. Священное же Писание как свидетельство истины и вечный хранитель веры явилось и было принято Церковью позже.

Нося в себе свидетельство Духа, апостолы сообщили миру все новозаветное Откровение и вверили его святой, основанной ими Церкви. Их учение, "изустно и письменно преданное и Церковью содержимое, и есть для нас истинное свидетельство Духа" [11, с. 265].

И образ христианского ведения, и правила жизни, и освящающие таинственные священнодействия, и правила для церковных собраний – все установлено и утверждено самими апостолами.

Устроенная апостолами церковноприходская жизнь приобрела после них силу традиции, силу долженствования. "И пошли христиане так умствовать, так жить, так действовать во взаимных отношениях, так управляться, так освящаться, так Богу служить, как завели апостолы" [3, с. 18].

Люди, обращавшиеся в христианство, перенимали правила и законоположения апостольские. "Вновь нарождающееся поколение все образовывалось по тому устроению общества христианского, какое оставили апостолы" [3, с. 18].

У каждого апостола было по нескольку ближайших учеников, пребывающих с ними неразлучно и усвоивших от них всю апостольскую премудрость. Эти ближайшие ученики были преемниками апостолов в управлении Церквами и хранителями всего, апостолами переданного. "В церквах Палестинских, в Антиохии, в Тарсе, в Ефесе, Смирне, в Колоссах, в Филиппах, в Солуни, в Коринфе, в Афинах, в Александрии, в Риме и во всех прочих местах, где были апостолы, после них остались пастырями их ближайшие ученики. Это – мужи апостольские" [3, с. 95].

Пастыри и учители после апостолов являются блюстителями апостольских преданий и учреждений. Мужи апостольские, по примеру и заповеди апостолов, имели при себе и воспитывали таких мужей, которые после них могли бы занять их место, блюсти апостольское учение и осуществлять

благоустроение христианского общества. Это и есть апостольское Предание, следование которому есть долг всякого, считающего себя членом этого общества.

Многое из проповеданного апостолами устно и заведенного ими лично вошло потом в писания их преемников, пастырей Церкви, многое осталось и ими не записанным, а "хранилось в сердцах или практике" [14, с. 529], в порядках христианской жизни и передавалось из рода в род.

Потом все порядки христианские – вероучительные и жизненные – вошли в отеческие писания и закрепились в них. Мы чтим отеческие писания прежде всего потому, что в них соблюдается апостольское Предание, свидетельство чему – их общая согласованность.

И к неписаному слову Божию, всему переданному устно и установленному, христианину "надлежит обращать тоже преданное сердце; веровать сокрытым здесь вещанием Духа Божия; благочестию покорствовать; узнавать и сообразовываться с тем в чувствах и делах" [15, с. 403]. "Говорящий, что опирается на свидетельство Духа, – учит Преосвященный Феофан, – тогда только говорит это истинно, когда опирается на учение Господа и святых апостолов Церкви, переданное устно и письменно! Другого свидетельства Духа Церковь или истинно верующие не знают и знать не должны" [11, с. 265].

Церковное Предание должно быть согласуемо со Священным Писанием, иначе неправильное учение может быть также принято за Предание Божественное. Но и Священное Писание должно быть согласуемо с Преданием, иначе могут возникнуть неправильные учения и ереси. Что же касается догматов веры, то и здесь христиане должны руководствоваться не только одним Священным Писанием, но и церковным Преданием [16, с. 201].

3. Творения святых отцов

Кроме чтения Священного Писания и следования Священному Преданию, святитель Феофан считает необходимым для христианина изучение творений святых отцов. "Плодоносно – слово Божие, – учит он, – а затем – отеческие писания и жития святых. Впрочем, нужно знать, что жития лучше для начинающих, писания отеческие – для средних, Божие слово – для совершенных" [17, с. 232].

Писания святоотеческие содержат учение о пути к спасению. Всякий, кто возревновал и возжелал исправить свое сердце, найдет в разнообразных писаниях отеческих все, в чем имеет нужду [см.: 18, с. 48].

Чтение святоотеческих творений необходимо для совершенствования в духовной жизни. Поэтому оно всегда считалось среди православных подвижников одним из важнейших подвигов, и у истинных христиан была потребность всегда иметь под рукой святоотеческие писания о духовной жизни.

Творения святых отцов – это кладези, из которых каждый может черпать указания для шествия по пути к спасению [см.: 9, с. 349]. Епископ Феофан советует искать в отеческих книгах вразумлений на все случаи жизни, ибо "в них излагается чистая истина Божия" [19, с. 168]. Христианину следует "отверстым сердцем и умом приникать к сим источникам и пить из них небесную премудрость"[15, с. 404].

Читая святоотеческие наставления, человек должен применять их в своей жизни, ибо это составляет "цель и плод чтения" [20, с. 200].

Все подвижники Христианской Церкви прошли трудный путь внешнего и внутреннего делания. Многие из них в своих творениях изложили собст-

венные мысли и духовный опыт. Учение святых отцов Преосвященный Феофан сравнивает с записками путешественников, посетивших многие страны. "Путешественники, – говорит он, – пишут путевые заметки о всем, что встречают достойным внимания на своем пути. Писали свои заметки и избранники Божии, в разных направлениях проследившие все тропы духовной жизни, о всем, что встречали и испытывали в сем многотрудном шествии своем, но участь тех и других заметок неодинакова" [21, с. 4].

В святоотеческих творениях можно найти ответ на любой вопрос духовной жизни, но святоотеческое учение раскрывается и усваивается последователем Христа по мере и степени применения его в своей личной жизни. Люди, не имеющие возможности путешествовать, могут, находясь дома, составить себе представления о чужих странах посредством чтения заметок других путешественников. Наставления же святых отцов о духовной жизни "понимать могут только шествующие путем сей жизни. Для не вступивших на него это совершенно неведомая страна. Их понятия и представления уясняются по мере шествия и углубления в страну духа. По мере умножения собственных опытов жизни духовной становятся ясными и понятными указаниями опытов, замеченных святыми отцами в писаниях своих" [21, с.5].

Знание творений святых отцов необходимо при толковании слова Божия, нужно оно также и для правильного прохождения христианского подвига. "Сердце сердцу весть подает", – говорит епископ Феофан, – те, кои давали наставления, давали от души, так как они сложились у них в сердце собственным рассуждением и опытом. Это – отзвук их сердечного настроения. Общий же дух, воодушевлявший их и все расположения их, был дух ревности о спасении себя и всякого человека. Тот же дух отражается и в слове их и проникает всякое их писание" [22, с. 116].

Читая святоотеческие наставления о спасении, христианин входит в настроение писавших эти наставления и в сочувствие всем расположениям, которые "исполняли сердце их" [22, с. 116].

Для правильного усвоения святоотеческого учения необходимо соблюдать определенные правила. Вначале нужно, обратившись с усердной молитвой к Богу, возбудить в себе потребность знать то, о чем пишут святые отцы. Творения святых отцов святитель Феофан советует изучать постоянно и со вниманием, сохраняя при этом благоразумную умеренность. Для чтения духовных книг он рекомендует выбирать утренние и вечерние часы [см.: 13, с. 81].

Святоотеческие наставления дают "крепость духу и сердцу" [23, с. 152], поэтому при изучении их надо постоянно стремиться к главной цели – запечатлению содержавшихся в них истин в собственном сердце и возбуждению духа.

Читать нужно с той целью, чтобы освежать память о Божественных истинах и напитывать ими душу. Питается же она только тем, что пройдет в сердце и затронет его.

Чтение творений святых отцов является одним из способов обновления и оживления молитвы. Иногда некоторые из наставлений святых отцов производят особое впечатление на человека и вводят его в состояние созерцания; они могут служить духовной пищей на очень долгое время. "Если при чтении и размышлении какая-нибудь мысль исторгнет вас из среды тварей и перенесет пред лице Господа, – наставляет епископ Феофан, – закрывайте книгу и оставайтесь с сею мыслью хоть целый день" [24, с. 173].

Слово Божие, творения святых отцов при благоразумном их усвоении с опытным применением в жизни могут заменить духовного руководителя и наставника. "Для тех, которые вступили на путь к лучшему и совершеннейшему, – пишет святитель Феофан, – оно (Слово Божие. – *А.Г.*) дает нужные указания в сомнительных случаях, когда нет наличного опытного ру-

ководства и когда и это само встречает неразрешимости, не позволяющие давать окончательного решения, которые устранили бы всякое колебание в шествующем" [21, с. 5].

Усердно изучая творения святых отцов, последователь Христа может приобрести большую практическую и духовную мудрость, стяжать нетленное духовное сокровище. "Вот и собирайте, – наставляет Преосвященный Феофан, – как пчелка, медок с цветов. Будущее даст место и случаи приложить все к делу. Запасец не помешает. Есть пословица: береги денежку про черный день. В жизни много расходов. Собирайте же, не утомляясь. Все пригодится" [22, с. 67].

Особенно полезными для христианина епископ Феофан считал творения вселенских учителей – святителей Иоанна Златоуста и Василия Великого: "Книжка Василия Великого – самая нужная для нас. Но у него и все другие премудры и высоконазидательны. Вот увидите! У него умозрение преобладает. У святого Златоуста более сердечности и убеждения при простоте речи" [20, с. 124]. Из творений подвижников Древней Церкви епископ Феофан особенно ценил творения преподобных Макария Египетского и Исаака Сирина. Вначале он советует познакомиться с творениями святого Макария, которые хотя и составляют "море мудрости духовной" [20, с. 147], но представляют собой только введение к творениям преподобного Исаака Сирина [см.: 22, с. 102]. Важное значение для духовного совершенствования христианина имеют наставления преподобных отцов, творения которых собраны в "Добротолюбии"; аввы Дорофея, Симеона Нового Богослова, Петра Дамаскина, Иоанна Лествичника [см.: 20, с. 181]. Для духовников и пастырей святитель Феофан считал очень полезным творения преподобных Варсонофия и Иоанна [см.: 13, с. 200].

Из святых отцов Русской Православной Церкви Преосвященный Феофан особенно ценил святителя Тихона Задонского и усиленно рекомендовал его сочинения для руководства в духовной жизни [см.: 6, с. 123].

Полезными и необходимыми для человека, ищущего спасения, епископ Феофан считал также жития святых угодников Божиих; он советовал читать их после обеда или вечером. По словам святителя, "жития святых воодушевительны и располагают к подражанию, но – по мере сил. Хорошо, однако ж, заимствовать от сего себя осуждение и смирение" [18, с. 250].

В житиях святых христианин не только находит примеры богоугодной жизни, но и получает богословские и церковно-исторические сведения, необходимые для духовного преуспеяния. Таковы, например, Четии Минеи, в которых содержится "вся почти церковная история" [22, с. 81].

Литература

1. Епископ Феофан. Псалом сто–осьмнадцатый. 2–е изд. М., 1891.

2. Епископ Феофан. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. М., 1881.

3. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 6. М., 1899.

4. Епископ Феофан. Слово Божие. – Домашняя беседа, 1872, февр., вып. 7, с. 168–169.

5. Епископ Феофан. Толкование Второго Послания святого апостола Павла к Коринфянам. 2–е изд. М., 1894.

6. Епископ Феофан. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? 6–е изд. М., 1914.

7. Епископ Феофан. Толкование посланий святого апостола Павла к Колоссянам и к Филимону. 2–е изд. М., 1892.

8. Епископ Феофан. Письма о духовной жизни. 4–е изд. М., 1903.

9. Епископ Феофан. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. 2–е изд. М., 1892.

10. Епископ Феофан. Шестопсалмие. – Прибавление к Тамбовским епархиальным ведомостям, 1871, сент., N 9.

11. Письма епископа Феофана к "неизвестному" Владыке. – Душеполезный собеседник, 1905, авг., с. 231–238; сент., с. 263–270.

12. Епископ Феофан. Толкование Послания святого апостола Павла к Ефессянам. 2-е изд. М., 1893.

13. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5-й. М., 1899.

14. Епископ Феофан. Толкование посланий святого апостола Павла к филиппийцам и Солунянам. 2-е изд. М., 1895.

15. Епископ Феофан. Начертание христианского нравоучения. М., 1891.

16. Епископ Феофан. Мысли о разных предметах веры. – Душеполезный собеседник, 1904, июль.

17. Епископ Феофан. Путь ко спасению: Краткий очерк аскетики. 7-е изд. М., 1894.

18. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 1. М., 1898.

19. Епископ Феофан. Слова к Тамбовской пастве. М., 1867.

20. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 4. М., 1899.

21. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900.

22. Епископ Феофан. Письма о христианской жизни. 2-е изд. М., 1908.

23. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 8-й. М., 1901.

24. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3-й. М., 1898.

Богопознание

(По творениям святителя Феофана Затворника)

Для христианина величайшим благом и неоценимым приобретением является познание Бога и, как следствие этого, живое общение с Ним. "Из всех преимуществ над прочими тварями земными, – учит епископ Феофан Затворник, – какими очевидно наделен человек всеизиждительною Премудростию творческою, высшее есть то, что он получил способность познавать своего Творца, поклоняться Ему и любить Его" [1, с. 5].

Бог – высочайшее верховное Существо с бесконечными совершенствами, Которым мы *живем и движемся, и существуем* (Деян. 17, 28) и от Которого зависит все. Истина бытия Божия является первой и основной истиной христианского вероучения и всего христианского богословия; она должна составлять главный предмет познаний разума человеческого. *Надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть* (Евр. 11, 6), – говорит Апостол Павел. Христианин, стремящийся ко спасению, должен познавать Его по мере своих сил и способностей. Это – его первый и священнейший долг.

Стремление к Богопознанию должно составлять цель и смысл жизни человека. По выражению епископа Феофана, "ведение Божественной истины служит основанием спасительного жития" [2, с. 166].

Природа Бога всесовершенна и неопределима. В Своей Сущности Он для нас – глубина и тайна, которую до конца познать невозможно. Что такое Бог Сам в Себе, вне Его проявлений в мире, – непостижимо для человеческого разума. Этого "не может знать ни одна тварь, не только видимая, но и невидимая, то есть ни самые ангелы: поелику совершенно нет никакого сравнения между Творцом и тварью" [3, с. 4].

Откровение Ветхого и Нового Завета ясно учит о непостижимости для нас Бога, указывая причину этого в несоизмеримом величии существа Божия сравнительно с существом человеческим. По слову Апостола, Бог *обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может* (1 Тим. 6, 16).

Бог не может быть видим или осязаем нашими внешними чувствами, как мы видим и осязаем предметы чувственного мира и таким образом по-

знаем их. "В Боге все невидимо, – учит святитель Феофан, – и Божеское естество Его, и Божественные свойства Его как они есть, не для нас только, но и для высших духов" [4, с. 90].

Даже святые угодники Божии, получавшие на земле откровения, не могли иметь совершенного знания о Боге и ожидали Его познания, высшего по сравнению с настоящим, только в вечности. Но, хотя Бог и непостижим в Своем Существе, Он не оставил нас в совершенном неведении о Себе. Все, что полезно и необходимо нам знать о Боге и что мы можем вместить, Он открыл нам в делах Своего творения и промышления, через Закон и пророков и через Единородного Своего Сына.

Непостижимый Сам в Себе, в Своей природе и Существе, Он познаваем для нас той стороной Своего Существа, которую Он Сам открывает в Своих действиях и обнаружениях в мире. "Ведение все Божеское – необъятно. Малейшую из него часть, самонужнейшую, открыл Бог нам о Себе и о делах Своих" [5, с. 71].

На основании ощутимых откровений Бога человек может составить некоторое понятие о Нем, вернее, приблизиться к уразумению непостижимого Существа Божия. По словам Преосвященного Феофана, "истина Божия ходит на земле и имеет верные о себе свидетельства. Желающий искренно всегда найдет ее" [6, с. 174].

Главных и существенных способов Богопознания два: естественный и сверхъестественный.

Естественный способ Богопознания – это познание Бога из всего того, что Бог открывает о Самом Себе, о Своих свойствах и действиях как в окружающей человека видимой природе, так и в богоподобной природе самого человека и в его исторических судьбах.

Видимая природа красноречиво проповедует всем людям о всемогуществе, премудрости, благости Творца и Промыслителя. "Бог раскрыл книгу природы, которой нельзя не читать, ибо она всегда пред глазами, и в которой Он преднаписал Себя и явил взору всех" [4, с. 89]. Наблюдая и изучая окружающий мир, его разнообразие, красоту, стройность и целесообразность, человек естественно приходит к познанию Бога, как при изучении какого-нибудь произведения он познает автора.

Вникая в различные творения, человек видит в них отпечаток непостижимой премудрости Божией и беспредельную благость Творца. Когда мы размышляем о тварях, откуда они, отчего они так совершенно устроены и почему они явились в таком дивном порядке, – мы неизбежно видим Того, Кто невидим Сам по Себе [см.: 4, с. 89].

Сама душа человеческая, созданная по образу Божию, одаренная бессмертием и способностью к безграничному совершенствованию, с врожденным стремлением к Божеству, истине, добру и красоте, еще яснее может свидетельствовать человеку о бытии и совершенствах Творца.

Можно увидеть перст Божий и пути Его в истории царств и народов и в жизни отдельных людей, ибо история человечества, как и жизнь отдельного человека, не есть цепь простых случайностей, она есть место действия Промысла Божия, ведущего мир к определенной цели (см.: Деян. 17, 26; Пс. 66, 4-5; Втор. 4, 34-35).

Наблюдая и размышляя о делах творения и промышления Божия, человек может обнаружить в мире отпечатки Божественных совершенств. "След бытия Своего, Своих Божественных свойств и присносущной силы Своей, – рассуждает святитель Феофан, – отпечатлел Бог ясно на творении Своем. Не закрывай только очей ума и будешь видеть. Как на снегу оставленный след показывает, кто проходил, человек или зверь, так ясно отпечатлен след Божий на творении, общий ли сделаешь ему обзор или вникнешь в каждую тварь особо" [4, с. 90].

Хотя Бог открывает Себя в делах Своего творения и промышления и недалеко находится от каждого из нас, однако истинное познание Бога из естественного Откровения возможно не иначе, как лишь при таинственном и

непостижимом озарении духа человеческого Духом Божиим, Который *дышит, где хочет* (Ин. 3, 8). Для истинного Богопознания недостаточно одного естественного Откровения. Главная причина этого – в глубоком повреждении природы человека вследствие грехопадения.

Сверхъестественное Откровение Божие как способ Богопознания имеет несомненные преимущества перед естественным способом. Оно сообщает необходимую и доступную нам в земной жизни полноту познания о Боге. Эта полнота Богопознания дарована человеку Самим воплотившимся Сыном Божиим. "Спаситель говорит, что Он научен Отцом. Апостолы научены Господом Спасителем, верующие все научены апостолами" [7, с. 62].

Знание предметов веры, по учению епископа Феофана, "бывает трех родов: рассудочное, или научное, опытное, образующееся под трудами по очищению сердца, и живое, преподаваемое непосредственно вступившим в область света" [8, с. 446].

Человеческий дух имеет врожденную способность познания Бога как Существа высочайшего и всесовершеннейшего, ему присуще стремление к Нему, желание осязать и непосредственно чувствовать Его (см.: Деян. 17, 2-28). Божественная истина вообще "сродна духу нашему". Но познать эту сокровенную истину "можно только посредством силы Божественного свойства. Сила сия в нас есть дух, и в духе разум" [9, с. 232].

Полнота Божественной истины находится в Боге, Который является источником всякого ведения и мудрости. "Дух Божий, – говорит святитель Феофан, – вводил умы апостолов и пророков в сокровищницу премудрости Божией; они черпали оттуда и возвестили нам, – возвестили премудрость, которую никто из князей века сего – гениев – не ведал и ведать не мог" [10, с. 80]. Бог создал разум человека способным узнать истину, но сам разум человеческий на является ее источником, ибо по своему назначению он есть лишь средство восприятия этой истины и лишь сосуд, который может ее вместить.

Христианин должен совершенствоваться в познании богооткровенных истин и при этом освобождать ум от "своеумия" [9, с. 460]. Если человек пытается познать истину только своим разумом, то неизбежно впадает в ошибки и искажает ее сущность, ибо богооткровенная истина естественно понимаема и истолковываема быть не может. По словам епископа Феофана, "люди многоспособные, приобретшие много познаний о вещах тварных, изучившие историю, физические науки, математику, медицину, правоведение, филологию, приходят нередко к ложному убеждению, что для них и предметы веры постижимы, и начинают толковать их так, чтоб это было разумно, чтоб вера их была разумная, то есть ничего неразумеваемого не содержала, и все в ней понимаемо было естественно" [7, с. 469].

Назначение человеческого разума заключается в принятии и глубоком усвоении богооткровенных истин, чтобы они были "сорастворены с естеством его, как его природные начала" [11, с. 313]. Сорастворившись с умом Божиим, разум человека постепенно вводится Богом в тайны бытия и явлений.

Христианин получает мудрость от Бога, "ум Христов" (см.: 1 Кор. 1, 19-23), просвещенный благодатью. "Пусть не думают, что в области веры нет философии, – пишет епископ Феофан. – Нет, совокупность истин веры есть самая стройная, возвышенная, утешительная и воодушевленная философия, система настоящая, какой не представляет ни одна система философии" [12, с. 132].

Каждый христианин должен стремиться к ясному знанию христианского учения, стать "богословом, многосведущим в вещах Божественных" [2, с. 166]. Для достижения этой цели нужно учиться всю жизнь и считать потерянным тот день, в который не усвоено никаких уроков мудрости. Совершенствуясь и преуспевая в усвоении бого-

откровенных истин, человек должен затем блюсти приобретенное сокровище как зеницу ока.

Разум человека является силой, позволяющей ему зреть духовный мир, но эту способность необходимо упражнять, вступая в общение с Богом и миром духовным. По мере преуспеяния христианина в духовной жизни знания, приобретенные умом, начинают переходить в живые убеждения. Без живого общения с Богом, по учению епископа Феофана, "ведение духовное навсегда в духе нашем останется в виде предположительного требования и никогда не взойдет на степень знания ясного, действительного, определенно-убедительного, подобно тому как слепой с закрытыми глазами, у которых не повреждена, однако ж, сила зрения, будет только знать, что, верно, есть светящиеся и освещаемые вещи, но знать их определенно не возможет, пока не откроются глаза его. Причина сему – падение в грех и пребывание в сем падении" [9, с. 209-210].

Но в деле Богопознания участвует не только разум человека. Даром познания и христианского ведения наделено еще сердце, в котором благодатью Божиею отверзаются "очи видети" [5, с. 106]. Пока богословская истина не вошла в сердце, она есть то же, "что пыль на полированной доске: повеет ветер и все снесет" [9, с. 338]. Жизнь и труды подвижников благочестия свидетельствуют о том, что сердце в познании Бога подобно глазу в познании предметов видимых. Глаз, поврежденный и засоренный, не способен видеть предметы в самом лучшем их освещении. Точно так же не способно к познанию Бога сердце, омраченное грехом и страстями. "Истина Божия чиста, – говорит святитель Феофан. – Она не войдет в злохудожную душу, и когда входит, требует извержения всякой нечистоты" [2, с. 194].

Подобное познается подобным. Бог свят и всесовершен, и познание Его возможно только через достижение святости, через освобождение от страстей и порочных наклонностей. Для истинного Богопознания требуется очищение человека от греха и искоренение из сердца страстей и привычек греховных, необходимы внутренняя борьба и духовный подвиг. "Чтобы воцарить в себе истину, надо прогнать ложь и заблуждение. Чтоб образовать себя по добрым расположениям евангельским, надо преодолеть страсти" [2, с. 194]. Борьба со страстями как выражением привязанности к чувственному миру есть необходимый этап на пути к духовному ведению.

Для истинного Богопознания необходимо положительное преуспеяние в добродетели. Чем больше человек очищает свое сердце от греха, чем более старается раскрыть и укрепить свои нравственные силы, особенно стяжать и преумножить в своем сердце любовь, тем более он уподобляется Богу, тем более способен и к познанию Его. Тогда недоступное для его разума делается доступным для его сердца.

Знание воли Божией первоначально усваивается теоретически. "Бог в то время, – говорит епископ Феофан, – держится в уме как идея" [6, с. 30]. Исполнение евангельских заповедей вводит человека в истинное Богопознание и самопознание, которое развивается тем сильнее, чем усерднее и точнее исполняются евангельские заповеди.

Опыт духовной жизни вводит в настоящее Боговедение. Христианин должен стараться, "чтобы знание стало делом и получаемые вновь сведения тоже тотчас входили в жизнь" [13, с. 81]. Учение христианское хотя исходит из теоретических догматов, но все преимущественно направлено к устроению доброй, святой и праведной жизни. Нравственная чистота и добрая жизнь, располагая человека к принятию откровенной истины и делая его способным к ее уразумению, имеют для Богопознания великое значение, открывая доступ в его сердце Духу Святому – духу *премудрости и разума* (Ис. 11, 2).

По мере преуспеяния в духовной жизни человек все более просвещается

духовным ведением и проникается богооткровенным учением, ибо духовное знание всегда следует за духовным обновлением. Истина не прививается к душе сама по себе, а насаждается практическим исполнением ее требований и условий. Только через исполнение заповедей Божиих человек начинает усваивать христианство, начинает познавать его силу. С христианством надо освоиться делом и жизнью, ибо, "чем более переходит оно в дело и жизнь, тем глубже и шире постигается" [14, с. 169].

По мере усвоения богооткровенного учения сознанию открываются все тайны христианского ведения. "Жизнь христианская, – пишет епископ Феофан, – похожа на восход на гору. Восходящий на гору трудится собственно над тем, чтоб взойти; но вместе с тем, как восходит, открывается ему все больше и больше предметов, ибо все шире и шире становится его кругозор. Так и в христианстве: чем больше кто преуспевает в жизни по нему, тем больший и больший круг духовных предметов становится ведомым его уму и сознанию" [15, с. 373].

Для усвоения богооткровенной истины недостаточно одних усилий человека, здесь необходима Божественная помощь, ибо только Бог отверзает ум к уразумению Писания. Господь является источником духовной мудрости, которая сообщается людям Духом Святым; богооткровенные истины, как выражается святитель Феофан, "перстом Божиим пишутся в сердце человека" [8, с. 424]. Человек без содействия Божественной благодати не может принести достойных плодов Господу. "Познать истины веры, – говорит епископ Феофан, – можно и своим умом, особенно теперь, когда они не только содержатся в слове Божием, но и пространно истолкованы в писаниях отеческих и богословских системах. Но такое познание самодельное есть только внешнее изучение, похожее на изучение и других наук. В нем принимается только голый эскиз истин в совокупности и каждой истины отдельно. И все это понимается умом и хранится в памяти, в голове" [16, с. 268]. Но настоящее познание Господа и богооткровенных истин "совершается в тайне духа" [9, с. 360].

Для подлинного Богопознания необходима молитва. Именно в молитве происходит постижение или узрение духовных вещей. Исследование и углубление в богооткровенные истины лишь подготавливают, "а благодать, в час молитвы, совершает ведение, просветляя ум созерцанием и печатлея зримое им в сердце" [17, с. 336]. От благодатного воздействия и озарения Богопознание становится более чистым и совершенным. Сильная вера, усердная молитва и искренняя преданность Богу делают душу человека восприимчивой и способной к познанию тайн Божиих.

Сердце, преданное Господу и очищенное для Духа Божия, становится хартией, на которой Он пишет тайны Боговедения.

По учению епископа Феофана, у христианина, приобретшего личный опыт в духовной жизни, "то же происходит, что бывает с тем, кто, прочитав описание, например Иерусалима, и достаточно усвоив себе описанное, видит потом самым делом Иерусалим. То же видит он и на тех же местах, как прежде воображал, но только в другой силе" [16, с. 268].

Верующие призваны быть светом миру "по светлости ведения их, обнимающего все сущее и бывающее, безначальное и бесконечное, время и вечность" [18, с. 237-238].

Христианин, усвояя Божественные истины, постепенно прогоняет ложь и тьму неведения из своего разума, вступает в область света. Как взошедшее солнце освещает все на земле и всю атмосферу делает светлой, так и ведение Божественной истины освещает всю область ума и все сущее делает ясным и светлым. Разум такого человека преобразуется из человеческого в "Божественный" [10, с. 209] и, облекаясь в свет, в себе светит и всех вокруг просвещает.

Богопознание, в свою очередь, способствует развитию духовной жизни. В

христианстве путь жизни освещается истинами, которые, будучи приемлемы, "все существо наше устремляют к небу и всему небесному" [19, с. 1030]. Эти небесные истины "проходят по всему составу духовной жизни и все в ней оживляют собою. От них и зарождается эта жизнь, ими руководится и в них зрит свой конец" [17, с. 56].

Усвоение богооткровенного учения укрепляет духовную ревность, дает вкусить радость жизни, прогоняет лень и подвигает на делание. Получая уроки духовной мудрости углублением в заповеди Господни, христианин постепенно доходит до ясного ведения порядков жизни в Боге и делается способным и других людей учить истине.

Богооткровенные истины даже избранникам Божиим открываются постепенно, по мере нужды в них и подготовленности к принятию их. "Моисей восходит на самый верх горы, – наставляет святитель Феофан, – и скрывается в облаке, другие стоят на полдороге, а третьи – у подножия. Это образ трех состояний людей, восходящих к постижению и сознанию непостижимости" христианского вероучения [9, с. 372].

Божественные истины Господь сообщает христианским подвижникам иногда в виде явного откровения, когда Сам Бог или ангел являются человеку и открывают богооткровенные истины.

Часто тайны Божественной премудрости сообщаются святым угодникам в образах, которые "требуют нового откровения в уме" [18, с. 397].

В отдельных случаях Господь мгновенно и полно открывает небесное всем, кого считает того достойным. Тогда Бог, по словам Преосвященного Феофана, "разверзает ум и влагает в него сокровища ведения или берет дух человека и вводит его в непосредственное созерцание открываемых ему вещей. И все это может совершиться мгновенно, и мера открываемого и созерцаемого может быть так велика, что его не вместит никакое человеческое слово" [17, с. 335]. В таком откровении видел райские обители святой апостол Павел, восхищенный до третьего неба, так узрели истину апостолы, когда Господь, явившись по Воскресении Своем и дуновением сообщив им Духа, *отверз им ум и к уразумению Писаний* (Лк. 24, 45).

Одним из признаков и следствий истинного Богопознания являются исходящие из сердца хвалы и славословия Бога. Когда христианин вступает в область Боговедения, то его духовные очи получают способность видеть блеск славы Божией. Ум его начинает постигать безмерность любви и благодеяний Бога по отношению к роду человеческому, а, "созерцая это, он переходит от изумления к изумлению и при каждом предмете созерцания, ничего не может изречь, кроме славословия: слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!" [17, с. 470].

По мере духовного возрастания христианина его "ум все более и более будет прозревать к Богу и утверждаться в Богозрении, – навыкнет стоять умом в зрении Бога, с Его бесконечными совершенствами" [20, с. 299-300]. Богозрение есть высшее духовное совершенство человека, которое достигается после очищения сердца от страстей, ибо Господь говорит: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 8).

Одновременно с Богозрением является и "благоговейное поклонение Богу духом" [20, с. 300], следствием чего является неудержимое влечение человека к Богообщению и созерцание Бога в духе. "Святые отцы называют его исступлением, то есть выступлением из обычного порядка жизни и погружением в Бога, по-гречески "экстасис" [10, с. 283].

Состояние созерцания есть полнота христианского совершенства. Это – предел восхождений, но такой, которому конца нет, ибо Бог бесконечен. Христианин, достигший созерцания, по учению епископа Феофана, "вводится мгновенно в Божественный некоторый мрак, в коем не может зреть ничего, кроме необъятной, преисполненной существенной беспредельности, поражающей глубоко и налага-

ющей молчание на слово и мысль. Это состояние возвышеннейшее, до коего только может доходить земная тварь. Человек тогда восхищается до состояния Серафимов!" [9, с. 371].

Способность и стремление к совершенству в Богопознании сохраняется и у святых небожителей. И в Царствии Небесном "будут степени умственного просветления, ибо область ведения Божия беспредельна" [21, с. 459].

Литература

1. Епископ Феофан. Краткие мысли на каждый день года, расположенные по числам месяцев. 2-е изд. М., 1894.

2. Епископ Феофан. О Православии с предостережениями от погрешений против него. 2-е изд. М., 1902.

3. Православное исповедание Кафолической и Апостольской Церкви Восточной. 16-е изд. М., 1866.

4. Епископ Феофан. Толкование первых восьми глав Послания святого апостола Павла к Римлянам. 2-е изд. М., 1890.

5. Епископ Феофан. Толкование Послания святого апостола Павла к Ефесянам. 2-е изд. М., 1893.

6. Епископ Феофан. Толкование посланий святого апостола Павла к Колоссянам и к Филимону. 2-е изд. М., 1892.

7. Епископ Феофан. Толкование пастырских посланий святого апостола Павла. 2-е изд. М., 1894.

8. Епископ Феофан. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. 2-е изд. М., 1892.

9. Епископ Феофан. Начертание христианского нравоучения. М., 1891.

10. Епископ Феофан. Слова на Господские, Богородичные и торжественные дни. М., 1883.

11. Письмо Преосвященного Феофана к бывшему товарищу по Академии в ответ на поздравление с Новым годом. – Киевские епархиальные ведомости, 1894, вып. 11.

12. Епископ Феофан. Письма о христианской жизни. 3-е изд. М., 1908.

13. Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5. М., 1899.

14. Епископ Феофан. Слова к Тамбовской пастве. М., 1867.

15. Епископ Феофан. Слова к Владимирской пастве. Владимир, 1869.

16. Письма епископа Феофана к "неизвестному" Владыке. – Душеполезный собеседник, 1905, авг., вып. 8, с. 231–238; сент., с. 268–270.

17. Епископ Феофан. Псалом сто-осмнадцатый. 2-е изд. М., 1891.

18. Епископ Феофан. Толкование Второго Послания святого апостола Павла к Коринфянам. 2-е изд. М., 1894.

19. Епископ Феофан. Воззвание к самому себе. – Домашняя беседа, 1872, дек., вып. 49, с. 1028–1030.

20. Епископ Феофан. Путь ко спасению: Краткий очерк аскетики. 7-е изд. М., 1894.

21. Епископ Феофан. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. М., 1881.

Архимандрит ГЕОРГИЙ (Тертышников)

Святитель Феофан Затворник

Об исправлении сердца

Сыны падшего – зачатые в беззаконии и вышедшие на свет с растленною природою, – мы в Святой купели Крещения возрождаемся в святую жизнь и в Таинстве миропомазания получаем силу Святого Духа для святой жизни. Потому если никто не может похвалиться непорочностию и без-

грешностию, а между тем без насилия совести не может отказаться от святого долга представить себя Богу святым, то что другое должен возбудить и согреть в сердце, как не воодушевленную решимость к самоисправлению, как не Божественную ревность об очищении сердца своего от всего Богопротивного? Но воспитание в себе всего святого так трудно и многосложно, путь к добру пролегает среди такого множества сокровенных распутий, что приступающему к благому подвигу самоисправления непременно должно начертать предварительно в мысли, что и как исправлять, носить сие начертание постоянно в уме и сердце, чтобы с ним, как с верным путеводителем, беспреткновеннее и надежнее привесть к концу начатое дело.

Итак, **первое.** Что нам исправлять в себе?!

Почти все, что есть в нас. Грех любит полновластие. Если он в любви у нашего сердца, то уже овладевает им всем и всего человека покрывает своею зловредною силою. Для грешного и человека и человечества надпись одна: *от ног даже до главы несть в нем целости* (Ис. 1, 6). В этом каждый легко убедится, если проникнет внутрь грешного сердца. Там увидит он коренное семя зла, увидит основные возбуждения греха, равно как и то, в чем он обнаруживается.

Семя всего нравственного зла – самолюбие. Оно лежит на самом дне сердца. Человек по назначению своему должен бы забывать себя в своей жизни и деятельности, должен бы жить только для Бога и людей. Освящая свою деятельность возношением ее как благодарственной жертвы к Богу Спасителю, он должен бы всю ее простирать на пользу ближних и на них же изливать все, что бы ни получил от Щедродавца – Бога. Одно здесь не бывает без другого: нельзя любить Бога, не любя ближних, и нельзя любить ближних, не любя Бога, – равно как, любя Бога и ближних, нельзя не жертвовать собою славе Божией и благу ближних. Но когда человек мыслию, сердцем и желанием отвращается от Бога, а вследствие того и от ближних, то естественно останавливается на одном себе, – себя поставляет средоточием, к которому направляет все, не щадя ни Божественных уставов, ни блага ближних.

Вот корень греха! Вот семя всего нравственного зла! Глубоко кроется оно во внутренности сердца. Но, разрастаясь и подавляясь ближе к поверхности сердца, семя сие выходит из него уже в трех видах, как бы в трех ветвях, проникнутых его силою, преисполненных его жизнию: в самовозношении, своекорыстии и любви к наслаждениям. Первое заставляет человека говорить в сердцем своем: кто – как я; второе: всем хочу завладеть; третье: хочу жить в свое удовольствие.

Кто – как я! Какая душа не ощущала в себе подобного движения? Не те только, кои от природы одарены высокими совершенствами или своими трудами успели сделать что-нибудь важное и общеполезное, могут мысленно возноситься над другими. Самовозношение проходит по всем возрастам, званиям и состояниям, следит за человеком чрез все умственные и нравственные степени усовершения; оно не подчиняется никаким внешним отношениям, и хотя бы человек жил один, в безвестности и отдалении от всех, он всегда и везде не свободен от искушения – превозношения. С тех пор как он к сердцу принял первую лесть змия: *будете яко бози*, с тех пор он начал возвышать себя над всеми, как Бог, – начал ставить себя выше той черты, на которой поставлен природою и обществом, – это общая болезнь всех и каждого. Кажется, что опасного полюбоваться мыслию, что я выше того, другого, третьего? А между тем смотрите, сколько зла и сколько темных порождений проистекает из сей незначительной, по-вашему, мысли! Мыслию и сердцем возносящий себя над всеми, если предпринимает что, предпринимает не по гласу разума и совести, не по советам мудрых и внушению слова Божия, а по своим соображениям, предпринимает

потому, что этого ему хочется: он своеволен; если приводит в исполнение предпринятое – всего ожидает от одного себя: он самоуверен, самонадеян; когда исполнит, все относит к себе и оттого бывает высокомерен, горд, притязателен, неблагодарен; поставляя себя в отношение к другим, желает, чтобы везде и во всем исполнялась его воля, чтобы все двигалось по его мановению: он властолюбив и склонен к насилию; поставляя других в отношение к себе, не может терпеть их влияния, в каком бы скромном виде оно ни являлось: он презрителен и непокорлив; встречая нарушение своей воли – выходит из себя, обиженный – воспламеняется местию; он жаждет чести и славы, когда обладает сильным характером; лицемерен и тщеславен, когда слаб душою; дерзок, своенравен, спесив, склонен к пересудам, когда низок. Вот в каких видах является самовозношение, вот сколько греховных движений одолжены ему своим происхождением! Едва ли кто может не изобличить себя в том или другом.

Хочу, чтобы все было мое, замышляет своекорыстный – и вот вторая отрасль коренного нравственного зла. Заметнее всего раскрывается в ней дух самолюбия. Оно как бы *самолично* действует здесь: своекорыстный не скажет слова, не сделает шага и движения без того, чтобы отсюда не вытекла для него какая-нибудь выгода. Так все у него рассчитано, так все упорядочено, всему дан такой ход, что и время, и место, и вещи, и лица – все, к чему прикасается его рука и мысль, несет в его сокровищницу сродную себе дань. Личная польза, интерес – это коренная пружина, везде и всегда приводящая в быстрое движение все его существо, и по ее возбуждению он готов все обратить в средство для своих целей: будет искать высших степеней достоинства и чести, если это выгодно, возьмет самую трудную должность, если она прибыльнее других, решится на все труды, не будет ни есть, ни пить, лишь бы соблюдалась его польза. Он или корыстолюбив, или любостяжателен, или скуп и только под сильным влиянием тщеславия может любить великолепие и пышность. Его собственность дороже ему самого себя, дороже людей и Божественных постановлений. Душа его как бы поглощается вещами и живет даже не собою, а ими. Вот сила и область второй отрасли злого семени – самолюбия! И у кого нет каких-нибудь вещей, с которыми расстаться столь же больно, как потерять самое сердце, – расстаться с счастием?

Хочу жить в свое удовольствие, говорит порабощенный плоти и живет в свое удовольствие. Душа погрязает у него в теле и чувствах. О небе, о духовных нуждах, о требованиях совести и долга он не помышляет, не хочет и даже не может помышлять (см.: Рим. 8, 7). Он изведал только разные роды наслаждений; с ними только и умеет обходиться, говорить об них и рассуждать. Сколько благ на земле, сколько потребностей в его теле, столько полных удовольствиями областей для преданного чувственности, и для каждой из них образуется в нем особенная наклонность. Отсюда – лакомство, многоядение, изнеженность, щегольство, леность, распутство – наклонности, сила которых равняется силе закона природы, стесняющего свободу. Станет ли он услаждать вкус – делается сластолюбивым; игра цветов научает его щегольству, разнообразие звуков – многословию; потребность питания влечет его к многоядению, потребность самохранения – к лености, иные потребности – к распутству. Состоя в живой связи с природою чрез тело, душевно преданный телу столькими каналами пьет из нее удовольствия, сколько в теле его отправлений, и вместе с наслаждениями он впивает в себя и коренной дух природы – дух механического непроизвольного действования. Потому чем у кого больше наслаждений, тем теснее круг его свободы, и кто предан всем наслаждениям, тот, можно сказать, совершенно связан узами плоти. Вот как разрастается в нас зло от малого, почти незаметного, семени. На дне сердца, как мы заметили, лежит семя зла – са-

молюбие, от него идут полные его силою три отрасли зла – три его видоизменения: самовозношение, своекорыстие, чувственность, а сии три рождают уже бесчисленное множество страстей и порочных наклонностей; как в древе главные стволы пускают от себя множество ветвей и отростков, так образуется в нас целое древо зла, которое, укоренившись в сердце, расходится потом по всему нашему существу, выходит во вне и покрывает все, что окружает нас. Подобное древо, можно сказать, есть у каждого, чье сердце хоть сколько-нибудь любит грех, – с тем только различием, что у одного полнее раскрывается одна, а у другого – другая сторона его.Что же за причина, что мы большею частию не замечаем его в себе и нередко держим на мысли вслух, не стыдясь, говорим: что ж такое я сделал? Или: чем я худ? Причина тому очень естественная, и она есть новое порождение живущего в нас греха. Не замечаем потому, что не можем. Этого не позволяет нам грех: он очень хитр и предусмотрителен. Непокровенное древо зла, изображенное нами, с первого раза могло бы стать пред взором ума и оттолкнуть от себя каждого; потому он спешит одеть его листием, прикрыть его безобразие и прикрывает так, что не только корня и стволов, даже и ветвей не может различить душа, в которой растет сие древо. Эти лиственные прикрытия суть *рассеянность и многозаботливость*. Рассеянный не любит жить в себе, многозаботливый не имеет свободной минуты. Один не может, а другому некогда замечать то, что происходит внутри. С первым пробуждением от сна душа их тотчас выходит из себя, – и у первого уходит в мир мечтаний, у последнего же погружается в море нужных будто дел. Настоящего для них нет, что, собственно, характеризует всю их деятельность. Один охотник живет в самосозданном мире и действительного касается только отчасти, ненамеренно, поверхностно; другой и мыслию и сердцем весь впереди. Каждое дело он спешит окончить как можно скорее, чтобы приступить к другому; начинает другое и – спешит к третьему; вообще настоящим у него заняты только руки, ноги, язык и прочее, а его дума вся устремлена в будущее. Как же при таком ходе внутренних движений заметить им, что кроется в сердце?

Но грех не довольствуется одним этим лиственным покровом: сквозь него можно еще как-нибудь проникнуть, можно раздвинуть листья его ветром скорбей и внутренних потрясений совести и открыть скрывающееся под ним безобразие греха; потому грех сам из себя создает некоторый непроницаимейший покров, наподобие стоячей мутной воды, куда погружает свое древо и с его листвием. Этот покров слагается из неведения, нечувствия и беспечности. Не знаем своей опасности, потому и не ощущаем ее; не ощущаем, потому и предаемся беспечности. И что бы вы ни предпринимали для вразумления такого грешника, все напрасно. Он глубоко сокрыт в грехе, как в море. Производите сколько можно сильнейшие звуки над водою – кто в воде, ничего не услышит. Поражайте чем вам угодно нерадивого грешника – он не смутится нисколько. Изобразите пред ним его собственное состояние – он скажет: это не я. Представляйте ему крайнюю опасность, от которой он недалеко, – он будет уверять вас, что это не до него касается; возбуждайте его от усыпления – он не устыдится провозгласить: я действую. Так крепок покров, которым закрывает наконец себя грех от взоров того, кем обладает!

Вот в общих чертах все, что предлежит нам изменить в себе, вот обширное поприще деятельности в святом подвиге самоисправления! Надобно снять покров с греха – изгнать из души беспечность, нечувствие, самообольщение, рассеянность и многозаботливость; надобно отсечь его ветви – все порочные страсти и наклонности; наконец, ископать его с самым корнем, изгнать самолюбие – самоотвержением. Труд не малый и не легкий! Греховная нечистота, изображенная пред сим, покрывает душу не как пыль, которую можно стряхнуть легким движением

воздуха. Нет, она проникла самое существо наше, срослась с ним воедино, стала как бы его частию: потому освобождаться от нее есть то же, что отделять себя от себя, что изымать око, усекать руку. Впрочем, такая трудность не подавлять нас должна, а возбуждать от нерадения. Искренно желающий спасения не смотрит на препятствия; от них он еще бодреннее воспрянет, решительнее приступит и ревностнее начнет спасительное дело самоисправления.

Второе. Как же совершать сие дело? С чего начать, что делать потом, что далее, какой вообще ход внутреннего самоисправления? Сердце человека глубоко, как узнать, что в нем происходит, а тем более, что должно в нем происходить при известных обстоятельствах. Всякий имеет свой характер, у всякого свое настроение, свои страсти, наклонности, привычки. У всякого потому ход внутреннего самоисправления должен быть свой, и одного для всех установить никак невозможно. Самоисправление не есть дело холодных соображений, а – живого и ревнивого действования, совершающегося глубоко в сердце. Христианство – тайна, не в основании только, но и в приложении. Ход образования его в сердце подобен пути по сокрытому и запутанному подземному ходу. Вступающему на него скажут: вот путь, – и решившийся идти идет уже сам. *Кто убо может спасен быти?* (Мф. 19, 25) – скажет кто, соображая все трудности самоисправления? Отвечаем ответом Спасителя на подобный вопрос: *от человека сие невозможно есть, у Бога же вся возможна* (Мф. 19, 26). Решившийся начать христианскую жизнь чрез Святые Таинства получает благодать Духа – просвещающую, укрепляющую и утешающую. Пребывая неотлучно с ним, она руководит его во все время опасного земного странствования самым премудрым и предусмотрительным образом. И кто может надеяться сам совершить исправление своего сердца? Разве в сем святом деле может кто ожидать успеха от человеческой помощи и человеческого искусства? Послушайте, что говорит Господь: *воскроплю на вы воду чисту, и очиститеся от всех нечистот ваших... и очищу вас. И дам вам сердце ново, и дух нов дам вам, и отъиму сердце каменное от плоти вашея и дам вам сердце плотяно, и Дух Мой дам в вас* (Иез. 36, 25, 26). Все от Господа. Ему и предадим себя – представим себя Его благодатному действию как нечистое и безобразное смешение, да образует из нас, как художник и содетель, *добрые сосуды в честь и годные на всякое доброе дело.* Со своей стороны мы можем представить Богу только искреннее желание самоисправления и полную готовность повиноваться его мановениям. Что происходит с тем, кого посетит благодать Господня, как она поведет его по пути очищения в состояние чистоты и непорочности – это Спаситель изобразил в притче о блудном сыне.

Первее всего благодать поучает человека, как разоблачить и снять с него (греха. – *Ред.*) покровы: ибо иначе как и приступить к труду, не видя, над чем трудиться? В этом действии спадет с очей ума ослепление, сердцу возвращается чувство и воля пробуждается от усыпительной беспечности. Вместе с тем душа невольно останавливает внимание на себе и сосредоточивается внутрь: скорбь и страх, перенося душу за гроб, к судному престолу, отторгают ее от мира и представляют заботливости ее другой высший вечный предмет. Обнаженное древо греха стоит теперь пред умным взором грешника, во всей безобразной наготе, и уже – не по роду своему – плодородит самосуждение, покрывает стыдом, жжет судом и угрызениями совести. Луч милосердия Божия в смиренной душе рождает теплоту умиления и изводит токи слез раскаяния – обильные непрестанные слезы с самым корнем вымывают наконец из сердца все древо греха. Так совершается все. Человек стоит теперь на чистой земле непорочности и ревнует о святом благочестии.

Коротко и легко дело самоисправления в описании; но не так коротко, а тем менее легко бывает оно на самом

деле. Многообразны нужды наши, многообразны и попечительные действия в нас благодати: одного приемлет она прямо в блаженный покой, изводит на пажить духа, пасет и услаждает; другого долгими обходами испытывает и после многообразных уже странствований проводит туда, как утружденного и изможденного путника. *Стропотно ходит с ним в первых, боязнь же и страх наведет нань. И помучит его в наказании своем... и искусит его в оправданиих своих, и паки возвратится прямо к нему и возвеселит его и откроет ему тайны своя* (Сир. 4, 18-22).

Поспешим же в сей благодатный покой, в место веселия духовного, в самые тайники Божественного действования и освящения. Трудно! Но что же бывает без труда? С тех пор как проклята для человека земля в делах своих, человек в поте лица достает себе благо телесное, тем более духовное. Зато сколько бывает наконец утешений в приобретении. *Жена егда раждает, скорбь имать* (Ин. 16, 21), но за радость рожденного дитяти забывает все прежния скорби. *Недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18) – явится и здесь в духе, и там во всем нашем существе. И что еще особенно может служить нам в утешение? То, что труд самоисправления не столько тягостен на деле, как нам кажется с первого раза. Он представляется необъятным только со стороны, только дотоле, пока мы не вступили в него. И здесь, как в обыкновенных делах, все зависит от воодушевления, с каким кто приступает к делу. Спросите у всякого нелицемерно деятельного человека, спросите его о тяжести трудов: он тоже скажет вам, что труды его могут исчислять и взвешивать только другие, а для него их нет, он не замечает их. Воодушевление, приводя в быстрое движение все его силы, поглощает все беспокойства, возносит его над всеми препятствиями, и среди неудобств он идет как по гладкому и пространному пути. То же в деле спасения; тесен путь к царствию, тяжким представляется иго Христово: но только до тех пор, пока мы стоим еще вне, соображаем, обдумываем ход новой жизни. Но когда зародится и образуется в сердце спасительная решимость, она приносит с собою и воодушевление на благое делание. Воодушевленный последователь Христов идет в след Его, радуясь и благословляя иго, воспринятое от Него. Со стороны будут видеть его в труде, в язве и озлоблении, а он, как пред Сердцеведцем, вслух всем исповедует, что он и все подобные ему живут, *яко незнаеми, и познаваеми... яко скорбяще, присно же радующеся: яко нищи, а многи богатяще: яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. 6, 9-10). Спросите, где взять такое воодушевление? Будем молиться, и молитва веры низведет сей Божественный огнь. Будем молиться о воодушевлении, о решимости и возбуждении от греховного сна. *Ныне бо ближайшее нам спасение... Нощь (убо) прейде, а день приближися* (Рим. 13, 11, 12). *Бог рекий из тмы свету возсияти, иже возсия в сердцах наших, к просвещению разума славы Божия о Лице Иисус Христове* (2 Кор. 4, 6); *Бог же упования да исполнит вас всякия радости и мира в вере, избыточествовати вам во уповании, силою Духа Святаго* (Рим. 15, 13).

О борьбе с грехом

После того как человек волею своею воспротивился воле Божией в угодность воле диавола, он подпал под власть последнего и потерял данную ему первоначально силу свободно и охотно ходить в воле Божией. Теперь, напротив того, в его душе напечатлелось нехотение повиноваться Богу и хотение жить по своему желанию. Это превратное настроение сердца челове-

ческого от одного перешло во всех, и все стали в этом отношении как один: *якоже единем человеком грех в мир вниде* (Рим. 5, 12). Сие-то хотение творить волю только свою, не покоряясь воле Божией, с нехотением противиться себе и повиноваться Богу и есть то, что называется живущим в нас грехом (см.: Рим. 7, 17, 20, 23).

Грех, вселившись в самой глубине души, вместе с тем подчинил себе и все силы ее – ум, волю и чувство – и разложился от сего на множество наклонностей, страстей и греховных помышлений; из души перешел в тело, отсюда в дела и поступки и таким образом проник все поведение и все отношения человека. Так, "грех приразился ко всему существу человека – и к душе, и к мыслям, и к уму, – потряс все телесные члены; и ничто ни в душе, ни в теле несвободно и не удалено от злых влияний сего живущего в нас греха"[1]. "Весь человек облечен в сей грех, чтобы не мог уже смотреть так, как бы хотелось, но чтобы и видел худо, и слышал худо, чтобы и ноги имел, скорые к злодеянию, и руки, простертые к беззаконию, и сердце, занятое злыми помыслами"[2].

Живущий в нас грех, с диаволом – отцом его, точно есть деспот, держащий душу у себя в плену и не дающий человеку делать то, что противно ему. Как инстинкт, влечет он грешника по обычному пути далее и далее, не давая ему времени одуматься и как-нибудь остановить цепь своих греховных желаний. Большею частию грешнику и на мысль не приходит изменить свою жизнь: грешник и не думает о том, что грешит, "ввержен в море забвения и бездну пороков и как бы во вратах ада поселившись"[3]. "Округ бо сердца завеса некая тьмы обложена лежит, дым, глаголю, исходящий от огня мирского духа, который ниже мысли допускает общатися с Богом, ниже душе дозволяет по соизволению молитися, или веровати, или любити Господа"[4]. Но если и увидит грешник, если и узнает, что того или другого не должно делать, что то или другое желание, та или другая наклонность незаконны, безнравственны, то и тогда – что пользы? Ему не хочется поднять руку, подвинуть ногу в противность незаконному желанию или незаконной наклонности, потому что ему вообще не хочется не грешить, не хочется воспротивиться себе и покориться Божией правде. Он пленник, увидевший, что связан по рукам и по ногам, и беспечно предававшийся поносной судьбе рабства. Это главный недуг, коренное зло, поддерживающее все душевные недуги, питающее все греховные наклонности, – нежелание восстать против греха, нежелание покориться воле Божией. Кто хочет освободиться от рабства греховного, очистить душу свою от всех скверн, тому необходимо прежде всего возненавидеть грех, возжечь желание противиться ему, истребить противление Божиему закону и возжечь желание ходить в нем – необходимо переломить волю. Без сего нельзя сделать никакого добра, нельзя победить ни одного греховного движения. Правда "суть нецыи, – говорит святой Макарий, – воздерживающии от всякаго блуда, и татьбы и мшелоимства, и подобных сим грехов, и посему в число святых вносят себя, но в самой истине весьма далеко отстоят от святости. Обитает бо в уме их злоба многажды, и живет, и пресмыкается, и не оставила их"[5]. "Не просто бо воздержание от злых, – говорит он в другом слове, – очищение есть: но истребление тех из совести совершенное есть очищение. Вниди ты, кто-либо еси, чрез возрастающие в тебе выну помышления, к военнопленной и рабе греха душе твоей, и рассмотри до дна мысли твои, и глубину помышлений исследуй: и узриши в недрах души твоей ползающего и гнездящегося змия, убивающего тебя отравою частей души твоей. Неизмеримая бо бездна есть сердце: но аще убиеши змия сего, похвалися пред Богом о чистоте твоей: аще жи ни: смири себе, яко немощный и грешный"[6]. Сия-то злоба, сей-то змий, кроющийся в сердце, – хотение греха и нехотение правды – и должны быть убиты перво-

начально. Без сего невозможен никакой успех: при каждом деле будут как бы отниматься руки.

Не вдруг, без сомнения, заметно очистит себя и тот, в ком совершится решительный перелом воли. Против него будут восставать страсти, наклонности, привычки – все, что он прежде делал с удовольствием и в чем с неприятностию упражнялся; но по крайней мере после сего у него есть возможность противостоять сим восстаниям, есть возможность ослаблять их, умалять и сокращать. За изменением главного расположения последует изменение сил души – чувства, воли и ума, далее ослабление или совершенное погашение страстей и наклонностей, одних за другими, хотя все это не вдруг и не тотчас. Падать легко, но не легко восставать; легко сбежать под гору, но не легко подниматься на нее.

После сего очевидно, что свергнуть с себя узы рабства греховного нельзя без борьбы, и борьбы напряженной, продолжительной, и что сия борьба имеет два вида, или два приема. Сначала надобно восстать против греха, вообще возненавидением его, изгнать его из главного местопребывания переломом воли, возбуждением жажды противления духу (зла. – *Ред.*) и покорением себя святой воле Божией, а *потом* уже восставать и против порождений сего греха, поражать остатки его в себе до возможного его истощения. Там совершается генеральная битва, здесь не более как усмиряются частные возмущения побежденного; там разоряется главное укрепление врага, а здесь он изгоняется совсем из земли, возвращенной победою законному владетелю, и преследуется до последних пределов ее.

А

И главную победу души над грехом должно отнести к борьбе христианина со грехом, потому что хотя в ней и преимущественно действует благодать, но остается еще довольно места и свободному употреблению собственных сил души, как это увидим из ее описания.

1. Первое в ней действие – пробуждение – принадлежит благодати. Грех скрывает узы, в которых держит душу, и она, по ослеплению, привыкает к своему рабству и начинает любить его. Грешник, не подозревая никакой для себя опасности, спит сном смертным. Он не восстанет и не воскреснет, если не возбудит и не оживит его благодать. Посему-то Спаситель стоит при дверех сердца и толчет. Минута, способ, обстоятельства сего возбуждения совершенно сокрыты в премудром распоряжении Божией благодати. Она приходит не с усмотрением, исторгает грешника из потока греха и ставит вне его без всякого со стороны человека содействия, хотя и соображаясь всегда с нравственною приемлемостию человека. Для возбужденного благодатию мгновенно, как блеском молнии, освещается все и в нем самом, и вокруг него. С особенною силою раскрываются пред ним свойства Божии, зависимость человека от Бога, его назначение и особенно настоящее состояние. Он как бы вводится теперь в должное отношение и связь со всем, с чем должен стоять в связи. Такое прозрение, отражаясь в сердце, рождает в нем чувство своего расстройства и унижения, тихую грусть о том, что довел себя до того, глубокое убеждение в том, что ему не должно быть таким, потребность выйти из такого беспорядка и некоторое предощущение лучшей жизни и лучшего состояния.

Состояние, в котором бывает душа при благодатном пробуждении, есть такое состояние, которое может быть произведено единственно благодатию. Правда, о всем, что происходит тогда в душе человека, может рассуждать всякий грешник и сам с собою, может даже возбудить и подобные же чувства; но сии действия свободы совсем не то, что благодатное пробуждение. Собственные размышления грешника обыкновенно уклоняются в общность, а благодатное действие ограничивает внимание грешника одним собою; оттого

свои размышления скользят только у него по поверхности души, не касаясь сердца, а если и касаются иногда, то легко, без углублений, между тем как возбуждения благодатные входят в самую глубину существа человеческого и касаются самых коренных оснований его: ибо Богу свойственно глаголать прямо в сердце. И чувства, какие возбуждает иногда грешник долгим и напряженным размышлением о поразительнейших предметах, совершенно ненадежны. Они силою втесняются в сердце, держатся в нем принужденно и готовы исчезнуть с прекращением напряжения, не оставив по себе приметного следа; но чувства, благодатию возбужденные, доходят до самых оснований сердца, там напечатлеваются, исполняют его, хотя бы напряженным размышлением мы хотели развлечь их, и, когда утихают, всегда оставляют по себе глубокие следы. Потому-то напрасно надеется [тот], кто сам себя, без благодати, возбудит от сна греховного. Все, что остается здесь свободе человека, – это молитва о сем возбуждении – усердная, искренняя, сопровождаемая обетами неуклонно следовать призыванию Божию. "Яко же несродна естеству нашему злоба, но преступлением перваго человека вкравшуюся отвне оную прияли в себя и даже как бы в естество наше тая пременилася, тако чрез несродный же естеству нашему, небесный, глаголю, Дух дар паки изгнати оную из естества нашего подобает и первую возставити в нас чистоту. Но сего многими прошениями и молитвами только может получити душа"[7]. "Да вопиет душа всею силою ко Господу, яко да чрез благодать Духа Своего достойну сотворит освободитися от страстей"[8].

2. *Се, стою при дверех и толку: аще кто услышит* (Апок. 3, 20). Пробужденный грешник слышит; но кто слышит, может еще не отверзать входа. Между слышанием и отверзанием проходит более или менее времени в колебании слышащего – отверзть ли или нет. Пробужденный грешник поставлен благодатию на средине между двумя путями – греха и правды, поставлен, впрочем, так, что ему дана возможность избрать жизнь по духу, по правде, не удерживаясь уже насильственно законом плоти или греха, по которому *еже бо хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю* (Рим. 7, 18). Теперь свободе человека предлежит: склонить себя решительно на сторону добра, сделать сие расположение господствующим и воодушевить себя решимостию сейчас же начать свое исправление – свободе, говорим: ибо благодать, прежде предварившая всякое действие, здесь уже последует за расположениями свободы и не иначе входит в душу, как по возжеланию ее и молитве, не прежде исполняет ее, как уже она сама отверзет уста к приятию ее. "Приходящая благодать действует, – говорит Макарий Великий, – не так, яко бы нудящею своею силою связывала волю, а тако хотяща и не хотяща неподвижно пригвождала к добру: но уступает место самовластию и присутствующая благодать, дабы тем искусити волю и явити: почитает ли душу свою или не почитает; согласна ли с благодатию или несогласна"[9]. Как выполняет и как должна выполнять душа сии требования, определить можно только в самых общих чертах.

а) Так, для склонения воли на сторону добра, равно как и для всего последующего, самое первое условие, а вместе и первое средство есть напряженное усилие и молитвенное желание сколько можно долее держать себя в том состоянии, в каком поставлен кто благодатным действием. Посему, коль скоро восчувствуешь благодатное действие, не бегай от него, не погашай его рассеянностию или другими какими занятиями, но спеши произвесть в себе искреннее согласие на все, что внушает благодать; не отклоняй от нее внимания, а смиренно покорись и предайся ей весь; не умствуй о возможности того состояния, в котором находишься, а лучше к убеждениям, произведенным благодатию, прилагай и еще другие поразительнейшие истины (например, ты унижаешь образ Божий, распина-

ешь Христа: беда, если еще не послушаешь, – меч над главою и прочее) или развивай те, кои уже сознаешь. Теперь размышление будет иметь совсем другое действие, нежели в состоянии нечувствия и холодности, обычных грешнику, будет идти прямо к сердцу по подражанию и соучастию самой благодати, ограничиваясь тобою одним и обращая к тебе предметы теми сторонами, кои могут произвести в тебе сильнейшее впечатление, и ты будешь не с холодною отвлеченностию мыслить, а при светлой мысли переходить от одного живого ощущения к другому живому ощущению. Быть не может, чтобы при этом не согрелось сердце, не возжелало оставить грехи и начать новую жизнь во Христе: Бог увидит твое желание склониться на добро и склонить к Нему волю твою. "Принуждати себе подобает к благому, хотя бы для пребывающаго в сердце греха и желания к тому не было. Тогда Господь, видя таковое предложение и столь благое тщание, творит милость, избавляет от врагов и живущаго греха, исполняя Духом Святым"[10].

б) Но, тогда как человек душою и сердцем готов воспарить на небо, узы греха всею силою влекут еще его долу. Теперь все, к чему сердце прежде получило постоянное направление, восстает против него, все, что составляет его существенные и коренные возбуждения, начинает противодействовать. Теперь-то, собственно, ему предлежит сильная борьба с самим собою, предлежит то, что мы назвали генеральною битвою. Определить все, что здесь происходит, совершенно невозможно. Это состояние души самое сокровенное и самое непостижимое. Кто видел, как происходит брожение элементов в яйце? Кто скажет, в каком состоянии зародыш в согнивающем зерне? Главнейшие пункты сей брани можно, однако же, определить, основываясь на опытах обращения грешников. На чем преимущественно грех задерживает грешника исправляющегося и против чего ему необходимо напрягать все свое усилие, – это суть главные направления греха – коренья страсти грешного сердца. Они суть: выходящее из главного тона отпавшей от Бога души самоугодие, по которому человек обходится с собою, как мать с единственным сыном; выходящее из главного расстройства существа человечества наклонность к чувственному, видимому; выходящая из главного поприща, где раскрывается грех, сила века (или человекоугодие). Самоугодие, внешность, сила века[11] – вот коренные узы греха. Надобно стряхнуть их. В минуту пробуждения грешника и склонения воли на сторону добра они будто незаметны: ибо здесь душа стоит еще на одном месте; но коль скоро ей нужно приступить к делу, вступить в новый путь, они первые дают себя чувствовать, первые преграждают путь. "Как грешник, благодатию Божиею подвигшись, начинает каяться, – говорит святитель Тихон Воронежский, – то сретает его различное искушение. Начнет человек к Христу приступать, а сатана в след его женет и отвлекает от Христа; начнет работать Христу, и запинает ему враг и различные простирает сети"[12]. Потому спеши подавать первое их восстание, изгони их из желания особенным напряжением любви к Господу; и теперь дай всю свободу здравому рассуждению и неотступно держи при нем сердце. Просветленное истиною, доставляемою сокровенно действующею благодатию, разумение сначала представит тебе сии предметы в истинном их виде, снимет прелестный покров, скрывающий их безобразие, а сердце, если оно не совсем потеряло вкус, восчувствует тогда полное к ним отвращение; *далее* разумение представит тебе всю опасность содружества с ними, а ты положи это на сердце, и оно воспламенится ненавистию к сим узам, влекущим его в пагубу; *наконец,* когда разумение изобразит пред твоим сознанием всю красоту духовной жизни, все блаженство общения с Богом и святыми, всю сладость покоя и свободы духовной, тогда сердце побежит от тех скорбных уз, как бегут из огня, и устремится к сим благам, как елень на ис-

точники. Вообще из сей брани сердце должно вынести решительные расположения, противоположные требованиям греха: жажду страданий в противоположность самоугодию, отрешение от видимого и напряжение к невидимому в противоположность внешности, предание себя всем неправдам и всему поношению в противоположность человекоугодию и силе века. Потому для счастливого окончания брани он (человек. – *Ред.*) должен с ревностию и возможною быстротою собирать все поразительнейшие представления, могущие воспроизвести их расположения. Добросовестно действующий, несомненно, воспроизведет их, благодать укрепит в нем такие расположения, и в душе человека стремление к жизни по духу сделается господствующим.

в) Вот уже душа на самом краю области греховной; уже малая полоса отделяет ее от страны света, свободы и блаженства! Узы спали, и она готова воспарить туда, как чистая голубица. Но коварство греха и отца его еще не истощилось, еще есть у него стрела, которая дает ему почти всегда верную добычу. Только что напряжет душа силы, чтобы приступить к делу, как вдруг поражает ее внимание жалостный вопль: еще день и довольно; завтра преступишь сию границу. Вопль самый обольстительный! Грех стоит здесь за нас, умаливает, чтобы мы сжалились над собою; но склонись только мало на его внушение, как вся толпа злых помышлений, прогнанная теперь только из сердца, во мгновение ока, как бы по мановению жезла, охватит тебя отовсюду и подавит своею тяжестию: человек, прежде доходивший до воодушевления, снова не хочет приподнять руки, двинуть ногою. Потому воодушевись мужеством, не почитай сего помышления происходящим от тебя, не давай ему надолго оставаться в душе и особенно не допускай до сердца. Спеши изгнать его ясным представлением о безрассудстве и опасности отлагательства, будь уверен, что это малое требование есть сокращение всего, есть прелестное представление рабства в виде свободы, есть льстивое дружество, скрывающее непримиримого врага. Воодушевись: поразив сего врага, ты приобретешь решительную победу. Скажи: готово сердце мое... восстав, иду...

г) Как идти тебе к Богу правосудному – осмотрись, сколько грехов нечестия? Ты вместе с Иудою продавал Христа, вместе с Каиафою вел Его на суд, заушал, менял на разбойника, распинал. Как громом поражает душу сей голос лукавого, адское дыхание его охватывает оную и готово пожрать в своем огне. Ты видишь бездну погибели, но обратись и посмотри на бездну милосердия, щадившего тебя доселе. Если прежде, когда ты и не помышлял о Боге, он щадил тебя, то тем более теперь. Там ничего у тебя не было, а теперь есть хоть мало... Мужайся! Спеши из того извлечь врачевство, чем хотят нанесть рану; Крест Спасителя всепрощение знаменует. Емлись (держись. – *Ред.*) за него крепкою силою веры; он прикроет тебя от стрел правосудия Божия. Спеши в церковь, там есть утешительный бальзам: Таинство покаяния. Исповедуй грехи, прими разрешение. Как охладительная вода освежает жаждущего, так чрез главу твою сквозь руки священника разольется по тебе струя оправдывающей благодати Божией. Запечатлей навсегда на естестве твоем силу благодати. Как на воске, только растопленном, оттисняется печать, так и здесь. Охладеешь – и все потеряно. А охладеешь, ибо доброе движение, теперь существующее в душе твоей, еще тебе не усвоено. Ты не приобрел еще на него права. Ты еще связан и на земле и на небе. Пусть имеющий власть решить разрешит тебя, тогда выйдешь из книги осуждаемых и впишешься в число спасающихся сынов и друзей Божиих. И благодать обильным потоком низольется на тебя и запечатлеет на тебе сие право сыновства Богу и содружества святым.

3. Таким образом наконец в душе все стихает. Пробужденный грешник, освободившись от всех уз, с полною готовностию говорит теперь: восстав иду,

и благодать, действовавшая доселе сокровенно, назирая, как мудрая наставница, первые действия Христова воина-ученика, приемлет его теперь в свое лоно, объемлет и в награду за подвиг исполняет собою. Дверь сердца отверзта, Христос входит в душу и вечеряет с нею. К нам, "насилие творящим себе самим, дабы нескверне сохранити храм Божий, приходит обещавый вселитися в нас и ходити, тогда восприемлет и душа наследие свое и храма Божиего быти достойна бывает. Сам бо Бог, воинством своим изгнав лукаваго, прочнее в нас воцарится"[13]. Теперь-то она, восхищенная из круга обыкновенных дел, в чувстве совершенной свободы, с пламенным мечом решимости и ревности по чистоте и святости, проходит всю свою жизнь, пересматривает все дела, взвешивает все мысли, желания, все тайные движения сердца и разит все, на чем есть хотя малый след греха. Все зазорное в себе она вызывает теперь пред зерцало совести и поражает проклятием. "Душа, удостоившаяся свыше прияти силу и Божественный оный огнь, от всего пристрастия мирского духа отступает и от уз злобы свобождается, отложив от себя окаменелость грехов, и все ни во что же вменяет и презорствует"[14]. Здесь совершается скорая, но решительная и воодушевленная перестройка жизни, заключаемая совестным обетом быть всегда верным новому завету сердца с волею Божиею. Как совершенный победитель, душа носится теперь в своей области совершенно свободная, все устрояет по-своему, всему дает новый вид, всюду как бы налагает цепи на побежденных, и никто не противоречит. Это благодать дает душе вкусить все блаженство свободы чад своих, и как награду за первое самопринуждение, и как воодушевление к последующим победам. Душа восходит здесь на такую высоту, память о которой потом в продолжение всей жизни служит для нее коренным воодушевляющим началом; глубокая память сердца о ней исполняет жизнь святою тоскою о потере некоего драгоценнейшего бисера, крепким ревнованием отыскать сокрытое сокровище. "Благодать сначала, – говорит святой Диодох, – обильно озаряет душу своим светом, так что она может обильно ощущать его, дабы склонить нас с радостию вступить на стезю Божественных созерцаний"[15]. "Всесвятый Дух, – говорит он далее, – в начале усовершенния, если ревностно возлюбим добродетель Божию, дает душе вкусить сладости Божией, всем чувством и удовлетворительно, для того чтобы ум имел точное познание о конечной награде богоугодных трудов"[16]. Восхитительное состояние! Но человеку, бренною плотию обложенному, невозможно всегда держаться на такой высоте. Благодать скоро сводит его опять в обыкновенный круг жизни, где волны греха снова силятся покрыть его отвсюду, и ему предлежат новые брани. "Случается, – говорит Макарий Великий, – что благодать совершенных достигает мер, и от всякого греха свободен человек и непорочен бывает: но потом паки некиим образом стесняется благодать, и паки от противныя силы покрывалом задевается"[17].

Примечание. Так совершается решительный перелом воли – первоначальная главная победа над грехом, живущим в нас. 1. Начало и конец оной равно принадлежат преимущественному действию благодати, только там действие сие есть призывание к подвигу, а здесь награда за оный, – там благодать поставляет человека только в состояние, среднее между жизнию плотскою и духовною, хотя и с возбуждением от жизни плотской к жизни духовной, а здесь она дает уже ему вкусить всю сладость жизни по духу, всю радость о Духе Святе: средина принадлежит свободному употреблению сил человека или склонению его произволе́ния. Говорим так не потому, чтобы здесь человек решительно был оставлен самому себе; ибо тогда-то особенно и нужна ему благодатная помощь, когда во всем существе его происходит коренное изменение, – но потому, что благодать здесь всегда последует за движениями произволения: поколику

желает человек Духа, потолику исполняется им, и чем более желает, тем более исполняется, так что когда возжелает всецело, всецело и исполняется: возжелает склониться на добро, и благодать дает сие склонение; возжелает отрешиться от всего, и отрешается; возжелает сейчас начать дело исправления, и благодать воскрыляет сию решимость. Если мы иначе будем представлять деятельность души в сие время, то в перемене жизни ничего уже не остается свободе. Это, можно сказать, начало Макария Великого – что благодать дает только то, что желает и чего ищет душа. Особенно оно выражено в "Слове о хранении сердца", в 12-й и 13-й главах. 2. В общих чертах мы представили здесь внутренний ход к решительной перемене воли, который сколько бы ни разнообразился под разными условиями, но в существе дела остается всегда и для всех один и тот же. Ибо кто не пробужден, тот не станет бороться с собою, – кто не борется, не победит. Напрасны все усилия взойти до решимости угождать Богу иным путем. Бывает, что иной сам собою, без благодати, начнет напрягать себя к добру, сам собою отсекает пороки; но продолжает несколько сей труд и оставляет его опять или если и не оставляет, то успевает им образовать из себя человека, чистого только по внешности: это исправление естественное; в нем нет внутреннего духа жизни. Главное здесь – благодатное пробуждение, оно свидетельствует о Божественном избрании и обещает особенное покровительство. О нем потому первее всего надобно молиться и молиться со всею силою веры, со всею крепостию упования. 3. Произволение по существу своему то склоняется к добру, то удаляет препятствия, то приступает к делу, и во всех сих пунктах оно, по существенной связи своей с мыслями, должно быть руководимо и укрепляемо особенными благими помышлениями, коих достоинство определяется приспособленностью к цели. Каковы бы они ни были, но они самые лучшие, коль скоро в настоящем случае или склоняют к добру, или расположение к нему делают господствующим, или возбуждают безотлагательную решимость. Надобно думать, что как каждый человек имеет свое личное настроение, то для каждого должен быть и исключительный род благих помышлений, особенно поразительных и возбудительных, или даже одно какое-нибудь господственное всепобеждающее помышление. И каждая вещь издает особенный звук и только по сродному себе звуку дает отзвук, когда, не ударяя по ней, хотят произвести из нее звук. Оттого иного поражает особенно благость Божия, иного – строгость Его правосудия, иного – превосходство добродетели, иного – низость порока, а иного – еще что-нибудь, и не столь общее и важное. После сего усилие человека занимать себя во время борьбы с собою то теми, то другими помышлениями или, что согласнее с опытом, невольная смена их одних другими есть не что иное, как стремление души к тому представлению, которое одно может заменить все и которого предначертание как бы носится в душе. Потому вместо всех правил в трех показанных действиях души можно поставить одно: стремительнее перебирай все представления, могущие возбуждать волю, и наиболее останавливайся на том, которое с первого раза стрелою пройдет сквозь твое сердце. Это твое: развивай его с всею живостью; оно спасет тебя. Зажигательное стекло не вдруг зажигает, потому что не вдруг фокус его совпадет с поверхностью зажигаемого вещества: так и разумение, обращая пред сердцем круг благотворительных предметов, поражает его не вдруг, но только тогда, когда запечатлеет в нем главную возбудительную мысль. Тогда оно согревается и воспламеняется во мгновение ока. И здесь-то нисходит на него огнь Духа, уносящий его в свои выспренние области и облекающий его свободою и властью неприкосновенною. 4. Удивительная сокрыта сила в Таинстве покаяния. Сознание грехов умом только, без исповеди и разрешения, неудовлетворительно для кающегося и почти

всегда остается бесплодным для жизни. Здесь (на исповеди. – *Ред.*) точно происходит запечатление христианина – благодатное... Своевольно ничего нельзя взять у Господа. Неудивительно после сего, что все мысли и желания спасающихся обращены ко Спасителю... В Нем отрада, в Нем все утешение. Оттого, не умолкая, вращается в устах и в сердце... сладчайшее имя – Иисус...

Б

И после первой главной победы над развращенною волею человеку предлежат новые, хотя не столь трудные, зато более частые брани с собою или, лучше, одна постоянная брань, которой конец полагается уже смертию.

1. Каков внутренний характер – внутреннее настроение воина, вступающего в брань? С высоты, на которую благодать возводит душу, решившуюся на новую жизнь, душа сносит, как отблеск виденной и ощущенной славы, ревность по чистоте и святости – ревность воодушевленную, которая, впрочем, вся обращена теперь только на себя. В первые минуты она не может иначе обнаружиться как ненавистью к злу, замечаемому в себе повсюду, и неуклонным преследованием его. Творение добродетелей с приятностию – любовь к добру – еще по большей части только в желании: он (человек. – *Ред.*) хочет, чтобы сердце было так же расположено к духовному, как прежде было расположено к чувственному, требует от него такого расположения и не находит его. Со всем жаром стремится он теперь стяжать его, усильно противясь злу и принуждая сердце к добру[18]. *Самопротивление и самопринуждение* – это два полюса одной его воодушевленной ревности. Недовольный собою, он не обращает внимания на то, что такая деятельность будет стоить ему великих трудов, что она непрестанно будет поражать скорбию и болезнию его сердце, не привыкшее к прекословиям, что он упадет, может быть, в мнении других, подвергнется их ненависти и преследованию, ибо воодушевлен *жаждою прекословить своему сердцу, умучить себя*, обесславить. Трудности не смущают его: он предан Божественной благодати и убежден, что скорбь внутренней брани вскоре сократится и для него еще здесь настанет блаженный мир души – состояние, когда он без всякого принуждения и напряжения будет желать добра и любить духовное. Вот внутреннее настроение вступающего в брань! Презрев всякое упование земное, с жаждою скорбей, трудов и прекословия себе, ревнует он о возвращении в себе любви ко всему доброму, воодушевляясь надеждою, что Господь наконец даст ему благодать чистоты и непринужденного, беспрекословного желания добра.

2. В каком состоянии душа у вступающего в брань человека, образовавшего в себе твердую решимость жить, как должно, и в каком отношении ее новое настроение к другим расположениям души? Потому ли, что дух, прежде так глубоко сокрытый под движениями души и даже тела, а теперь высвобожденный силою благодати из сей темницы, получив свободу действования и независимость жизни, передает сознанию свои высокие требования такою силою, что и произволение неуклонно подвигается к выполнению их, или потому, что сила благодати соприкасалась душе и проникала сознание и произволение так внутренно и глубоко, что оставила в них неизгладимые следы особенного духовного настроения, только в окончательно решившимся начать новую жизнь душа, как мы видели, ощущает совершенно новый порядок бытия и жизни и, полагая в нем все свое блаженство, пламенно желает войти в оный, чего бы это ни стоило... Она жаждет нового порядка, не жалея себя, готова все сделать для водворения его в себе, но между тем сама вся еще объята и как бы покрыта тем, что не только не способно соответствовать ее преднамерению, но даже положительно противоположно ему. Нет в ней ни одной силы, которая бы сочувство-

вала ей, нет ни одного движения, которое бы не восставало против нее; хотела бы мыслить по-новому, но ум не умеет соответствовать ее желанию, хотела бы услаждаться духовным, но сердце не имеет еще к тому вкуса; а там все количество страстей и обычных наклонностей поминутно готово вспыхнуть и своею адскою силою попалить росток новой жизни. Вообще решившийся все еще таков же, каков был и прежде, только у него коренное начало ново. Это все то же, как если кто примет лекарство и оно будет воспринято телом. Исцеление здесь начато в центре жизни, но ему остается еще проникнуть и до последних оконечностей, кои все еще остаются зараженными болезнию. Впрочем, по самому существу дела и по опытному уверению святых подвижников, здравое направление к духовному, истинно доброму и святому лежит уже в самом внутреннем основании души, а направление к чувственному, греховному – эта болезнь души – держится только уже в окрестностях ее, на ее как бы поверхности. Грех изгнан теперь из своих укреплений, занятых добром, и разрознен, рассеян в своих силах. "Благодать и грех не вместе сокрываются в уме, – говорит святой Диодох, – но до крещения (или до Таинства покаяния) благодать извне возбуждает душу к благому, сатана гнездится в глубине ее, стараясь заградить все правые исходы ума; с того же самого часа, в который возрождаемся, демон бывает вне, а благодать внутри". "Когда благодать не обитает в человеке, демоны, как змеи, гнездятся во глубине сердца, совсем не позволяя душе пожелать доброго; когда же в душу войдет благодать, то они, как мрачные какие облака, носятся по частям сердца, преобразуясь в греховные страсти или в различные развлечения, дабы затмить память, отвлечь ум от беседования с благодатию".

3. Из такого состояния решившегося сама собою вытекает существенная для него необходимость новых браней с собою или одной постоянной брани, имеющей продолжаться, хотя не с равною силою, до тех пор, пока ни в одной части его существа не останется заметных следов греховных движений. Он соделался двойственным. Члены его двойства существенно противоположны в своих исправлениях; и, однако ж, каждый из них для своего действования может употреблять только те же силы, какие и другой. Отсюда они необходимо должны встречаться между собою, один против другого напрягаться, один другого преодолевать, ибо каждый ищет власти исключительной, стремится к господству. *Плоть бо похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся* (Гал. 5, 17). Дух укрепился теперь в самом корне жизни человеческой, стал здесь твердою ногою, но ему предлежит еще великий труд прогнать врага своего из всех мест, где он может еще укрываться; с другой стороны, и грех, гордый, самонадеянный, пока есть в нем хотя слабейшее движение жизни, никогда не отчаивается в победе и во всякое время восстает и воюет. В минуту воодушевленной решимости благодатию возвышенный дух свободно носится в круге своей жизни и без всякого сопротивления все поражает, все изменяет, всему дает новый вид. Почему бы не держать его постоянно на такой высоте? Стрелы греха не досязают сюда: человек был бы свободен от брани, а вместе и от опасности поражения. Но благодать, устрояющая спасение грешника, большею частию сокращает свое действие на душу и поставляет ее обыкновеннее в свойственном ей круге. Так действует благодать в отношении к человеку, потому что сего требует его духовное преуспеяние. Поучительное отступление благодати испытывает произволение, научает смирению, возгревает большой жар. Вообще исправление человека должно быть делом не только благодати, но и свободы. Благодать в сем случае действует, если человек содействует. Возжелай (например, молитвы), напрягись к стяжанию добра – и получишь благодать беспрепятственного исполнения желаемого. Если бы совместен был с порядком нравственным

другой образ действования, то он, без сомнения, был бы избран благодатию. "Она, как искренняя мать, питает нас краткими отступлениями и частыми утешениями".

4. Итак, необходимо христианину и после решительной перемены воли бороться со грехом: а) чьею же силою будет совершаться сия борьба? б) в каком вооружении и в) по каким правилам?

а) Сила к ведению внутренней брани подается благодатию Святого Духа. Под ее влиянием или ее сокровенными мановениями воинствует душа, начавшая чрез нее новую духовную жизнь. Вся вообще Церковь стоит и воинствует под управлением Господа Иисуса Христа, но по Его же премудрому устроению Церкви дарован Дух Святой, который воссоединяет со Христом каждый член, образует его по-христиански и исполняет Христовою жизнию. Иисус Христос совершил домостроительство спасения нашего, а Святой Дух усвояет и прилагает сие спасение к нам, посредствует между Христом и нами, приводит нас к Нему и Его вселяет в нас. Если теперь на пути ко Христу нельзя не встретить искушений, нельзя не бороться, то чьею же, как не благодатною, силою будет совершаться сия борьба? О благодати сказано, что она с верным *стропотно ходит... в первых, боязнь же и страх наведет нань. И помучит его в наказании своем, дондеже веру иметь души его и искусит его во оправданиих своих, и паки возвратится прямо к нему и возвеселит его и открыет ему тайны своя* (Сир. 4, 18-20). То есть вся сумма испытательно-искусительных внутренних состояний христианина-воина непосредственно зависит от благодати. Участие ее во внутренней брани столь велико, что она не только вливает мужество к сопротивлению и сокровенно внушает способы одолеть врага, но определяет даже и время греховного восстания и его меру. В сем отношении благодать попускает греху восставать только тогда, как это нужно для руководимого ею, и попускает всегда столько, сколько это необходимо для него в тот или другой момент его образования и вообще сколько кто может понести. Главное, что требуется здесь со стороны человека, есть совершенная преданность Господу, непрестанное призывание помощи и детская покорность благовременным внушениям к добру, возникающим из сердца. Это одно могло бы заменить и все орудия, и все способы, и все правила брани; но по неопределенности и неустройству внутренних движений необходимо и видимое руководство, и укрепление. Воин Христов всегда найдет его в Святой Церкви, в лице пастырей, опытных в брани духовной, старцев-подвижников и в писаниях святых. Путы все уже пройдены и указаны. Испытуй, вразумляйся и стой бодренно, воин Христов!

б) Оружия, коими должен быть облечен воин Христов, выходящий на брань со грехом, с одной стороны, суть внутренние сокровенные чувства и расположения, не по временам только являющиеся, но постоянно пребывающие в сердце и составляющие его всегдашнее настроение. Основание их он выносит из первой победы, когда главные усилия и стремления его во время брани, увенчанные успехом, освящаются потом в Таинствах Святой Церкви и укрепляются благодатию в сердце, как награда за победу. Вследствие сего у него есть большая часть из тех орудий, в кои облекает воина Апостол Павел, или, лучше, они есть и все, но только в зародыше, в первом, так сказать, очертании. Так он уже *стоит:* наклонность к чувственному, многозаботливость, упование земное не бременят его; мысль, чувство и всю деятельность свою он направляет теперь к горнему, духовному, единому. Есть у него *броня*, сложенная если еще не из совершенной *правды*, то по крайней мере из благодатного основания всех праведных дел – ненависти ко греху и ревностного желания даже принуждать себя к добру. Есть *обувь* – это его готовность, не жалея себя, даже с жаждою страданий, идти путем правды, не возвращаясь, не останавливаясь и не уклоняясь. Есть *шлем* – это живое упование на помощь

благодати и несомненная надежда, что еще и здесь ему будет наконец легко желать и делать добро. Другие орудия, также существенно необходимые для успеха в духовной брани, он должен еще приобрести и большею частию отнять у врагов с помощию тех орудий, какие есть. Так, он должен *опоясать* чресла помышлений – стяжать немечтательный ум и способность судить не по видимостям, а между тем его ум каждую минуту порывается к развлечению, а чувства или, лучше, прежний взгляд на вещи, сильно преграждают путь к уразумению того, что значат вещи сами по себе. Только напряженным противлением себе и долгим терпеливым опытом может он стяжать себе препоясание помышлений. Он должен иметь *щит веры* – полную совокупность нравственных убеждений (догматические убеждения составляют веру, которая действует по преимуществу в первой общей брани) и особенно противоубеждений. Каждая страсть, каждая наклонность в основании своем имеет известное убеждение, которое прикрывает их от взора совести и холодного размышления или, лучше, которым сердце усыпляет совесть и обманывает рассудок. Например, в основании гнева всегда лежит мысль, что другой намеренно досаждает нам, в основании тщеславия – что все заняты нами, гордости – что мы лучше всех, и прочее. Такие убеждения лежат глубоко в сердце и составляют его сокровеннейшие чувства. Пока они есть в сердце, до тех пор нельзя быть свободным от страстей и наклонностей, нельзя побеждать их: надобно связать их, преградить им исход из сердца, совсем искоренить их. А этого иначе нельзя достигнуть как противоубеждениями и противочувствиями. Так, для укрощения гнева и оскорблений надобно возродить убеждение: сам во всем виновен, ты стоишь всякого презрения и поношения; против тщеславия: никто на тебя не смотрит; против гордости: нет твари презреннее, тебя и прочее. Такие убеждения и чувства действительно суть самый крепкий щит, который стоит только противопоставить возникающей страсти, и она утихнет, ибо потеряет опору в сердце. Основание сих убеждений положено и прежде – в желании и некотором предначатке способности доходить до убеждений в духовном; но раскрытие их в таком виде, с таким частным применением принадлежит особенному труду – внимательному чтению описания чужих опытов и строгому наблюдению над собою. Особенную силу получают сии убеждения, когда сражающийся имеет для них готовое основание из Священного Писания. Слова Божии, запрещающие или повелевающие что, имеют чрезвычайно сильное влияние на душу, работающую Господу. По существенной, сокрытой в них силе и по некоему сродству с внутренним настроением души они приводят ее в особенное состояние воодушевления, изъемлющего сердце из обыкновенной связи с предметами. В этом отношении слово Божие действительно есть *меч*, пресекающий всякое ощущение между сражающимся и тем, что вооружается против него, отделяющий его от всего и уединяющий. Кто имеет сей меч, тот или совсем не подпустит к себе врагов, или с первого раза поразит их во главу, если кто дерзнет приблизиться. Но и сей меч надобно стяжать: ибо грешник прежде не знал, даже не хотел знать слова Божия, а, решившись поправиться, он возымел только охоту или даже только намерение изучать его, положил только основание, на котором с терпением надобно еще назидать. Есть в нем твердое основание и последнему орудию – *молитве* в его искренней преданности Богу Спасителю и водительству благодати, надежде на Бога и безнадежности на себя; но держать себя в постоянно молитвенном расположении духа – это требует великих трудов и сильного напряжения мыслей и чувства. Для возгревания духа молитвенного, равно как для укрепления в сердце всех духовных орудий, нет лучше способа, как участие во всех церковных богослужениях и молитвованиях, говение, исповедь и причащение Святых

Таин, общение с единодушными ревнителями спасения; в чтении, беседах, взаимной молитве друг о друге. Все сие в совокупности есть как бы атмосфера, которой дышать и зреть свойственно благодатному, потаенному человеку сердца. Вот всеоружие для воина Христова! Облеченный в него, он во внутреннем своем настроении таков: отрекшись от всего земного и обрекши себя на все возможные скорби и страдания, с гневом на всякий грех вступает он на путь правды, горя ревностию поражать всякое греховное восстание известными убеждениями, словом Божиим и молитвою, пребывая непрестанно под всеми освятительными учреждениями Святой Церкви, блюдя со всем тщанием за всем входящим в сердце и выходящим из него и всегда одушевляясь в сем многотрудном деле упованием на помощь Божию и надеждою на скорое избавление от сильных волнений греха. Такое изображение снято с воина, вооруженного Апостолом Павлом против *духов злобы* (Еф. 6, 12): ибо так как *духи злобы* не могут иначе действовать на нас, как чрез грех, живущий в нас, а с другой стороны, и мы не можем иначе противодействовать им, как противодействуя движениям сего греха, то, указывая орудия против *духов злобы*, Апостол не иное что делал, как предписывал орудия против живущего в нас греха (см.: Еф. 6, 12-18).

в) Облаченный в такое всеоружие, воин Христов вступает в борьбу со всяким врагом в полной надежде не сам собою, а благодатию Божиею одержать победу и поразить врага. Это, впрочем, не делает излишними известные правила благоразумия, составляющие его воинское искусство, из коих одни способствуют к предупреждению нападений, другие – к легчайшему и успешнейшему окончанию брани, третьи – к прочнейшему утверждению за собою плодов победы или к скорейшему истреблению следствий поражения и кои потому естественно разделяются на три класса: а) на правила, кои надобно наблюдать прежде брани, b) во время самой брани и с) после оной.

а) Прежде брани воин должен так действовать, чтобы деятельностию своею или предотвратить нападения, или дать себе возможность замечать их в самом начале, или даже предуготовить победу. Посему первее всего он должен *стеснить область греховных движений*, свести их в одно место: ибо таким образом ему не только будет легче замечать возмущения, но и виднее, куда направлять свои силы. Внешний очерк области греховной вообще таков: утвердившись в центре жизни – сердце, грех проникает душу и тело по всем их отправлениям, проходит потом во все внешние отношения человека и набрасывает наконец свой покров на все окружающее его. Теперь, и изгнанный из глубины сердца, он все еще витает в окрестностях его, все еще питается тем, чем питался прежде; лица, вещи, случаи легко могут возбуждать те же мысли и чувства, какие соединял с ними человек, когда работал греху. Благоразумный воин должен теперь преградить это внешнее продовольствие врага (подкрепление. – *Ред.*). А для сего ему необходимо: 1) перестроить все свое внешнее поведение: всему в нем дать новый вид, новые побуждения, новое время и прочее по духу новой жизни; 2) распределить время свое так, чтобы не оставалось ни одного часа без должного занятия; промежутки, свободные от необходимых занятий, должны быть наполняемы не чем-нибудь, но занятиями, способствующими умерщвлению греха и укреплению духа; сколько в сем отношении полезны некоторые телесные подвиги, противоположные замеченным наклонностям, это может испытать всякий; 3) связать свои чувства, особенно глаза, слух и язык, легчайшие проводники греха из сердца вовне и извне в сердце; 4) всему вообще, с чем необходимо встречаться: вещам, лицам, случаям, – дать духовное знаменование и особенно место постоянного своего пребывания исполнить вещами, поразительнейшими для души, чтобы таким образом, живя во внешнем, человек жил как бы в некоем Божественном училище. Вообще всю

свою внешность должно так устроить, чтобы она, с одной стороны, не требовала уже особенного внимания и избавляла нас от всякой о себе заботы, с другой – не только делала нас безопасными от нечаянных восстаний греха, но и питала и укрепляла возникающую новую жизнь по духу. При таком порядке грех будет совершенно огражден совне, не будет уже получать отсюда себе пищи и подкрепления.

Ежели теперь со внутренней стороны человек употребит все усилие к тому, чтобы сохранить себя, как есть, в таком виде, как вышел из первой победы, то есть если будет постоянно возгревать те чувства и расположения, какие возродились в нем тогда, то грех этим оградится и изнутри и останется здесь уже навсегда без опоры и твердости. Грех же, лишенный таким образом и пищи, и опоры, если не уничтожится вдруг, то по крайней мере должен слабеть более и более до совершенного истощения. После сего брань со грехом очевидно сократится и вся сосредоточится в брань с помыслами (кои особенно будут клониться к расстроению нового порядка), редко со страстями и наклонностями, где остается только *тщательно блюсти*... Именно два бдительных стража должен иметь постоянно воин Христов: *трезвение и благорассмотрение*. Первый обращен внутрь, а последний вовне; тот наблюдает за движениями, выходящими из самого сердца, а сей предугадывает движения, имеющие возникнуть в нем по внешнему влиянию; закон для первого: после того как памятию о Божием присутствии изгнано из души всякое помышление, стань у дверей сердца и тщательно блюди за всем входящим в него и выходящим из него, особенно же не давай предупреждать действий чувству и желанию, ибо отсюда все зло; закон для второго: с началом каждого дня сядь и расчисли все возможные встречи и случаи, все возможные чувства и движения, какие могут произойти по их поводу, и предварительно заготовь в себе должный против того оплот, чтобы не смутиться и не пасть при нечаянном нападении. Для того, впрочем, чтобы успешнее действовать при самом нападении, полезно предварительно устроять намеренную мысленную брань, мысленно поставлять себя в те или другие обстоятельства, с теми или другими чувствами, при тех или других желаниях и здесь изобретать разные способы, как удержать себя в должных границах, и наблюдать, что особенно помогло нам в том, что – в другом случае. Такое предварительное упражнение и образует воинственный дух и приучает без робости встречать врага и без больших трудов побеждать его как бы по опытно узнанным приемам. Сверх того: прежде, нежели приступим к сражению, должны предварительно узнать, когда действовать наступательно, когда оборонительно и когда отступательно. Кроме того, [надо знать,] что употребление того или другого способа брани соответствует степеням духовного возрастания (сначала лучше всего отступать, то есть укрываться под кров Господа, не противодействуя; далее, когда опытно уже узнаем врагов и изучим их нападения, не теряя времени, можно отражать их; но намеренно давать свободу возбуждаться в себе страстям или поставлять себя в такие обстоятельства, где они должны действовать во всей силе, с тем чтобы иметь случай к брани и победе, не должно), [что] есть особенные порочные возбуждения, кои можно побеждать исключительно только тем или другим способом. (Помыслы непременно надобно прогонять, но не всегда возможно это сделать с наклонностями и страстями, особенно телесными.) В том и другом случае можно потерять победу по одному неведению. Наконец, никогда не должно выходить на брань без главной побеждающей мысли: это как бы победоносное знамя. Как прежде она решила дело между добром и злом в пользу первого, так и теперь во время брани с каждым, в частности греховным, движением души она без затруднения соделает нас победителями. С появлением ее должны рассеиваться все полчища врагов – все по-

рочные помыслы и желания. Она имеет силу воодушевлять и возносить человека над собою; потому надобно как можно чаще приводить ее в сознание и доводить до чувства – утвердить навсегда на мысленной тверди сие светило, прогоняющее мрак. Ничто не может сильнее возгревать рвения к истреблению греха, как эта мысль – рвения – сего быстрого потока живой воды, который, волнуясь, но не возмущаясь, делает незаметными все волны от ввержения камней искушений.

b) С такими предосторожностями и правилами иди, воин Христов, с упованием на брань. Впрочем, и во время самой брани тебе должно действовать по известным правилам, чтобы не уподобиться в обороне беспорядочно нападающим врагам. Часто один порядок действования без особенного напряжения может увенчать тебя успехом. Заметив приближение врага – начинающееся возбуждение или помысла, или страсти, или наклонности, первее всего спеши сознать, что это враг. Великая ошибка, и ошибка всеобщая, почитать все возникающее в нас кровною собственностию, за которую должно стоять как за себя. Все греховное есть пришлое к нам; потому его всегда должно отделять от себя, иначе мы будем иметь изменника в себе самих. Кто хочет вести брань с собою, тот должен разделить себя на себя и на врага, кроющегося в нем. Отделив от себя известное порочное движение и осознав его врагом, передай потом сие сознание и чувству, возроди в сердце неприязнь к нему. Это самое спасительное средство к прогнанию греха. Всякое греховное движение держится в душе чрез ощущение некоторой приятности от него; потому, когда возбуждена неприязнь к нему, оно, лишаясь всякой опоры, само собою исчезает. Впрочем, это не всегда легко и не всегда возможно: легко поражать гневом помыслы, труднее – желания, но еще труднее – страсти, ибо сии сами суть сердечные движения. Когда это не помогает и враг не уступает, таким образом, победы без сражения, мужественно, но без самовозношения и самонадеянности вступай в борьбу: робость приводит душу в смятение – в некоторую подвижность и расслабление, а неутвержденная в себе, она легко может пасть; самонадеянность и самомнение – сами враги, с коими должно бороться; кто попустил их, тот уже пал и еще предрасположил себя к новым падениям, потому что они поставляют человека в бездейственность и оплошность. Началась брань – храни преимущественно сердце: не давай доходить возникающим движениям до чувства, встречай их у самого входа в душу и старайся поразить здесь. А для сего спеши восставить в душе убеждения, противоположные тем, на коих держится смущающий помысл. Такие противоубеждения суть в мысленной брани не только щит, но и стрелы: защищают сердце твое и поражают врага в самое сердце. С сих пор в том и будет состоять брань, что возникающий грех будет постоянно ограждаться мыслями и представлениями, защищающими его, борющийся будет с своей стороны уничтожать сии оплоты мыслями и представлениями противоположными. Время продолжения ее зависит от многоразличных обстоятельств, кои определить совершенно невозможно. Не должно только ослабевать и сколько-нибудь, даже в мысли, склоняться на сторону врага, и победа несомненна: ибо греховное движение, как мы заметили прежде, не имеет в нас твердой опоры и потому естественно должно скоро прекратиться. Если и после сего, добросовестного впрочем, действования в защиту себя враг все еще стоит в душе, как привидение, и не хочет уступить места, то это явный знак, что он поддерживается стороннею силою; посему и тебе должно обратиться к сторонней земной или небесной помощи: открыться своему Наставнику и в усердной молитве призывать Господа, всех святых и особенно Ангела Хранителя. Преданность Богу никогда не оставалась постыженною. Надобно, впрочем, заметить, что 1) иное дело брань с помыслами, иное – со страстями, иное – с желаниями; и помысл от по-

мысла, и желание от желания, и страсть от страсти разнятся (во всем этом должно употреблять особые приемы, кои предварительно должно определить или чрез размышление, или из подвижнических опытов и наставлений); 2) не всегда должно строго браться за сопротивление: иногда одно презрение прогоняет врага, а сопротивление только размножает его и раздражает; 3) врага должно преследовать до тех пор, пока и следов его не останется, иначе даже простой помысл, оставленный в сердце, как злое семя, принесет свой плод в неприметном склонении к себе души; 4) во время самой брани не должно предпринимать средств к будущему предотвращению ее.

с) Брань кончена: благодари Господа за избавление от поражения; но не предавайся чрез меру радости спасения, не попускай беспечности, не ослабляй ревности: враг часто притворяется только побежденным, чтобы, когда ты предашься чувству безопасности, нечаянным нападением тем легче поразить тебя. Потому не снимай бранных оружий и не забывай предохранительных правил. Будь всегда бодрым и бдительным воином. Сядь лучше и расчисли добычу: осмотри весь ход брани – ее начало, продолжение и конец, заметь, что подало повод к ней, что особенно усиливало и что положило ей конец. Это будет своего рода дань с побежденных, которая чрезвычайно облегчит будущие победы над ними: так стяжавается наконец духовная мудрость и опытность подвижническая. Не говори никому о победе – это сильно раздражает врага, а тебя обессилит. Тщеславие, которого при сем избежать нельзя, отворит двери душевного укрепления, и после победы над одним врагом должно будет сражаться с целою их толпою. Если же и поражен будешь, 1) сокрушайся, но не бегай от Бога, не упорствуй, спеши умягчить сердце и довести его до раскаяния. Нельзя не падать, но можно и должно, упавши, восставать. Бегущий спешно, если и споткнется на что, спешно встает и опять устремляется по пути к цели: подражай ему. Господь наш подобен матери, которая ведет дитя за руку и не покидает его, хотя бы оно очень часто спотыкалось и падало; 2) лучше вместо бездейственного уныния ободрись к новым подвигам, извлекши из настоящего падения урок смирения и осмотрительности, чтобы не ходить там, где скользко и где нельзя не упадать; 3) если не изгладишь греха искренним раскаянием, то, получив некоторую в тебе крепость, он неминуемо повлечет тебя вниз, на дно греховного моря. Грех возобладает тобою, и тебе опять нужно будет начинать с первой брани, но, Бог знает, возможно ли это. Может быть, предавшись теперь греху, ты перейдешь черту обращения; может быть, после не найдется уже ни одной истины, которая бы могла поразить твое сердце; может быть, даже тебе не будет дарована и благодать. Тогда еще здесь ты будешь принадлежать к числу осужденных на вечное мучение.

Вообще о правилах брани надобно заметить, что они в существе своем суть не что иное, как приложение всеоружия к частным случаям, и потому их всех изобразить нельзя. Дело внутренней брани и непостижимо, и сокровенно; случаи к ней чрезвычайно разнообразны, лица воюющие слишком различны: что для одного соблазн, то для другого ничего не значит; что одного поражает, к тому другой совершенно равнодушен. Потому одного для всех постановить решительно невозможно. Лучший изобретатель правил брани – каждое лицо само для себя. Опыт всему научает. Надобно только иметь ревностное желание побеждать себя. Первые подвижники не учились из книг и, однако ж, представляют в себе образцы победителей. Притом не должно слишком полагаться на сии правила. Они представляют только внешнее очертание. То, что составляет существо дела, каждый узнает только из опыта, когда станет сражаться самим делом. И в этом деле руководителями ему остаются только собственное благоразумие и предание себя Богу. Внутренний ход христианской жизни в каж-

дом лице приводит на мысль древние подземные ходы, чрезвычайно замысловатые и сокровенные. Вступая в них, испытуемый получает несколько наставлений в общих чертах: там сделать то, там – другое, здесь – по такой-то примете, а здесь – по такой-то; и потом оставляется один среди мрака, иногда со слабым светом лампады. Все дело у него зависит от присутствия духа, благоразумия и осмотрительности и от невидимого руководства. Подобная же сокровенность и во внутренней христианской жизни. Здесь всякий идет один, хотя был окружен множеством наставников и снабжен множеством правил. Только чувства сердца обученные и особенно внушения благодати для него – всегдашние необманчивые и неотлучные руководители в брани с собою, все прочее оставляет его.

В заключение укажем кратко: а) конец брани, б) ее плоды, в) внешний ход и г) продолжение.

а) Чего ищет каждый из борющихся? Это есть смерть противника. Между ними невозможно никакое примирение. Они оба, не терпя совместничества, ищут полного единовластительства. В душе наконец или воссияет свет добра, или помрачит ее тьма греховная.

б) Плоды сей духовной брани многоразнообразны. Главнейшие из них – крепость духовная, духовная мудрость не только в отношении к брани, но и вообще к внутренней жизни, чистота сердца: ибо наконец грех так умаляется в нем, что делается почти незаметным. Вообще когда после более или менее долгой брани с собою грех приметно слабеет, то христианин во всем существе своем бывает тогда не то уже, что был прежде: он восходит на степень освященных: ничто не препятствует благодати раскрыться теперь в нем в возможной мере.

в) Еще с первого раза брань обращена вообще против всего греховного в человеке, но с продолжением времени грех естественно слабеет и сокращается в объеме, а вместе сокращается и поле брани. Вид греха в нас есть вид многоветвистого дерева. Чрез борьбу постепенно отсекается у него то та, то другая ветвь. Нельзя решительно сказать, какая ветвь прежде отпадет, какая – после, ибо здесь очень много значит естественное настроение и прежнее состояние борющегося во грехе. Можно, впрочем, думать, что это отпадение восходит от грубейшего и очевиднейшего к тончайшему и сокровеннейшему. Сначала теряет силу плоть, потом – вообще привязанность к видимому, далее – наклонности и страсти; долее всех держатся коренные возбуждения и чувства греховного сердца. И они-то составляют камни преткновения для оставляющих бдительность даже на высших степенях духовного совершенства. Впрочем, такая постепенность в сокращении объема и ослаблении напряжения брани имеет место только в общем ее ходе. Что касается до частных битв, то хотя в количестве и они последуют тому же закону, но в силе своей совершенно независимы от него. В сем отношении очень много значат состояния человека *естественные* (иногда он бывает мрачен, иногда весел, иногда чрезвычайно благ, а иногда даже и человеконенавистен) и состояния духовного *возрастания* (сухость, жар ревности, охлаждение сердца и прочее). Каждое из сих состояний само по себе или умаляет силу греха, или дает ему больший простор; потому и восстание греховное в одном случае бывает сильнее, а в другом – слабее, а вместе с тем затрудняется или облегчается и самая брань. Так как сии состояния не подлежат закону постепенности, то исключают из этого закона и силу восстаний греховных.

г) Кончится ли когда сия брань здесь? Вопрос этот всякий пусть решает своим опытом. Вообще можно только положить: борись в надежде, что сия брань соделается для тебя наконец очень легкою, что из непрерывной она сделается перемежающеюся и что промежутки сии все будут увеличиваться и увеличиваться; но настанет ли на земле для тебя время, когда ты будешь совершенно свободен от возмущений гре-

ха, это решишь, когда будешь свободен на самом деле. Макарий Великий во многих местах своих Слов и Бесед[19] советует мужественно вступать в брань с восстаниями греховными в полной уверенности, что Господь, видя тщание наше, даст наконец нам благодать беспрепятственного желания добра и душевного мира; но, стяжав сей мир, никогда не должно думать, что мы уже свободны от нападений и падений. Душа, преданная греху, вся мрачна. Пусть чрез долгий труд она успела освятить две свои части – другие части остаются еще неосвященными. Надобно беречься: сия тьма легко может покрыть опять всю душу[20]. Мутная вода отстоялась и кажется чистою: взволнуется вода, и оседшая на дно нечистота опять разойдется по всей воде. Греховные движения прогоняются напряжением в какую-то неведомую область души и всегда готовы возникнуть и покрыть ее. "Лжет, – говорит Макарий Великий, – сказуяй сердце себе имети чисто: ибо никогда сего не бывает в самой вещи, дабы кто по приятии благодати абие чист стал; предается бо врагам и различным искушениям в наказание и научение. Самые первые и великие люди так суть пред совершенством, как слуга пред господином или как поток пред Евфратом рекою"[21]. Вообще мысль о совершенном окончании брани психологически неверна, а нравственно столько вредна, что ежели бы даже и была справедливою, то со всем тщанием надлежало бы скрывать ее и от себя, и от других по причине опаснейших обольщений, неизбежных при ней.

Что же остается делать каждому христианину? *Возмогать в Господе и в державе крепости Его* (Еф. 6, 10); *восприять вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют* (ст. 13); мужаться, крепиться, стоять, ибо только *претерпевый до конца спасен будет* (Мк. 13, 13) и *только побеждающему даст Господь сести с Собою на престоле Своем* (см.: Апок. 3, 21).

Ссылки и примечания

[1]Макарий Великий. Беседа о поврежденном и обновленном состоянии человека, § 4.

[2]Там же, § 1-2.

[3]Макарий Великий. Слово о терпении и различении вещей, гл. 18.

[4]Там же, гл. 5.

[5]Макарий Великий. Слово о возвышении ума, гл. 20.

[6]Макарий Великий. О хранении сердца, гл. 1.

[7]Макарий Великий. Слово 5, гл. 5.

[8]Макарий Великий. Слово 6, гл. 16.

[9]Макарий Великий. Слово о хранении сердца, гл. 13.

[10]Там же, гл. 13.

[11]Иисус Христос указывает на них, когда приглашает идти в след Себя со крестом, из борьбы с ними и составляется внутренний крест. (См. Мк. 8, 34-38).

[12]Тихон Воронежский. Наставление 1-е для монашества.

[13]Макарий Великий. О терпении и различении вещей, гл. 19.

[14]Макарий Великий. Слово 5, гл. 9.

[15]Диодох. О ведении и духовном различении. § 69.

[16]Там же, § 90.

[17]Макарий Великий. Слово 6, гл. 9, 10.

[18]См.: Макарий Великий. Слово о хранении сердца, гл. 13.

[19]Напр.: Макарий Великий. Слово 1, гл. 12, 13.

[20]Макарий Великий. Слово 6, гл. 31.

[21]Макарий Великий. Слово 1, гл. 12. Слово 5, гл. 14.

Обрядовая сторона праздника Крещения Господня в Древней Руси

На заре христианства в Древней Руси праздник Крещения Господня был назван Богоявлением, "праздником светов", так как в этот день просвещали Святым Крещением оглашенных. В Первенствующей Церкви освящение воды, по свидетельству святителя Иоанна Златоуста, совершалось в полночь накануне Богоявления. Чин освящения воды совершался не дважды, как это делается сейчас, а один раз, только в канун праздника, а в самый день Богоявления освящение воды не совершалось.

Можно предположить, что в первый период существования христианства на Руси Великое освящение воды в Русской Церкви также совершалось только в канун праздника Крещения. Это предположение можно подтвердить тем, что у нас на Руси до XIV века господствовал Студийский устав, который предписывает освящение воды только один раз. Косвенное доказательство этого мы находим в записках игумена Даниила – русского паломника XII века, в которых описывается порядок освящения воды на Иордане. В них подчеркивается, что в Иерусалимской Церкви чин освящения воды совершался один раз в полночь на Крещение. Следовательно, такой же порядок освящения воды был и у нас. Вероятно, двукратное освящение воды в Русской Церкви началось не ранее второй половины XIII века, когда Иерусалимский устав вытеснил из употребления устав Студийский. С этого времени в практику Иерусалимской и Греческой Церквей входит обычай освящать воду дважды: в навечерие праздника в храмах, а в самый день Крещения – на реках и источниках. Патриарх Никон отменил двукратное освящение воды, мотивируя это тем, что в начале принятия христианства на Руси воду освящали один раз. Однако это решение Патриарха Никона было отменено на Соборе 1667 года.

В Русской Церкви водоосвящение как в навечерие Богоявления, так и в день праздника совершалось с большой торжественностью и сопровождалось всенародным ликованием. Обрядовая сторона этого праздника на Руси приобретает сугубо национальный характер. В этот день всенародного торжества весь народ от мала до велика шел на "Иордан", то есть на реки и озера, и, несмотря на сильные морозы и глубокие снега, совершался обряд водоосвящения. Это духовное торжество укрепляло веру Христову в сердцах людей, давало им пищу для богомыслия. Уже в XVI и XVII веках появились точные сведения о празднествах Крещения Господня, происходивших главным образом в Москве.

Торжественное предпразднество начиналось накануне Богоявления. В этот день читались Царские часы, соединенные с литургией и вечерней, после чего совершалось водоосвящение. Если за богослужением присутствовал царь, то Царские часы служились в Успенском соборе самим Патриархом. Часы обычно читал протопоп собора, а произносил возгласы и читал Евангелие первенствующий епископ. После отпуста часов провозглашалось многолетие Государю и его семейству, после чего Патриарх произносил поздравительную речь с пожеланием мирного жития и благополучия и осенял всех крестом. В ответном слове Государь поздравлял Патриарха и всех присутствовавших с праздником и, получив благословение, уходил в свои покои.

Вечерня всегда совершалась в Успенском соборе, присутствие на ней царя и Патриарха было обязательным. Следует отметить, что во время чтения паремий псаломщики ставили к бакам с водой два стола: один для сосудов с водой и других священных предметов, другой – для мощей. На аналое перед ними поставлялась праздничная икона. Зажженные свечи царю и вельможам вручал сам Патриарх. Во время освящения воды Патриарх, стоя лицом к востоку, погружал в воду крест, обращенный Распятием также на восток. По освящении воды Патриарх трижды "причащался" ею, а затем столько же раз давал испить царю, вельможам и всем людям. Эту святыню все принимали не только натощак, но даже и до вкушения антидора. По окончании водопричастия и отпуста совершалось омовение чудотворных икон и окропление мощей святой водой. Затем возглашалось многолетие государю, произносилось поздравление, и этим заканчивалось богослужение крещенского навечерия.

Надо сказать, что в Восточной Церкви богослужение навечерия Богоявления особенным торжеством не отличалось. Арсений Суханов, посетивший Иерусалим и присутствовавший за вечерним богослужением 5 января, пишет: "Воду (Патриарх) святил в мантии и в епитрахили и в омофоре точию. И прежде крест и потом кропил (святой водой), и ту руку целуют, что под кропилом. А кто хочет пить, и тот почерпнет сосудом и пьет сам, а не так, как у нас – "причащают".

Богослужение в сам праздник Крещения на Руси проходило более торжественно, чем в канун праздника. Особенно впечатляющим был крестный ход на Москву-реку. Он совершался при большом стечении народа, при участии царя и вельмож. В 12 часов дня царь выходил из дворца при громком звоне всех Ивановских колоколов и направлялся в Успенский собор, где он, приложившись к иконам и поприветствовавшись с Патриархом, возлагал на себя "полный царский сан", или "большой царский наряд". Божественная литургия совершалась Патриархом. Крестный ход на реку совершался до литургии или после нее. Патриарх с крестным ходом выходил из собора западными воротами, а царь с вельможами – южными. В крестном ходе участвовало от 500 до 650 духовных лиц – священников и диаконов. Число людей, собиравшихся на это торжество не из одной только Москвы, а со всей Руси, исчислялось сотнями тысяч.

На реке, на месте водосвятия, устанавливался богато украшенный шатер для царя и балдахин для Патриарха. Здесь же вырубалась обращенная к востоку крестообразная "Иордань". Шествие к месту водосвятия предваряли стрельцы с оружием общей численностью от 400 до 600 человек. За ними следовало духовенство, начиная с младших; завершалось шествие священства Патриархом. Затем следовало "государево шествие". Впереди шли военные чиновники, за ними – дворяне, стряпчие и стольники в золотых кафтанах, за которыми шла "стряпня царская" из 12 человек. Они несли одежду государеву, в которую он переодевался на "Иордани". Царь во время крестного хода был в царском венце, с крестом на груди, с посохом в руке, украшенным золотом и драгоценными камнями. Затем шли иностранные гости, приказные и народ. Все шествие охраняли стрельцы. Позади всех ехал кучер на лошади, запряженной в большие нарядные сани, которые предназначались для Государя.

Достигнув "Иордани", шествие останавливалось и размещалось на льду реки в строгом порядке. Непосредственно у проруби находились духовенство, царь со своими приближенными и воины. Остальные участники торжества пестрыми толпами заполняли окрестные берега Москвы-реки. И вот наконец наступает долгожданный час Великого освящения воды. Далеко разносятся в морозном воздухе возгласы и стройное пение духовенства. Все, от царя до простолюдина, стоят без головных уборов, несмотря на лютый мороз и любую непогоду. По окончании "Великой Агиасмы" окропляются водой царские знамена, после чего Патриарх, почерпнув воды серебряным ведром, отсылает ее "наверх" для окропления икон.

Причащается святыни Патриарх, а затем и сам царь. При целовании креста Первосвятитель окропляет водой царя и его приближенных. Все с верой и благоговением омывают глаза и лицо "иорданской" водой. В это время морозный воздух наполняется громом барабанов, грохотом орудий, звоном колоколов московских и кремлевских церквей; слышны ликующие крики людей – русский народ возносит благодарение Богу. По окончании торжества крестный ход в прежнем порядке возвращался в Успенский собор. На протяжении всего пути Патриарх кропил народ святой водой. Праздник обычно продолжался весь день, так что обедать садились при свечах. Надо отметить, что великолепие праздничного дня особенно удивляло иностранцев, о чем свидетельствуют их многочисленные воспоминания. Крещенские торжества, только в более скромном виде, происходили по всей Русской земле.

Как совершался праздник Крещения в Иерусалимской Церкви? Очевидец событий Арсений Суханов отмечает, что чин водоосвящения совершался очень скромно. После заамвонной молитвы, "вышед (Патриарх) собором, святил воду в коливифре (сосуде. – *Ред.*) освящением богоявленским и, соверша, отошел на свое место. Народу давал крест и кропил. Из купели имали воду сами, кто хочет, и пили, а Патриарх не причащает, якоже у нас чин. Епископы же и прочие священники причащаются просто, не облачаючись, якоже у нас чин, облачаясь причащаются".

В древнерусском чине водоосвящения XIII века встречаются любопытные особенности, возникшие, очевидно, под влиянием народного творчества, стремившегося сделать великий праздник как можно торжественнее. Например, некоторые священники для освящения воды связывали несколько крестов вместе и погружали их в воду. Эти кресты затем находились в церкви в течение недели, их выносили во время Великого входа на литургии. Такой обряд с одними и теми же крестами совершался в праздник Крещения не один год, а три или четыре. После чего считалось, что кресты получали особенную святость, которую сообщали им именно связывание и обнесение на литургии. Нет никаких данных для объяснения этого странного обряда. Этот древнерусский обычай не соответствовал восточному обряду, вследствие чего он впоследствии был осужден церковной властью. Но, несмотря на это, погружение связанных крестов в чине освящения воды сохранялось еще долгое время. "Неции от неведения или от неразумия, – говорится в Стоглаве, – совокупляют многие кресты, иконы с мощами и теми крестят", то есть освящают воду. Собор запретил такой обряд, предписав совершать водосвятие только одним крестом, и притом в три погружения. Относительно остальных крестов, икон и мощей Собор вынес решение: держать их при освящении воды на блюде архидиакону или диакону.

Примерно в то же время существовал и другой обычай освящать воду – горящей трехсоставной свечой. Появление его относится к XVI веку. На Руси этот обычай возник вопреки древним восточным уставам, согласно которым полагается благословлять воду рукою священника, и притом ранее погружения креста. Обряд погружения зажженной трехсоставной свечи был распространен по всей Руси, причем не только среди простого духовенства, но и среди высшей церковной иерархии. К большому сожалению, этот обычай имеет место и доныне в храмах Западной Украины, хотя Собор 1667 года запретил его, как "бесчинный, противный преданию и уставу Восточной Церкви". По-видимому, в связи с этим обрядом и явилась прибавка к совершительным словам молитвы в навечерие Богоявления: *освяти воду сию Духом Твоим святым и огнем*. Эту приписку при Патриархе Филарете справщики книг во главе с преподобным Дионисием устранили, за что были обвинены невежественными людьми в ереси и отправлены в ссылку. И только благодаря вмешательству восточных Патриархов они были освобождены от незаслуженного наказания.

Все эти обычаи, по-видимому, возникали в народе на основе церковного торжества "Водокрещей". В это торжество было вложено немало наивной веры, поэзии и даже своеобразного подвижничества. На праздник Крещения многие люди, например, до церковного водосвятия отправлялись на реку, где вырубали на льду крестообразную прорубь, считая, что этим действием вода уже освятилась. Этот обычай носил неправославный характер и подрывал собой авторитет Церкви, а также искажал древневосточный чин праздника Крещения. В народе также глубоко укоренилось верование в то, что якобы на этот праздник открывается небо и в самую полночь колеблется вода и превращается в вино. Считалось также, что Бог в этот момент не только принимает молящихся, но и исполняет все их просьбы.

Русский народ имел глубокую веру в святость крещенской воды. Поэтому в соответствии с традицией Иерусалимской Церкви люди купались в проруби, несмотря на крещенский мороз. Паломники Древней Руси совершали путешествия в Иерусалим не только для того, чтобы посетить святые места, но и чтобы "во Ердань реки окупатися". "В самый праздник водокрещения, – пишет игумен Даниил, – был на Иордане с всею дружиною моею, и видехом благодать Божию, приходящую на воду иерданьскую, и множество народа безчисленно тогда приходят к воде со свещами; и всю ту нощь бывает пение изрядно и свещь без числа горящь. В полунощи же бывает крещение воде; тогда бо Дух Святый исходит с небес на воды иерданьския. Человеки же достойнии добре видят, како всходит Дух Святый, и вси народи не видят, но токмо всякому человеку радость бывает тогда в сердце. Да егда погрузят священницы крест честный и егда рекут "в Иердане крещающу Ти ся Господи", – и тогда вси людие вскачют в Иердани, крещающеся в Иерданьстей реце, якоже бо Христос в полунощи крестился от Иоанна".

Имея глубочайшую веру в святость богоявленской воды и в то, что посредством купания в ней можно избавиться от болезней и грехов, православные люди безбоязненно совершали этот подвиг. Павел Иовий (XVI век), присутствовавший при водоосвящении, свидетельствует, что "по окончании церемонии недужные и больные бросаются в реку, быв уверены, что священная вода омоет нечистоту болезни". Путешественник Герберштейн в своих записках уверяет, что на Крещение купались не только безнадежные больные, которых в воду погружали другие, но и матери купали в ней своих младенцев и "сейчас же вытаскивали".

Диакон Павел Алеппский (XVII век) свидетельствует, что был также обычай делать во льду не одно, а много отверстий, в которых "священники тотчас же крестят".

Русские люди глубоко верили в то, что крещенская вода имеет не только целительное, но и очистительное действие. Особую нужду в таком омовении имели те, кто, по народным понятиям, смертно согрешил участием в языческих торжествах в дни Рождественских святок: гаданием, ряжением и другими бесчинствами. Совершившие эти грехи, по народному поверью, должны снова креститься в крещенской "Иордани".

Надо отметить, что на Руси многие языческие обряды исполнялись актерами. Этих актеров называли еще "скоморохами" и даже "халдеями". Вот эти люди и должны были креститься в "Иордани" после своих представлений. К халдеям также относились "беспутные" люди, которые ежегодно, получив от Патриарха дозволение, в течение восьми дней перед Рождеством Христовым и вплоть до "праздника трех Царей" ("Крещения") бегали по улицам города с особого рода потешным огнем, поджигали им бороды людей и в особенности потешались над крестьянами. Халдеи эти одевались как шуты или скоморохи, на головах носили деревянные раскрашенные шляпы и бороды свои обмазывали медом, чтобы не поджечь их. Во все время беганья по городу и потех халдеи являлись, как считали, как бы язычниками и нечистыми, так что если они умрут в это время, то их причислят к осужденным на вечное мучение. Поэтому в день Крещения над ни-

ми совершалось снова крещение, чтобы омыть их от такой безбожной нечистоты и сделать их снова причастными Церкви христианской. Халдеев погружали в "Иордань" три раза, то есть как бы совершали над ними новое крещение, после чего они делались опять так же чисты, как и другие. Иной такой молодец мог поэтому креститься раз десять и более.

Следует отметить, что обычай купаться на Крещение в проруби был распространен не только среди простого народа, но и среди привилегированных людей. На Крещение в прорубь погружались даже царь и вельможи.

Крещенскую воду христиане уносили по домам и берегли в течение года с великим благоговением, принимая ее натощак как величайшую святыню.

Заботливость о святыне простиралась так далеко, что даже прорубь крещенскую оберегали от осквернения. Ее огораживали, а женщинам не разрешали полоскать в ней белье.

Надо отметить, что к этим благочестивым обычаям примешивались языческие обряды. Как известно, праздник Крещения совпадает с тем временем, когда солнце поворачивает на лето и начинается новый год. Стремясь предугадать особенности природных явлений наступающего года, русский человек прибегал к гаданиям и всякого рода приметам. Так, считалось, что "яркие крещенские звезды породят белых ярок", "на Богоявленье день теплый, хлеб будет темный (густой)". Если в этот день будет туман, или снег хлопьями, или синие облака в полдень, то урожай должен быть обильным. Ясный день считался нехорошим признаком. Произносилось заклинание мороза, а на косяках домов и в хозяйственных постройках писали медом кресты. Кроме того, в навечерие Богоявления делались из лучин кресты, о чем говорится в исповедных вопросах XVII века: "Не делал ли еси в навечерие святого Богоявления лучиновых крестов и не натыкал ли еси их в храмех своих по углам и в хлеб, и по трех днех не жигал ли еси их на огни". Вероятно, этот обряд должен был служить средством отгнания нечистой силы, вредящей хозяйству и благосостоянию людей.

В половине XVII века существовал в Москве обычай: ночью на Крещение "кликать плуги" (так как плуг является орудием хлебопашества) с пением "бесовских сквернословных песен". Молодые люди, особенно девушки, под Крещение гадали "о суженом-ряженом", а старые люди собирали со стогов снег, который использовали для отбеливания холстов, а также как и целительное средство. Этот снег, по поверью, отгонял тоску и "огненного змея" от молодых женщин.

Надо сказать, что все эти суеверия нередко сопровождались языческими празднованиями, проходили шумно и безнравственно. В документах Стоглавого Собора по этому поводу пишется: "Сходятся мужи и жены и девицы на нощное плипование и на безчинный говор, и на бесовские песни, и на плясание, и на богомерзкие дела; и бывает отроком осквернение и девкам растление. И егда нощь мимо ходит, тогда отходят к реце с великим кричанием, аки беснии, умываются водою. И егда начнут заутреню звонити, тогда отходят в домы своя и падают аки мертвии от великого клоптания (шума, грохота)". Собор признает эти "беснования" древними, эллинскими, то есть языческими.

Из всего вышесказанного можно заключить, что праздник Крещения на Руси имел свои национальные особенности. Этот церковный праздник был поистине всенародным торжеством, которое возвышало религиозные чувства русских людей, воспитывало в них благоговение перед святыней, укрепляло святую православную веру. Однако языческие пережитки находили себе место в этом торжестве, вредя благочестивому настрою христианских душ, возрожденных в Таинствах Богооткровенной религии.

Архимандрит ИОАНН (Маслов),
магистр богословия

Пастырь и паства

Отец Александр Шмеман

13 декабря 1993 года исполнилось десять лет со дня кончины неутомимого пастыря, удивительного человека и замечательного богослова – протопресвитера Александра Шмемана. Мы вспоминаем ныне имя человека, который ни разу не был в Москве, ни разу не был в России, которую горячо любил; может быть, именно любовь к Святой Руси побуждала его отказываться от приглашений в Советскую Россию.

Сейчас выходят в свет замечательные книги отца Александра, ранее издававшиеся только на Западе и распространявшиеся в нашей стране долгие годы лишь в самиздате, многие слушали его проповеди в ночных программах радио "Свобода", сквозь треск помех и шум глушащих установок. Благодаря этим семенам Христова учения большое число людей в Америке, Европе и здесь, в России – на родине предков отца Александра, стали православными христианами и чадами Церкви.

Когда я просил рассказать об отце Александре его духовных детей, людей очень близко его знавших, все, восклицая, говорили, что он был замечательным священником, удивительно светлым, добрым и жизнерадостным человеком и верным другом. Нам важно понять, что питало жизнестойкость замечательного пастыря и человека, важно постигнуть его пастырский, богословский и человеческий опыт. Именно сейчас, в наше тяжелое время, нам есть чему поучиться у отца Александра Шмемана.

Отец Александр с 1951 года жил в Америке – стране с великим множеством различных культур, как бы объединенных под одной крышей бесчисленным количеством различных вероучений при полной внешней свободе проповеди, миссионерства и прозелетизма. В этих условиях отец Александр развил самую активную деятельность. Его подвиг – это подвиг деятельного пастыря. К жизни и деятельности отца Александра применимы слова Климента Александрийского, говорившего: "Некоторые считают себя учеными людьми и думают, что хорошо не касаться ни философии, ни диалектики и не занимаются изучением природы. Они требуют веру, чистую и простую, как будто они хотят, нисколько не заботясь о винограднике, собирать с самого начала грозди винограда". Отец Александр проповедовал в этом "винограднике", привлекая и философию, и диалектику, и свои обширнейшие познания в области гуманитарных наук, но при этом говорил он на языке окружавших его людей, чтобы быть понятым ими. И твердая вера и неабстрактное благочестие позволяли ему избежать искушения стать "одним из них". По словам Главы Автокефальной Православной Церкви Америки митрополита Феодосия, отец Александр был "как богослов и учитель, как пастырь и проповедник, как духовный отец и священнослужитель примером для всех – вдохновителем, правилом веры и образом верности".

Александр Шмеман родился в 1921 году в Ревеле в Эстонии, где и прошло его детство. В школу Саша Шмеман пошел уже в Париже, затем он учился в русском кадетском корпусе и во французском государственном лицее. С самого раннего детства Александр был пономарем в храме, а затем и иподиаконом у митрополита Евлогия (Георгиевского), который оказал очень большое влияние на него. Владыка Евлогий имел дар объединять людей, прихожанами его храма были люди подчас совершенно противоположных политических взглядов, и случалось даже так, что за всенощной или литургией рядом стояли люди, совсем недавно

находившиеся по разную сторону баррикад на московских или санкт-петербургских улицах, воевали друг против друга на полях гражданской войны.

Владыка Евлогий говорил, что никакие мирские разногласия не должны мешать людям собираться вместе в Церкви, ибо Церковь – Тело Христово, а мы все – члены этого Тела.

Саша Шмеман уже тогда привлекал к себе сердца людей дарованными ему Богом редкими человеческими качествами. Вместе с ним в то время иподиаконствовал Иоанн Мейендорф, сменивший отца Александра в должности декана Свято-Владимирской Семинарии. Отец Иоанн Мейендорф рассказывал, что одной из самых ярких страниц его жизни была дружба с неунывающим, жизнерадостным Сашей Шмеманом. Он же свидетельствовал об огромном влиянии на них обоих Владыки Евлогия.

Важно отметить, чем был Париж времени юности отца Александра, где ему довелось жить и учиться. Огромное количество отверженных в России людей нашли приют на земле Франции. Здесь собрался цвет русской интеллигенции, культурная и научная элита, было много духовенства. От лица их всех один из самых любимых поэтов отца Александра – Осип Мандельштам написал:

Я прошу, как жалости и милости,
Франция, твоей земли и жимолости...

Однако "жимолость" – это поэтический образ, и не ее они здесь искали тогда, а спасения. В Париже словно бы образовалась Российская Империя в миниатюре. С одной стороны, здесь был оазис русской культуры, церковности и традиционного благочестия, но, с другой – собрание русской великосветской знати со свойственным ей пренебрежением к духовенству и Русской Церкви. И ко всему этому надо прибавить нищету, голод, безысходность. Так, некоторые священники, оказавшиеся во Франции, могли рассчитывать на обед только в том случае, если их кто-то приглашал отобедать. В этой атмосфере взрослел и мужал будущий пастырь.

Отец Александр Шмеман

Он в это время не только блестяще изучил французский язык, овладев им, как родным, но и воспринял и полюбил французскую культуру: поэзию, архитектуру, историю и живопись. Потом, как признавался отец Александр, он приезжал в Париж, когда хотел отдохнуть – подышать его воздухом, побродить по его улочкам, словно побывать в детстве. Впоследствии все свои знания, жажду к которым он не потерял никогда, он использовал в своей проповеднической, преподавательской и миссионерской деятельности.

Отец Александр свободно и блестяще проповедовал на русском, французском и английском языках, удивлял слушающих силой и красотой своей речи. Бесспорно, он был человеком европейской культуры, но это не помешало ему сохранить внутреннюю связь с Россией. По словам Никиты Струве, он жил Россией. Помимо блестящего владения языками, глубоких познаний в литературе, он обладал еще и даром литературного критика, и при всем при этом был пастырем прежде всего и все

в своей жизни подчинял священническому подвигу. Несмотря на свою высокую культуру, отец Александр негативно относился к интеллигенции из-за утраты ею православных корней. Это ему принадлежат слова, которые часто цитирует Святейший Патриарх Алексий II: "Интеллигенция, приходя в Церковь, начинает не спасаться в ней, а спасать ее – Церковь".

Осенью 1940 года, через два месяца после оккупации Парижа немцами, Александр Шмеман поступил в Богословский институт имени Преподобного Сергия, созданный в Париже в 1925 году усилиями Владыки Евлогия и многих добровольных жертвователей. Это было самое тяжелое время в жизни института. Ученый секретарь писал в эти дни в Летописи Академии: "Октябрь. Париж под оккупацией. Проф. Г.П.Федотов – на пути в Америку, архимандрит Кассиан – на Афоне, отец Г. Флоровский – в Швейцарии, отец Николай Афанасьев – на юге Франции до конца войны. Связь с заграницей прерывается..." В институте практически не осталось преподавателей. На первый курс вместе с отцом Александром Шмеманом было принято еще два человека, второго курса не было вовсе, на третьем было семь человек, на четвертом – трое, и еще двое учились на дополнительном. В институте было всего пятнадцать студентов. Несмотря на все трудности оккупационного режима, занятия продолжались. Ректором в этом году был выбран отец Сергий Булгаков. Вернулся отец Киприан Керн. Он начал читать патрологию.

Александр Шмеман усиленно занимался, учил языки, особенно увлекся историей Церкви, которую читал Антон Владимирович Карташев, впоследствии ставший его научным руководителем.

В Летописи института за 1942 год находим очень краткую и лаконичную запись: "Частые воздушные тревоги, холод, голод, сокращение газа, света, почти не ходит никакой транспорт... занятия продолжаются". Все это время в храме института совершались ежедневные уставные богослужения, не прерывались занятия и ни одна бомба не попала в здания храма и института. Через много лет отец Александр Шмеман так писал о годах учебы в институте: "Война и оккупация окрасили годы обучения богословию в особые цвета. Это было действительно героическое время для института. Профессора читали, а студенты слушали лекции в нетопленых аудиториях, на голодный желудок, сидели в пальто и рукавицах. До сих пор помнятся лиловые от холода руки отца Сергия Булгакова и вся обстановка его последних лекций. Это была последняя группа его слушателей. Он читал свое толкование Апокалипсиса, и даже больше, чем его слова, запомнился весь его облик, те необычайные свет, горение, сияние, которые исходили от него в эти последние годы. Студентов было очень мало, кучка людей, как будто совсем отрезанная от окружавшей тогда и грохотавшей действительности. Может, именно потому и сохранилось от тех лет такое сильное впечатление, сознание служения "единому на потребу", почти вызова, а также и нашего единства".

В 1944 году А. Д. Шмеман был назначен профессорским стипендиатом по кафедре истории Церкви под руководством проф. Карташева, темой его сочинения был Флорентийский собор. В следующем году он стал кандидатом богословия и начал читать курсы истории Древней и Византийской Церкви. Еще через год Александр Шмеман принял священный сан. Кропотливые занятия церковной историей привели впоследствии к созданию книги "Исторический путь Православия". А первой серьезной богословской работой была статья "Догматический союз (к вопросу об отношении Церкви и государства в Византии)", написанная для английского сборника Богословского института, который долго не удавалось издать, и поэтому первой публикацией отца Александра был труд "Судьба византийской теократии".

В то время, когда отец Александр приступил к преподаванию, схема по-

рученных ему курсов в общем уже сложилась, тем не менее он исключительно творчески подходил к преподавательской деятельности, тесно соединяя ее с научной работой. Основное внимание в своих лекциях он уделял эволюции церковной жизни и ее анализу во всех проявлениях (культ святых, монашество, отношение к миру, связь со светской культурой и т.д.).

В 1951 году, приняв приглашение Свято-Владимирской Семинарии в Нью-Йорке, отец Александр с женой и тремя детьми переселился в Соединенные Штаты. А в 1962 году, сменив отца Георгия Флоровского, он стал ректором Свято-Владимирской Семинарии. Это было событием в жизни не только вновь назначенного ректора, но и самой Духовной школы. Благодаря неутомимой энергии и вдохновенному труду ректора Семинария стала центром богословия и свидетельства о Православии. Не так давно специальная комиссия по высшим учебным заведениям Америки признала Свято-Владимирскую Семинарию одним из лучших богословских вузов США. Отец Александр был не только профессором, преподавателем, но и читал лекции и вел семинары в многочисленных университетах, колледжах и школах, ему постоянно приходилось также изыскивать средства на содержание Семинарии и студентов. Во время миссионерских путешествий по Америке он искал спонсоров и меценатов, это отнимало много сил. Отец Александр возвращался из подобных командировок чрезвычайно усталым и измученным, но его не покидало свойственное ему чувство юмора. Так, он со смехом рассказывал про одного толстосума, сообщившего, что после его смерти значительная часть его денег по завещанию отойдет Семинарии, отец же Александр ему ответил: "Дайте деньги сейчас, и мы будем молиться за ваше здоровье!"

Вдохновенному перу отца Александра принадлежит много книг, и вы их прекрасно знаете. Но, помимо обширной богословской деятельности, отец Александр выступал также и как очень талантливый литературный критик. Недавно в Центральном Доме литераторов состоялся вечер, посвященный годовщине "Нового журнала", созданного много лет назад русскими эмигрантами. И почти каждый из выступавших литераторов, членов редколлегии журнала, живущих в Америке, говорил о влиянии на них отца Александра.

Но конечно же главной темой его книг было богословие, причем его богословские сочинения никогда не были отвлеченными – они были направлены на укрепление веры, углубление благочестия, осмысление того, что он считал самым главным в жизни Церкви и мира, – богослужения. Богослужение занимало самое важное место в жизни отца Александра, поэтому в своих книгах он уделяет большое внимание историко-литургическим проблемам. В 1961 году за книгу "Введение в литургическое богословие" он был удостоен степени доктора богословия.

Служил отец Александр очень вдохновенно, литургия поистине была центром его служения, учил он такому отношению к литургии и своих учеников. Важно в связи с этим отметить, что отец Александр очень любил и почитал святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, великого молитвенника, для которого основой священнического служения была литургия. Отец Александр еще в 1955 году писал, что причисление отца Иоанна к лику святых можно считать свершившимся в церковном сознании, хотя оно и не завершено еще официальным церковным прославлением – канонизацией. Символично, что последней книгой отца Александра была книга о Евхаристии, в которой он поставил точку за несколько месяцев до кончины.

Самым большим талантом приснопамятного пастыря был дар учительства, дар слова. Он неустанно проповедовал. В течение тридцати лет произносил проповеди на радио "Свобода", которые передавались в Россию; он произнес более трех тысяч проповедей. Большую известность получило

Отец Александр Шмеман и А. И. Солженицын

частное письмо Александра Солженицына, в котором он писал: "Давно уже я с духовным наслаждением слушал по "Свободе" в воскресные ночи, когда удавалось, проповеди доктора философии отца Александра – и поражался, как неподдельно, современно и высоко его искусство проповеди: ни ноты фальши, ни миллиметра натяжки, без пустой дани обязательной форме, ритуалу, когда слушателю становится неловко, или чуть стыдно за проповедника или за себя, – всегда сильная и глубокая мысль и глубокое чувство". Александр Исаевич далее писал, что очень хотел бы ходить в храм именно к такому священнику. И вскоре, когда он по известным причинам оказался на чужбине, он очень тесно сошелся с отцом Александром, который иногда летом приезжал к нему домой в Вермонт, проводя здесь дни короткого отдыха. Он был духовником семьи Солженицыных.

С 1979 года отец Александр стал председателем Российского Студенческого Христианского Движения.

Протоиерей Георгий Бенигсен писал об отце Александре: "Его пастырство строилось на бескомпромиссном служении истине. Оно созревало и концентрировалось в алтаре, у Престола. Оно осуществлялось в его даре духовного руководства, исповеди, проповеди, служения. Его человечность, этот подлинный дар Божий, обнимала каждого, кто приходил к нему. Всем открывалось сердце, всем светил ум, всех укрепляла вера, всех поддерживала верность дружбы".

Отец Александр очень многое сделал для дарования автокефалии Православной Церкви в Америке, чем навлек на себя нарекания определенной части русской эмиграции, и, как участник совместных богослужений с официальными представителями Московского Патриархата, подвергался нападкам со стороны Русской Зарубежной Церкви.

Последние годы отец Александр особенно напряженно трудился. Он много преподавал в самых разных учебных заведениях, выступал перед разнообразными аудиториями – от академиков до членов приходских общин. И он благодарил Бога за тяжелую ношу, которая досталась ему, никогда не переставал радоваться всему, что ниспослал ему Промысл Божий. Отец Иоанн Мейендорф писал: "Я не знаю такого другого человека, способного так искренне радоваться всему в жизни и благодарить Бога за все". Источником духовного устроения пастыря была радость о Господе, единение с Ним в Таинстве Святой Евхаристии. Эта жизнерадостность, твердая вера притягивали к нему не только духовных чад, студентов и преподавателей Свято-Владимирской Семинарии, но и многих людей в Америке и в России.

Страшная болезнь пришла внезапно. Испытывая тяжкие физические страдания, он продолжал свою кипучую деятельность на благо Церкви и Семинарии – выступал, встречался с людьми, служил. А однажды он сказал врачам, что отказывается от лечения.

За последней литургией, совершенной отцом Александром в переполненном храме (это было зимой 1983 года), все плакали. Не плакал лишь он сам – более того, он утешал всех, смиренно неся крест ниспосланных страданий и благодаря Господа за них.

После его смерти студенты и преподаватели в Академии говорили: "Он учил нас жить, а затем учил нас умирать".

Вот слова из последней проповеди отца Александра, проповеди-благодарения:

"Благодарим Тебя, Господи, что Ты открыл Себя нам и дал нам предвкушение Твоего Царства. Благодарим Тебя,

Господи, что Ты соединил нас друг ко другу в служении Тебе и Твоей Святой Церкви. Благодарим Тебя, Господи, за посланные нам страдания, ибо они очищают нас от самости и напоминают нам об "едином на потребу", о Твоем вечном Царствии. Благодарим Тебя, Господи, за эту школу, где возвещается Имя Бога. Благодарим Тебя, Господи, за всех и за все. Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои, и нет слов достойно воспеть чудеса Твои. Господи, хорошо нам здесь быть".

А. ПИСКУНОВ

"Он остался для меня живым..."

(интервью с Сергеем Александровичем Шмеманом, заведующим Бюро "Нью-Йорк таймс" в Москве)

В. Александр Шмеман – протопресвитер, богослов, писатель, проповедник, духовник, наконец, ректор Свято-Владимирской Академии в Нью-Йорке – обо всем этом мы вспоминаем, когда говорим об отце Александре. Но плюс ко всему этому, как известно, он был необыкновенным человеком. Сергей Александрович, каким человеком был ваш отец?

О. Да, действительно, отец Александр был удивительным человеком и в храме, и в Академии, и дома. Он умел словно преображать жизнь вокруг себя, делать из нее настоящий праздник для всех, кто его окружал. Он очень много работал, работали люди, окружавшие его, и это общее дело всем приносило радость, выливалось в общее торжество. В Великую субботу, например, вскоре после литургии все вновь собирались в храме. Каждому им было заранее поручено какое-то дело. Мы готовили храм к службе и с радостью работали до заутрени. Я считаю, что это умение делать жизнь со всеми ее перипетиями, невзгодами и проблемами праздником и торжеством было одним из его главных качеств.

Другое его замечательное качество – он невероятно быстро читал. Я всегда этому удивлялся. В Америке это называется "speed reading" – "быстрое чтение", когда глаза останавливаются только несколько раз на странице, а человек воспринимает весь текст. Идет общий разговор, все шумят, работает телевизор, а я вдруг замечаю, что он сидит с книгой, ничего не слышит, ничего не видит и просто ее как бы съедает. Он удивительно много читал, самую разнообразную литературу, например, очень внимательно следил за французской журналистикой. Мы получали огромное количество газет и журналов на различных языках, и все он прочитывал. Потом газеты скапливались у него большими стопками по углам комнаты и нескоро выкидывались. Он читал современную литературу на английском, французском и русском языках. Отец Александр очень усердно следил за всем, что происходит в церковной жизни (его интересовало прежде всего богословие), в культуре и вообще в американской жизни. Работал он очень, очень много, и даже на даче летом. Он успевал здесь писать... Зимой у него как у ректора Академии на собственное творчество времени не оставалось, было слишком много дел. А летом он вставал очень рано – я даже не знаю когда, потому что я так рано никогда не вставал, – выпивал чашечку кофе и садился за письменный стол, стоявший в столовой. И писал, писал, наверное, пять-шесть часов подряд. Лишь после завтракал, и за этим наступал для него обычный летний день. Здесь им были созданы его основные труды.

Каждую неделю, даже отдыхая на даче, он обязательно улетал куда-нибудь делать доклад, читать лекцию. Он очень много ездил по стране и всему миру: на всевозможные конференции, симпозиумы, встречи. И, если так можно сказать, на

него был огромный спрос, и не только у православных, а также и у представителей всех других конфессий; все очень тянулись к нему, готовы были его принимать, слушать...

В Академии каждый его день был очень перегруженным, ведь он был и ректором, и профессором, и преподавателем.

В 1962 году Академия переехала из города в пригород, где купила помещение бывшего католического монастыря. Огромное количество времени и сил у отца Александра ушло и на этот переезд, и на строительство, и на сбор денег – ведь Академия существовала лишь на частные пожертвования.

Он много ездил, чтобы собрать нужные средства, и очень хотел, чтобы Академию поддерживала Православная Церковь Америки. Им была создана ассоциация поддержки Академии, люди, входившие в нее, обязывались раз в год жертвовать какую-то сумму на нужды Академии. Так собралась огромная группа людей, жертвовавших на Академию и позволивших ей обрести нормальное финансовое положение. Все это занимало много времени и сил. Работа ректора требовала тоже великих хлопот – большое количество студентов и преподавателей, у каждого – свои проблемы, которые надо решать, а вечером он проводил исповеди, часто возвращался домой в десять-одиннадцать часов. А в семь часов утра каждый день уже вновь торопился в Академию. Отец очень много и энергично работал.

И главное, что нужно отметить, – всегда на первом месте у него было богослужение, оно было самым большим счастьем и радостью. Он был в Церкви с ранних лет – прислуживал в Соборе Александра Невского в Париже, когда там была вся эмиграция. Там, еще будучи мальчишкой, он выбрал свой жизненный путь – решил поступить в Семинарию и стать священником. И в Семинарии самым важным для него было богослужение.

В. Каковы основные семейные принципы отца Александра? Принципы построения семьи как домашней Церкви?

О. В нашей семье было единодушие. У моей матери дедушка тоже оказался священником. Он был русским помещиком, и, когда попал эмигрантом в Париж и оказалось, что в одном из пригородов Парижа нет священника, он уже под 70 лет был посвящен в сан и был всеми очень любим. Отец его тоже знал. Так что мать моя была из церковной семьи. У меня было две сестры. Мы приехали в Америку в 1951 году, когда мне было шесть лет, и всегда жили при Свято-Владимирской Академии, так что мы всегда знали всех ее студентов. Обе мои сестры вышли замуж за студентов Академии, один из них сейчас ректор Свято-Владимирской Академии, другой – священник в Монреале.

Отец Александр никогда не говорил нам: "Иди в Церковь", или: "Постись", или: "Делай так или так", никогда. Просто он сам делал, и, что для него было важно, к тому и мы как бы тянулись. Не могу сказать, что мы ходили на службу так же часто, как он, но радость посещения церковной службы мы восприняли от него. В Канаде, где мы живем летом, есть часовня, и мои дети ходят в эту часовню с огромной радостью. Это является частью нашей жизни. На Преображение мы ходили на озеро освящать воду. И все соседи смотрели с удивлением, как священник идет на озеро, несет крест для освящения воды, и присоединялись к нам. И дома у нас основным принципом приобщения детей к Церкви был пример отца. Отец постился, никому это не навязывается, но так выходит, что и мы постимся, нельзя, чтобы только он один. Для него это так важно, и для нас становилось важным. Так что это был принцип примера и праздника: если он что-то делает, то и я должен постараться, и я постараюсь. Просто с ним было очень уютно, он был очень радостным. Если мы утром вставали в плохом настроении, а его видели с утра бодрым и радостным – для него так начинался каждый день, – то это его настроение передавалось всем остальным. С ним было очень, очень радостно.

В. Какой случай из вашей жизни с отцом Александром вам больше всего запомнился?

О. Было, конечно, много очень интересных моментов. Я расскажу два. Один – когда я воевал во Вьетнаме и мне дали отпуск, я решил поехать из Вьетнама в Японию, где должен был встретить моего отца. А он там как раз вел переговоры с митрополитом Ленинградским Никодимом об автокефалии Православной Церкви Америки. Он устроился в гостинице отдельно от своей делегации, чтобы мы с ним могли провести время. Может быть, это покажется странным, но я был рад, что встретился с ним наедине, как взрослый, – мне было уже 22 года, и я уже был солдатом. Мы встретились в чужой стране, в Японии, где ни он, ни я никогда не были. Я приехал из Вьетнама, он – из Америки, у него важнейшее дело. И вот когда мы с ним встретились, у меня было такое ощущение, что я с ним только познакомился. Помню, он уезжал на переговоры, я в это время гулял, а вечером мы всегда ходили в ресторан и часами все это обсуждали: автокефалию и Вьетнам. Вот тогда мы с ним очень близко сошлись.

Второй случай произошел в 1974 году, когда Солженицына выдворили из СССР и он приехал в Америку и хотел познакомиться с моим отцом. Солженицын просил познакомить его с человеком, ведущим воскресные беседы на радио "Свобода", которые он всегда слушал. Мы поехали тайно на дачу в Канаде, где должна была произойти эта встреча в строгом секрете. Солженицын тогда скрывался от прессы и от общества. Отец меня попросил приехать, чтобы там готовить пищу – сам он не умел готовить ничего, кроме яичницы. Солженицын попросил жареную картошку с луком и в первый, и во второй, и в третий день, так что я три дня подряд жарил картошку с луком, убирал и слушал. Было удивительно интересно слушать, о чем эти два человека несколько дней подряд говорили. Солженицын хотел узнать все, что происходило в эмиграции, все, за чем он сам не мог следить, все детали духовной жизни православной эмиграции, все, что в России в то время скрывали. Мой отец, наоборот, хотел узнать все, что происходит в России, в ее духовной жизни, чем он всегда жил, что для него всегда было очень важно. Тогда мы уже узнали, что Россия духовно не умерла, что за этим, как его называли, железным занавесом настоящая жизнь никогда не прекращалась. Эти разговоры были удивительными, мы гуляли, ходили, сидели и говорили, говорили, говорили... Каждый час Солженицын включал маленькое радио, слушал русские передачи по Би-би-си (только им он по привычке доверял), чтобы узнать, что происходит в мире.

Мой отец вырос в среде интеллигенции. Его окружали самые великие богословы России, которые тогда попали в Париж, у них он учился и богословию, и литературе, и всему остальному. У него было очень много друзей, поэтов и писателей, богословов и философов. Со всеми, кто был в эмиграции, он общался. И многие к нему тянулись, так что у нас дома бывал не только Солженицын, и до него многие приезжали, особенно когда уже начали выезжать из России. Приезжали и часами вели разговоры на все темы, и обычно на тему о духовном возрождении России. Мой отец читал на эту тему курс лекций в Колумбийском университете.

Особенно популярен был курс "Духовные темы в русской литературе", этими вопросами интересовались все студенты. Отец считал, что вся русская литература глубоко проникнута духовностью, особенно творчество Достоевского и Гоголя.

В. Унывал ли когда-нибудь отец Александр? Знакомо ли ему было чувство разочарования?

О. Я его всегда знал как человека жизнерадостного. Конечно, были и тяжелые моменты. Когда мы переехали в Америку, вскоре умер его отец, он ездил его хоронить, это всегда тяжело.

В Соединенные Штаты мы переехали в 51 году, жили в Нью-Йорке, и отец

влюбился в Америку, хотя многие русские считают, что там не хватает духовной жизни. Он проник в суть американской жизни. Когда он приезжал в Чикаго, центральный американский город, он шел прямо в рабочие кварталы, там любил просто съесть сосиску вместе с рабочими. В Нью-Йорке он также ходил в беднейшие кварталы. У американских негров большое уважение к духовным лицам, и так как он – священник, к нему подходили на улице, приглашали где-то выпить, зайти домой, он всегда принимал приглашение и долго разговаривал с людьми.

В. Не боялся?

О. Абсолютно не боялся, этого у него не было. Он любил американскую жизнь, читал всю американскую литературу, все журналы. Изучал историю города, в который едет. Он одно время читал лекции в городе Чикаго в Духовной школе по подготовке священников для служения в кварталах, где живут бедные. Он туда ездил, встречался со студентами этой школы, и некоторые студенты из нашей Свято-Владимирской Академии ездили вместе с ним и слушали его курс лекций. Так что он был очень деятельным, и я не помню, чтобы были моменты сильной тоски. Когда он умирал, он делал заметки и, я думаю, хотел писать мемуары, но не успел. Он делал такие записи всю жизнь. Мы их напечатаем, сейчас их уже готовят к печати. Это важнейший документ, отражающий духовную жизнь моего отца, которая многим будет примером.

Когда он был уже болен, буквально перед смертью его приглашали, чтобы он прочитал последнюю лекцию, ему давали награды, его куда-то выбирали. Он продолжал работать, пока мог. И вот такой почет, такая любовь к нему – это было почти счастье.

Перед смертью он спешил дописать книгу "Евхаристия", которую он успел окончить за две недели до смерти. Он все силы употребил на то, чтобы дописать эту книгу, и, закончив ее, уже спокойно отдался смерти, которая очень скоро и пришла.

В. О чем любил вспоминать, рассказывать отец Александр?

О. У нас было очень много всяческих разговоров на современные темы, почему, я думаю, я и пошел в журналисты. Мы так следили за всем, что происходило, каждый вечер смотрели новости по телевидению. Он читал мою газету "Нью-Йорк таймс", всю французскую прессу, и мы очень много обсуждали именно современные события – не просто из-за любопытства, а нас интересовали глобальные вопросы – куда идет современная жизнь. Он жил в сегодняшнем дне. Это надо всегда отмечать. Он не считал, что политика – это не для священника, что от повседневной жизни надо отстраняться, нет, он жил в сегодняшнем дне! Он всегда голосовал на выборах и считал это право величайшей привилегией, для него было очень важно, что он, иностранец, стал гражданином Америки и имеет право голосовать.

У нас было очень много разговоров на современные темы. Но мы говорили не только о политике, но и о литературной жизни. И конечно, на всякие духовные темы. Мы очень часто с ним говорили о России. Я профессионально занимался Россией, моей специализацией в университете была русская литература. Я окончил Гарвардский университет по английской литературе, а затем учился в Колумбийском – по русской. И у него всегда была масса вопросов. Он почти наизусть знал всю русскую классическую литературу. У нас было очень много бесед о том, что происходит в России. Для него это было очень важно.

В. Какие он давал оценки?

О. Может быть, до ответа на вопрос, какие он давал оценки, нужно отметить, что он – человек, который в каком-то смысле вырос в России, потому что французская эмиграция 20-30-х годов – это была Россия в миниатюре. Он ходил в русскую школу, общался только с русскими. В церковь ходили все великие князья, бывшие министры России. Эти люди ждали возвращения в Россию. В 20-30-е го-

ды все еще думали: "Когда вернемся, сделаем то-то и то-то". Эмиграция была той Россией, которая ждала момента своего возвращения. В нашей семье было то же самое. Его отец – мой дед – был юристом, который поступил в армию во время первой мировой войны, воевал, был ранен и тоже, в общем, ждал, чтобы продолжить в России свою начинающуюся карьеру. Его дед был сенатор, член Государственного Совета, мать была из семьи помещиков, и все они ждали возвращения на Родину. Так что отец вырос в среде русской эмиграции, русский был его первый язык, он говорил по-французски и по-английски с русским акцентом. В то же время он как бы перешел в западную жизнь, хотя его мировоззрение было построено на этой русскости, которая была как бы основой. Из нее вышло что-то широкое и глубокое, так как его мировоззрение складывалось, когда он жил сначала во Франции, затем в Америке, а значит, под влиянием западной мысли. Когда-то Лев Копелев, который его очень почитал, назвал отца "евро-русским". Он всегда следил за Россией... не как американец, а как русский и в то же время в Америке был как американец и большой ее патриот. Он очень почитал эту страну, которая его приняла и вообще принимала иностранцев. И когда началась Вьетнамская война и многие отказывались принимать в ней участие, он поддержал мое решение идти на войну.

В. Каково было его участие в том, что вы служили там?

О. Хоть я тогда учился в университете, где было большое сопротивление этой войне, у меня было такое личное ощущение, что я, которого Америка приняла и так много дала нашей семье, не имею права отказаться. Даже если это ошибка, я не имею права отказаться и сказать: "Я морально выше этого". Это осознание долга перед Америкой пришло ко мне от отца.

В. Вы пошли добровольцем?

О. Нет, но когда меня призвали, я пошел, не отказался.

В. Сколько вы там были?

О. Год, всех посылали туда на год. Правильно это или не правильно, но я считал, что раз наша страна попала в такую историю, я ее в такой момент должен поддержать. И конечно, было ощущение, что Америка, может быть, неправильно поступает, но какие-то у нее идеалы есть, в которые мы верим. Она нас защищает и во Вьетнаме старается защищать от коммунизма, который мы воспринимали как зло. Эта страна – одна из немногих в этом мире, которая живет идеалами своей Конституции, идеалами своего мультинационального общества, и мы в них верим. Вот каковы причины этого патриотизма. Он был очень силен, и именно в Америке, потому что она позволяла мне остаться русским. Америка – это страна, которая никогда не запрещает быть человеку тем, что он есть. Так что мой отец мог быть вполне русским и одновременно американским патриотом. Это было вполне совместимо.

А русская тема всегда как бы жила, не могла не жить, мы говорили дома по-русски, мы читали русскую литературу, все, что привозилось из России, из Советского Союза тогда, все это слушали и читали. В 70-х годах начали уже приезжать из России новые эмигранты, многие из них были из интеллигентной среды, с ними мы, конечно, встречались. Помню очень ярко, когда приехал Бродский, мой отец бросился его слушать. Я с ним случайно познакомился в Нью-Йорке, познакомил потом его с моим отцом, встречались у меня на квартире очень часто... Он женился на нашей родственнице.

В. Вы стали журналистом. Отец Александр принимал участие в выборе вашего жизненного пути?

О. Да, но, может быть, не непосредственно.

Я любил писать, думать о происходящих событиях, которые у нас, как я говорил, очень широко и глубоко обсуждались. Мой отец тоже писал на современные темы, о текущих событиях. Когда я сказал, что я думаю стать журналистом, он это

благословил и сказал, что у него тоже была такая мысль. И когда я перешел в "Нью-Йорк таймс", он этим очень гордился и тщательно следил за тем, что я делаю. Так что он сыграл роль в моем жизненном выборе.

В. Каковы основные жизненные принципы отца Александра?

О. Я всегда очень опасаюсь об этом говорить, потому что я могу это как-то упростить. Я могу упомянуть некоторые темы, к которым мы всегда возвращались. Он видел зло в коммунизме именно потому, что его приверженцы делали из литературы поддержку своим принципам. Он был ярым противником всех идеологий, всякого фанатизма, когда вся жизнь сводилась к какой-то одной идее. Так же он всегда боролся против сведения христианства к простой обрядности. Христианство именно освобождает человека от узости обрядов и правил, и отец Александр видел в христианстве свободу личности и любовь, стремился в своих лекциях, беседах, разговорах, проповедях учить глубокому пониманию истинного значения всего совершаемого в Церкви. Он никогда не начинал с правил. Он вел борьбу с упрощением, учил быть глубже и шире расхожих мнений. Так, например, он выступал против учения Фрейда, говорил, что нельзя сводить человека к элементарному животному существу, которое поступает так или иначе только потому, что у него есть чисто биологические инстинкты и стремления. Он утверждал: все не так просто, есть добро, и есть зло, и в человеке идет борьба между ними. Жизнь человека, его поступки, какими бы они ни были, – это всегда борьба добра со злом. Есть дьявол, с ним ведется война.

В. Какие качества отец Александр больше всего любил и ценил в людях?

О. Я не помню, чтобы был человек, которого он не любил. Это кажется немного странным. Ведь у него был очень широкий круг общения, и нельзя сказать, что все люди, с которыми он общался, были идеальными; встречались и самые простые люди, и интеллигенты, и православные, и неправославные, так что круг друзей и знакомых был огромный. Его телефон не прекращал звонить. К нему обращались за советом. На исповедь к нему ходили очень многие, он возвращался совершенно усталый после исповеди, потому что к нему приходило огромное число людей, издалека приезжали, чтобы именно у него исповедоваться. Он был духовником многих и многих. Но чтобы он кого-то лично не любил, я просто не помню. Он был очень открыт. Что он вообще любил? Любил поэзию. Он ездил очень часто, раз в неделю, к главному редактору одного из журналов в Нью-Йорке, который был поэтом. Был такой отец Кирилл Фотиев, который нынче скончался, с ним у него была близкая дружба всю жизнь именно из-за общей любви к поэзии. Поэзия у него в жизни занимала очень большое место. С многими он общался именно на почве поэзии. Были и другие привязанности. Отец Александр был очень близок с Сергеем Трубецким, с которым его связывали духовные интересы и любовь к Церкви.

Было много людей, с которыми он находил духовную связь. Поэтому нельзя сказать, что один человек был ближе других. Были и просто люди безбожные среди тех, с кем он встречался и был близок. Многих из них он привел в Церковь, они продолжают его сейчас вспоминать, приезжать на могилу.

В. Расскажите об отце Александре как богослове. Чем Православие было для него в повседневной жизни?

О. Я не решаюсь говорить о его богословии. Я могу только посоветовать, чтобы люди прочитали его книги, познакомились с тем, что он сам писал. Я только повторю, что здесь был элемент свободы – прежде всего. Его христианство – это как бы Сам Христос. Именно Он давал свободу. В этом и заключалось самое важное для него. Ведь все церковные правила могут обретать самостоятельную жизнь даже в отрыве от Бога, словно заменяя собою подлинную духовную жизнь. И отец Александр стремился к тому, чтобы этого не происходило. Потому-то он никогда не начинал с правил. Не говорил, во-первых, нужно поститься, во-вторых, нужно

молиться, каяться, креститься и т.п. Все это нужно, да! Но все это имеет значение, только если есть истинная вера в Бога, но никогда не наоборот. Вера не исходит из обрядов, обряды исходят из веры. И это очень важно, мне кажется.

Сейчас многие в России считают, что отец Александр был радикалом, кем только его ни называют: протестантом, католиком, все это я слышу очень часто. Говорят, что он многое отрицал, учил, что не надо соблюдать таких-то правил. Многие из тех, кто его почитает, тоже воспринимают его таковым. Но он не был радикалом. Зная его, это невозможно даже себе представить!

Этот человек был даже очень консервативным. Он не отвергал учения Церкви. Он был очень строгим как ректор Свято-Владимирской Академии. Дисциплина там была строгая, в Церковь студенты не опаздывали, ходили все в подрясниках, обязаны были присутствовать на всех службах. Многих студентов даже "вышибали". Для моего отца священство было невероятно серьезным делом. И если кто-то хотел стать священником, он должен был доказать, что он готов и способен к этому.

Что считается его радикализмом? Здесь нужно отметить, что он исходил из первоапостольских времен и старался понять, почему мы исполняем те или иные правила. И вот когда мы поймем, почему это надо, все встает на свои места. Тогда мы наконец начинаем понимать, почему у нас такая-то традиция, почему мы, скажем, исповедуемся перед причастием. Если мы поймем, зачем мы это делаем, то станет ясно, почему мы это должны делать.

Все принципы отца Александра как священнослужителя – это именно возвращение к истокам. Это было стремление вернуть Церкви ее истинное значение, попытка вернуть значение многим церковным традициям. Это стремление было обусловлено тем, что слишком часто в Церкви традиции и обычаи становятся самоцелью. Мы делаем так, потому что так нужно, потому что иначе нельзя, и никто тебе не объяснит, почему так нужно. А это объяснение необходимо, особенно сейчас, когда столько людей возвращаются в Церковь. И, как мне кажется, то, что сейчас считается радикализмом отца Александра, было возвратом к каким-то первоначальным понятиям. Он старался понять и объяснить, почему живут церковные традиции. Он их не отрицал, мы в них жили.

В. Чего отец Александр требовал от себя как от преподавателя?

О. Он был очень сильным ректором, у него был настоящий дар лидера, люди слушали его, почитали, он умел всех вдохновлять. Административные дела он оставлял администраторам, а во главе Академии был он, и это очень сильно ощущалось. Тут надо отметить, что вся наша Православная Церковь в Америке признавала его авторитет. Без него, без его благословения, не принималось никаких важных решений. На его авторитете держалась наша Церковь. На его духовном авторитете. В Академии к нему было такое же отношение. Его очень слушались, он был, в общем, строгим не потому, что он был таким по натуре. Он считал, что подготовка священников Православной Церкви – дело очень важное, что нельзя из Духовной Академии делать какой-то очередной вуз, где надо обучить студентов, и, если они сдадут все экзамены удовлетворительно, они получат диплом. Диплом Академии значит, что получивший его человек готов к священству и от него требуется что-то иное, чем от окончившего любой вуз.

Так что нужно сказать, что отец Александр был строгим преподавателем и руководителем Академии и его очень уважали все, включая наших епископов.

В. Что было главным для отца Александра в образовании?

О. Отец Александр учился сначала в русской гимназии и в русском Кадетском корпусе в Париже, где, как оказалось, уровень обучения был низкий. Потом в какой-то момент он понял, что там он получит плохое образование, и перешел во французский университет. И тут оказалось, что ему надо догнать студентов университета, сдать экзамены за два года, и он это сделал, сдал все экзамены, по-

лучил докторат. Надо сказать, что у него было огромное уважение к образованию, вообще к культуре, и он, как я уже отмечал, читал огромное количество книг и журналов, следил за всей литературой, за политикой, за текущей жизнью. Но он никогда не говорил, что мы – интеллигенты, а те – нет. Студенты Академии были из самых разных мест и семей, из маленьких городов, очень часто из рабочей среды. Но разделения никакого не было.

В. Какому отношению отец Александр учил вас и как он сам относился к Католической Церкви, другим конфессиям?

О. Это, может быть, самый сложный вопрос, на который я боюсь ответить вам. Когда он начал духовную жизнь, очень был близок к экуменическому движению, каким оно было вначале, когда оно старалось найти общие духовные ценности в различных конфессиях. Но он от него отошел, когда экуменизм стал проявлять себя как международное межконфессиональное движение. К концу жизни он никакого общения с ним не имел. Но в Америке общение с другими конфессиями какое-то естественное, особенно с Американской Католической Церковью, с которой были связи на всяких уровнях. Его пригласили на II Ватиканский Собор как наблюдателя от Православной Церкви. Его приглашали читать лекции и доклады во всякие католические и протестантские семинарии, университеты, и он читал там доклады, получил от них всякие почетные звания и печатался в их журналах, так что связь с ними всегда была. К нам всегда приглашались профессора, богословы других конфессий. Но от экуменизма, как я говорил, он отошел, когда тот стал сильно политизированным движением, начал подключаться ко всяким политическим акциям.

В. Отец Александр был священником, он был духовником, у него было огромное количество духовных детей – во всем мире. Встречаешь людей из разных стран, оказывается, что они – духовные дети отца Александра. Это один из его феноменов. Конечно, было время, когда и Вы исповедовались у него. Каковы были его основные принципы при решении жизненных проблем?

О. Он умел слушать и на исповеди, и в личных беседах, умел услышать и понять суть проблемы. Может быть, это самое главное. Сам человек свои проблемы, может быть, не всегда может понять, сформулировать, а он умел в беседе с человеком, на исповеди уловить духовную суть вопроса, который мучает человека. На исповеди всегда умел отметить элементы гордости в пришедших к нему людях. Я помню, во время молодежной конференции у нас была общая исповедь. Мы все считали, что мы и великие грешники, и великие интеллигенты. Он почувствовал такое настроение и сказал, как часто и своим студентам говорил: "Вы сейчас начнете исповедоваться и будете утверждать, что вы все великие грешники, а это тоже какая-то гордость. Я вам могу сейчас сказать, что вы мне скажете, все это настолько банально, все это я уже слышал. Все ваши грехи – мелкие, пошлые – словом, ничего важного нет". Он учил, что в исповеди надо избегать гордости. Он умел понять истинные духовные и жизненные проблемы человека, пришедшего на исповедь.

В. Сергей Александрович, я задам последний вопрос. Какие наставления отца для вас самые главные, которые вы храните всю жизнь?

О. Я немного отклонюсь от этого вопроса, в противном случае получится самовосхваление – будто я всю жизнь неотступно руководствуюсь наставлениями... Сейчас прошло уже десять лет со дня его кончины, но я с ним общаюсь, и очень часто. Как это происходит? Когда возникает проблема, я думаю, как бы он на нее посмотрел.

Помню, я приехал из Суздаля. Суздаль, как вы помните, представляет собой крохотный городок, в котором несколько жилых зданий и церкви – сейчас их тридцать три, и еще монастыри. Я привез отцу очень много фотографий. Он долго смотрел на них и не восхищался, как многие, а все думал, какой была та жизнь,

которой нужно столько храмов? Что это была за вера, если в одном маленьком городке тридцать три церкви? Это очень важно понять, говорил он. Мы тогда часами обсуждали этот вопрос. В западном городке такого размера все бы ходили в одну церковь. Мы не нашли тогда ответа... Во всем он видел глубину. Все смотрят на соборы Суздаля и восклицают: "Какая красота!" А у него вопрос. И так всегда. Я стараюсь смотреть на все его глазами, стараюсь находить вопросы.

В моей журналистике это играет очень большую роль – всегда стараться найти более глубокий смысл, чем тот, который лежит на поверхности. Иногда отец мне снится, и всегда во сне я задаю ему вопросы – одним словом, он остался для меня живым. И всегда, когда у меня появляется чувство, что я нечто понял, я себя останавливаю и задумываюсь, спрашиваю себя, а что бы по этому поводу сказал отец, какой бы он задал следующий вопрос, открывающий новую, еще невидимую глубину?

Беседу провел А. ПИСКУНОВ

Российские новомученики

Мученическая кончина епископа Ревельского Платона

75 лет тому назад, 1(14) января 1919 года, в г. Юрьеве (ныне Тарту) большевиками был убит первый правящий[1] эстонский епископ Платон (Кульбуш). Весть о злодейском убийстве быстро разнеслась по всей Эстонии. История сохранила запись, сделанную по "горячим следам" тех трагических событий.

"15 января нам стало известно от привезшего из Ревеля газеты отца диакона, что в Юрьеве в ночь с 13 на 14 января (нового стиля. – *А.П.*) зверски замучен епископ Платон. Владыка Платон был арестован в алтаре церкви во время всенощной вооруженными красноармейцами, вошедшими в царские врата. Причем один из них даже сел на престол, как был, в шапке и закурил. Епископа грубо разоблачили. Вместе с ним были арестованы протоиерей Николай Бежаницкий, протоиерей Михаил Блейве, сослужившие Владыке, и еще пятнадцать человек. Узников поместили в подвале Дворянского кредитного банка (ул. Компани, дом 5), который красные использовали как тюрьму. Арестованные подвергались всяческим издевательствам. Так, епископа заставляли носить под конвоем через весь город пятипудовые мешки. Очевидцы рассказывают, что изнуренный Владыка падал под тяжестью ноши. Посторонние люди пытались ему помочь. Так его мучили двенадцать дней.

Во время заключения Владыка Платон утешал и ободрял всех других заключенных, читал по возможности вслух Евангелие, особенно часто – 24-ю главу от Матфея.

За три дня до кончины Владыка

[1] До конца 1917 года в Эстонии не было самостоятельной епископской кафедры. Эстляндские православные приходы входили в состав Санкт-Петербургской, а затем Рижской епархий. Титул "епископ Ревельский" носили иногда викарные епископы, например Преосвященный Христофор (Эммаусский), ректор Санкт-Петербургской Академии, рукополагавший во иерея праведного Иоанна Кронштадтского, или равноапостольный Николай (Касаткин), просветитель Японии. – *А.П.*

Епископ Ревельский Платон

почувствовал, что его казнят. Он сказал заключенным вместе с ним, что, если это произойдет, они должны будут передать его последнее благословение всей его пастве.

В ночь на 14 января епископа Платона вызвали на допрос. Комиссар настаивал, чтобы Владыка прекратил проповедовать Евангелие, на что епископ ответил: "Как только меня выпустят на свободу, я буду вновь повсеместно славить Господа".

На следующий день, когда после ожесточенных боев белогвардейцы стали брать Юрьев и внезапно ворвались в него, не ожидавшие этого стражи постарались поскорее умертвить узников. Звероподобные люди сказали им, что будут рубить их топорами. Узников потащили в подвал в одном белье, босиком. Здесь их всех зарубили, только епископ Платон был застрелен. Его вызвали первого. Рассказывают, что в момент смерти лицо его сияло и он кротко благословил убийцу. Палач, поднявший на него топор, не вынес этого: топор выпал из его рук. Он не смог его поднять, тогда схватил ружье и выстрелил Владыке в лоб. Так принял мученический венец за веру Христову иерарх Эстонии от рук революционеров-большевиков.

Белогвардейские войска достигли центра города. Двери в тюрьме были разбиты и оставшиеся в живых пленники освобождены. Но радость освобождения сменилась ужасом, когда все увидели, кто пал жертвой красных палачей. На груди Владыки Платона, истерзанной штыковыми и огнестрельными ранами, под рубахой, была найдена его панагия – знак епископского служения.

18 января в юрьевском храме Успения Пресвятой Богородицы было совершено отпевание епископа Платона и протоиереев Николая и Михаила. Священников погребли в той же церкви, а тело святителя по распоряжению эстонского правительства было перевезено в Ревель и положено в кафедральном Спасо-Преображенском соборе".

* * *

Невинно замученный епископ Платон (в миру Павел Кульбуш), родом эстонец, сын псаломщика подисской церкви Перновского уезда Эстляндской губернии, родился 13 июля 1869 года. По окончании Рижской Духовной Семинарии, как лучший ее воспитанник, он в 1889 году был послан для получения высшего богословского образования в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, которую и окончил со степенью кандидата богословия через четыре года. Еще будучи студентом, он снискал любовь проживавших в столице православных эстонцев, не имевших в то время своего храма, живших разрозненно, работавших на петербургских заводах. Павел Кульбуш проводил с ними духовно-нравственные беседы, создал эстонский любительский хор, исполнявший церковные песнопения,

проводил занятия по Закону Божию для детей и взрослых, объединил их в один приход, а по окончании Академии был назначен первым его настоятелем и занимал эту должность в течение 23 лет.

Сначала богослужения отправлялись в церкви Воскресения Христова, что в Малой Коломне (народ называл ее храмом Михаила Архангела), в нижнем ее этаже. Но с годами назрела необходимость создания в Петербурге православного храма для эстонцев и под покровом его – школы, библиотеки, читальни. Заботы о больных и престарелых, помощь приютским детям, благотворительность – все это сплотило ранее чувствовавших себя изолированными православных эстонцев. Со временем приход отца Павла вырос в Православное эстонское братство во имя священномученика Исидора, пострадавшего в 1472 году в г. Юрьеве. Торжественное открытие братства состоялось 29 ноября 1898 года. По примеру древнерусских православных братств оно имело хоругвь с изображениями Крещения Господня и священномученика Исидора. На торжественных богослужениях братчики возжигали по древнему обычаю красные свечи.

Число прихожан в эстонском приходе постоянно росло. По ходатайству братства санкт-петербургская городская дума в заседании 18 апреля 1901 года безвозмездно уступила под постройку эстонского храма и дома для школы участок земли в 295 квадратных саженей на соединении набережной Екатерининского канала с Екатерингофским проспектом между Большой и Малой Мастерскими улицами.

Первым жертвователем на новый храм стал праведный Иоанн Кронштадтский. Как только эстонский приход получил из консистории сборную книгу, отец Иоанн пожертвовал приходу 300 рублей и на первой странице книги написал: "Всем сердцем моим молю Господа, Главу Церкви, да привлечет сердца доброхотов к посильным жертвам на устройство в столице православного эстонского храма. Кронштадтский протоиерей Иоанн Сергиев, 18 марта 1895 г." (Отчет о деятельности санкт-петербургского Православного эстонского братства за 1908 год. СПб., 1909, с. 9-10). Батюшка Иоанн до последних своих дней принимал деятельное участие в комиссии по построению храма и состоял почетным ее председателем.

Закладка храма состоялась 24 августа 1903 года, а уже 21 декабря того же года был торжественно освящен временный храм. В этот день в его стенах произнес слово отец Иоанн Кронштадтский. Он сказал: "Сегодня Господь сподобил нас вместе с православными эстонскими братьями присутствовать при архиерейском освящении первого временного православного эстонского храма в столице. Освящение как настоящего храма рукотворенного, так и нас всех, храмов нерукотворенных, проистекает от единого всеосвящающего Источника Бога и Сына Его единородного Господа нашего Иисуса Христа и Духа Святого.

Освящающий и освящаемые, все – от Единого, – говорит Апостол; то есть Христос, освящающий нас, и мы все, освящаемые Духом Святым, – все от Единого, то есть от Бога Отца; *поэтому Он* (Христос) *не стыдится называть нас братиями, говоря: возвещу имя Твое братиям Моим, посреди церкви* (или церковного собрания) *воспою Тебя* (Евр. 2, 11- 12).

Этот храм сооружен и освящен для совершения в нем богослужения и Таинств в душевную и телесную пользу эстонского народа, но он не чужд и для русских православных людей, здесь живущих, потому что все службы и Таинства будут совершаться в нем по обрядам и книгам Православной Церкви не только по-эстонски, но и по-русски и в нем могут молиться дружно, в одном духе, и эстонцы и русские. Таким образом единая вера Православная, единая Церковь, одинаковое богослужение и Таинства будут соединять людей двух народностей в одно духовное тело, в один дух, по слову Писания: *Едино тело, един дух, якоже и звани бысте во*

едином упований звания вашего... едина вера, едино крещение, един Бог и Отец всех (Еф. 4, 4-6).

Слава Церкви Божией, собирающей расточенных чад Божиих воедино. О том и молился Господь Отцу Своему Небесному, чтобы все люди были едино: *Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино* (Ин. 17, 21). Господь пришел на землю для того, чтобы составить из всех народов единую Церковь. Таким образом составляют едино Тело церковное и русский народ, и еллины, или греки, сербы, болгары, молдо-влахи, грузины, арабы, православные эстонцы, японцы, китайцы... Глава сего великого духовного Тела есть Христос Бог, умоливший Отца Своего ниспослать всем правоверующим в Него Духа Святого. *Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек* (Ин. 14, 16). Какая честь, какое достоинство, какое блаженство быть членами Тела Христова и иметь Главою Самого Христа и Бога и быть в общении с Духом Святым, Господом Животворящим! Христос Бог в безмерной любви Своей и снисхождении к нам, грешным, не стыдится назвать нас братьями Своими, и мы, как братья Христовы, должны иметь друг к другу взаимную любовь, не различая происхождения и звания, ибо все мы едино во Христе Иисусе. Какое название выше, благороднее, величественнее, честнее как название братий Христа Бога, чад Его, учеников Его, сочленов Тела Его?! А какое упование, какие обетования дарованы братиям Христовым, или истинным христианам? Они сонаследники Христу, сопрестольники в Царстве Отца Небесного, ибо сказано им: *Побеждающему дам сесть... на престоле Моем* (Откр. 3, 21). Но при этом заметим, что только побеждающему свои страсти и похоти и борющих врагов невидимых обещана такая почесть, а для этого всем нам нужно крепко подвизаться в этой временной жизни против многострастной плоти, против соблазнов мира и диавола и творить святыни в страхе Божием.

Итак, все мы, собравшиеся сегодня праздновать освящение нового храма, соединимся в братской любви и единомыслии. Как Христос не стыдится называть нас братьями Своими, так и мы будем называть нелицемерно друг друга братьями и жить во взаимной любви, без различия звания и состояния, и общими силами и молитвами будем достигать Царствия Божия, всеми силами подвизаясь против греха. Аминь".

Своей любовью к пастве и незаурядными способностями благочинный эстонских храмов Санкт-Петербургской епархии протоиерей Павел Кульбуш пользовался такой любовью верующих, что, когда с благословения высшей церковной власти православным эстонцам было предоставлено право избрать кандидата во епископы, все единодушно указали на него.

24 декабря 1917 года, в Навечерие Рождества Христова, отец Павел был пострижен в монашество с именем Платон и возведен в сан архимандрита, а 31 декабря, в день Отдания праздника Рождества Христова, в ревельском Александро-Невском соборе хиротонисан во епископа Ревельского митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским) и епископом Лужским Артемием (Ильинским).

После хиротонии епископ Платон сразу же поехал в Москву для представления Святейшему Патриарху Тихону и для участия в Поместном Соборе. Патриарх Тихон ввиду быстрого продвижения германских войск и сложности политического положения поручил Владыке Платону управление и всей Рижской епархией.

Чтобы не быть отрезанным от паствы, из Москвы епископ Платон немедленно отправился в Ревель, куда прибыл буквально за несколько дней до прихода германских войск. Положение епархии было тяжелым: храмы закрыты или разрушены, многие приходы остались без пастырей. Епископу Платону пришлось употребить всю свою энергию и волю, чтобы облегчить положение православных эстонцев. С полной самоотверженностью он испол-

нял долг архипастыря. Чтобы быть ближе к пасомым, он перенес свое местопребывание в г. Юрьев.

В деле устроения церковной жизни Владыка старался пробудить особенное воодушевление и энергию в приходском духовенстве и преданных Церкви мирянах. В одном из своих распоряжений он обратился к пастве с призывом: "Будем прежде всего интересоваться своим делом, любить его, верить в него. Для всех, вероятно, уже ясно, что, если не встрепенемся, не примемся за дело и не проявим самостоятельности, сами себя будем казнить". От духовенства Преосвященный Платон желал исполнения всего возможного не за страх, а за совесть – так, как того требовали состояние епархии и исключительность переживаемого момента. В частности, он высказывал пожелание, чтобы священнослужители возгревали в себе веру в Бога, искреннее благочестие и христианскую духовность, чтобы богослужения совершали с усердием, не опускали никогда домашней молитвы, призывали Бога во всех случаях жизни, чтобы читали слово Божие, заботились об обновлении знаний, о самообразовании, дабы не оказаться отсталыми, но быть всегда светилами, могущими заинтересовать, повести за собою, руководить. Владыка Платон требовал от духовенства близости к народу. "Ныне, – писал он в своем послании, – сила в народе, в единении с ним. Нужно духовенству искать частого общения с ним, встреч, разговоров, знакомства с их настроениями, надеждами, исканиями". Для этого он рекомендовал священнослужителям как можно чаще посещать прихожан, знакомиться с условиями их жизни, заниматься катихизацией – снабжать доброй книжкой, листками духовного содержания, обучать церковному пению. "Помоги, Господи, – заключает он, – всем нам полюбить народ и его жизнь и понести ему свет и разум. Деятелей вразуми и подкрепи".

За время своего епископства Владыка Платон объехал 71 приход, везде совершая богослужения, беседуя с народом, оказывая моральную поддержку духовенству. С неудовольствием смотрела на это германская власть, зорко следила за каждым его шагом и словом. Но Преосвященный Платон неустрашимо делал свое дело, торжественно встречаемый всюду и поддерживаемый любовью православных чад своих.

Несмотря на противодействие оккупационных властей, епископ Платон в мае 1918 года посетил Ригу, где в течение одиннадцати дней ежедневно совершал богослужения во всех церквах, ободрял угнетенный дух пасомых, устраивал пастырские собрания, при всех храмах учредил приходские советы.

Из Риги Владыка Платон предполагал совершить объезд ряда латышских приходов, но оккупационные власти не разрешили ему этого, а впоследствии и вообще запретили пользоваться железнодорожным транспортом. Тогда он в сопровождении трех человек частью на лошадях, частью пешком посетил до сорока приходов, где его проникновенные богослужения и проповеди поддерживали верующих. В ноябре того же года он вновь стремился посетить Ригу, но болезнь – испанка в тяжелой форме, осложненная крупозным воспалением легких, – не позволила осуществиться этому благому намерению.

Тем временем г. Юрьев был занят большевиками, которые 2 января 1919 года (по новому стилю) арестовали епископа Платона и после двенадцати мучительных дней заточения утром 14 января, перед своим уходом из города, расстреляли его.

Епископом Эстонии Владыка Платон был ровно один год, но и за это короткое время своего архиерейского служения сумел приобрести всеобщую любовь и уважение своей паствы. Высокообразованный, деятельный, живой и энергичный, он своей сердечной простотой и доступностью привлекал всех. Эстонец по происхождению, он горячо любил Россию, любил ее в вере православной, любил ее трудовой народ и в этой любви сближал Россию и русских

со своим народом, своей отчизной. И такому сближению приснопамятный Владыка Платон служил всю свою жизнь не за страх, а за совесть.

Вот как отзывалась о нем в некрологе газета "Ревельское слово": "Деятельность Преосвященного Платона в Прибалтийском крае продолжалась один год. Она совпала с занятием всей территории Эстляндии германцами. Везде были введены германские законы и порядок управления. Жизнь Православной Церкви в крае была также поставлена в зависимость от германского управления. Положение ее было исключительное. Она была взята под особый бдительный надзор. И Преосвященному Платону, как главе местной Церкви, пришлось быть на страже православно-церковных интересов и также проявить особенную бдительность и осторожность в своих действиях и распоряжениях, в которых он всегда старался стоять на почве закона, руководясь международными конвенциями, законами церковными, гражданскими законами Российской империи. Пользуясь, так сказать, этим юридическим аппаратом, Преосвященный Платон иногда достигал благоприятных для Церкви результатов. Но иногда отношения с германскими властями у него обострялись. Так, в одном письме он пишет: "С начальством германским наши разговоры стали серьезными. Стою на правде и интересах Церкви. А там – что Бог даст. Совесть будет спокойна, что сделано все возможное".

Вполне естественно, что деятельность Преосвященного Платона не могла проявиться в первый год его епископского служения во всей полноте при указанных препятствиях. На основе опыта и наблюдений Владыка намечал план и программу своей будущей деятельности в епархии. Сама деятельность предстояла в будущем... Но эта незаменимая жизнь оборвалась в самый важный исторический момент, когда особенно была нужна эта духовная сила.

Мир праху твоему, светлый, любвеобильный Владыка, отец нашей осиротелой Церкви. Твое имя, озаренное венцом мученичества, которое ты честно принял среди кипучих трудов, мы верим, навсегда сохранится в летописи Православной Церкви".

Публикация Александра ПАРМЕНОВА

"Свидетельство даже до смерти истины Христовой в Церкви Божией именуется мученичеством, и Сам Христос, *Свидетель верный* (Откр. 1, 5), *на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине* (Ин. 18, 37) и чтобы в крестных страданиях отдать жизнь Свою для искупления многих.

По слову Апостола, мы искуплены *драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца* (1 Пет. 1, 19). Свидетельство христиан есть прославление Бога и в жизни и в умирании: *живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем* (Рим. 14, 8).

Из "Деяния Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви" (31 марта – 4 апреля 1992 года)

Н. О. ЛОССКИЙ

ДОСТОЕВСКИЙ и его христианское миропонимание

Абсолютное совершенство

1. Бог

Религиозная жизнь Достоевского <...> тесно связана со всеми его представлениями о мире, о цели жизни, судьбе человека, общественном идеале. Все его мировоззрение имеет православно-христианский характер. Задача настоящей книги состоит именно в том, чтобы, пользуясь примером Достоевского, попытаться обрисовать один из значительных случаев христианского миропонимания.

Бесконечно сложное содержание Божественной правды, лежащей в основе христианства, не вмещается в ограниченном сознании земного человека. Многие великие философы и многие гениальные художники стремились выразить эту правду в своем творчестве, но все эти попытки далеки от совершенства: в каждой из них воплощены лишь те или другие стороны всеобъемлющей Божественной истины, но, оторванные от целого, они легко подвергаются искажениям. Поэтому видов христианского миропонимания много, и каждый из них содержит в себе своеобразные недостатки, обусловленные неполнотою. В некоторых важнейших пунктах мировоззрение Достоевского будет сопоставлено с другими течениями христианства, а также подвергнуто критике там, где, по мнению автора, оно отступает от идеальных основ христианства.

Художественное изображение мира, действительного и воображаемого, стоит ближе к Божественной правде, чем философское, потому что оно имеет конкретный характер. В самом

деле, все мировое бытие, действительное и возможное, предс-тоит пред разумом Божиим во всей конкретной полноте, как осознанное и опознанное Им в подлиннике. Такое знание есть доведенная до абсолютного совершенства "разумная интуиция", сочетающая в себе, по определению отца П. Флоренского, дискурсивную расчлененность (дифференцированность) до бесконечности с интуитивною интегрированностью до единства[1].

В божественно совершенной разумной интуиции конкретно-художественное созерцание мира сочетается с дискурсивно-философским пониманием его. В земном человеческом уме две эти стороны целостной Истины в значительной мере обособлены друг от друга, и к тому же каждая из них несовершенна, далека от полноты: художник осуществляет конкретное созерцание тех или других значительных частей мира без достаточно глубокого анализа; философ глубоко анализирует некоторые стороны мира, но дает лишь систему отвлеченных истин о нем.

Такой гениальный художник, как Достоевский, самим выбором тем своего творчества и выпуклостью изображения сторон жизни, которые он считает значительными, намечает основы своего миропонимания. Однако на долю философа остается еще немалая работа анализа, чтобы выразить миропонимание художника в отвлеченных положениях. Производя эту работу в отношении к Достоевскому, я буду опираться не только на его художественное творчество, но и на его письма, "Дневник писателя" и биографические сведения о нем, которыми можно подтвердить, что мысли, приписанные мною ему, действительно выражают его мировоззрение. Во многих случаях, однако, приходится довольствоваться лишь вероятными предположениями, так как нельзя привести вполне убедительных доказательств того, что та или другая мысль действительно входит в состав миропонимания Достоевского.

Для религиозного человека в центре всего его миропонимания стоит Бог. Глубокая вера такого человека не нуждается в умозаключениях и хитроумных доказательствах бытия Бога. Это не значит, что он довольствуется слепою верою, то есть лишь субъективным чувством доверия к словам "Бог существует". Наоборот, глубокая вера в Бога есть высшая форма знания о Боге, обладание абсолютно достоверным доказательством бытия Его, именно живым опытом, свидетельствующим, что Бог есть. Вл. Соловьев характеризует этот опыт как "радостное ощущение, что е с т ь существо бесконечно лучшее, чем мы сами, и что наша жизнь и судьба, как и все существующее, зависит именно от него, – не от чего-то бессмысленно рокового, а от действительного и совершенного Добра, – единого, заключающего в себе все. В настоящем религиозном ощущении дана действительность ощущаемого, мы на деле воспринимаем реальное присутствие Божества, испытываем в себе его действие[2]. Опыт, властно свидетельствующий о бытии Бога, у Достоевского был. О нем живо рассказала Софья Ковалевская словами самого Достоевского[3].

Опыт этот нередко осуществляется в сосредоточенной или в горячей молитве, а мы знаем, какою страстною и вместе сосредоточенною была молитва Достоевского. Бог в этом опыте открывается как Существо, столь совершенное и прекрасное, что душа человека наполняется чувством безмерной "радости о Господе". Все бедствия человеческой жизни, все жалкие нужды ее и все мировое зло бледнеют и отступают перед этою радостью. Живое сознание того, что Бог существует, дает человеку само по себе величайшее удовлетворение. "Есть существо выше, и за то счастье", – говорит Достоевский в своих "Записных тетрадях"[4].

Димитрий Карамазов, сидя в остроге и предвидя работу в рудниках на каторге, восклицает в беседе с Алешею:

"О, да, мы будем в цепях, и не будет воли, но тогда, в великом горе нашем, мы вновь воскреснем в радость, без которой человеку жить невозможно, а Богу быть, ибо Бог дает радость, это его привилегия, великая... Врет Ракитин: если Бога с

земли изгонят, мы под землей его сретим! Каторжному без Бога быть невозможно, невозможнее даже, чем некаторжному. И тогда мы, подземные человеки, запоем из недр земли трагический гимн Богу, у Которого радость! Да здравствует Бог и Его радость! Люблю Его!" – Митя, произнося свою дикую речь, почти задыхался. Он побледнел, губы его вздрагивали, и из глаз катились слезы" (XI, 4).

У псалмопевца при мысли о Господе от избытка сердца уста говорят: *Хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних. Хвалите Его все Ангелы Его, хвалите Его, все воинства Его. Хвалите Его, солнце и луна, хвалите Его, все звезды света* (Пс. 148).

Хвала Господу вырывается из сердца человека бескорыстно, просто потому, что видение хотя бы издали столь совершенного существа наполняет душу восторгом.

Вероятно, у всех людей хоть раз в жизни происходит "встреча" с Богом. Но этот сверхчувственный религиозный опыт слишком не похож на привычное знание о вещах, видимых глазом, осязаемых рукою и необходимых для удовлетворения повседневных нужд. Поэтому люди, не желающие, чтобы над ними стояло существо, безмерно превосходящее их своим совершенством, или люди, выработавшие миропонимание, несогласимое с религиозным опытом, легко могут усомниться в достоверности своего восприятия Бога и стараются истолковать его как иллюзию или даже как чисто субъективное эмоциональное состояние. Достоевский уже в молодости понимал, что высшие начала – "душа, Бог" познаются "сердцем, а не умом"; иными словами, сверхчувственное восприятие возможно лишь при напряжении всех духовных способностей, направленных на осознание бытия и ценностей. В конце жизни Достоевский еще определеннее указал условия, освобождающие дух от суеты мимо текущей мелкой действительности и возводящие его к вечным началам. На вопрос Хохлаковой, как достигнуть веры в Бога и бессмертия души, старец Зосима отвечает:

"Доказать тут нельзя ничего, убедиться же возможно. Как? Чем? – Опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж, несомненно, уверуете и никакое сомнение даже и не возможет зайти в вашу душу" (11, 4)[5].

Глубокая вера в Бога дает твердую опору во всех превратностях судьбы. Если Бог есть существо всемогущее, всеведущее и всеблагое, от которого все зависит, то мир в целом и во всех своих деталях имеет высокий смысл. Отсюда в душе человека возникает спокойствие и за судьбу мира, и за свою личную жизнь. *Господь – твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой, Бог мой, – скала моя; на Него я уповаю* (Пс. 17); *Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня* (Пс. 22).

Вера в Бога и Провидение всегда спасала и поддерживала Достоевского в трудные минуты его личной жизни. И в своем мировоззрении Достоевский, как всякий настоящий христианин, выводил все мировые ценности, придающие жизни смысл и обеспечивающие конечную победу добра, из положения, что Бог существует, что Он – Творец мира и Промыслитель.

Абсолютное добро состоит из таких содержаний бытия, которые для всех существ всего мира суть положительные ценности; таковы – нравственное добро, общеобязательная единая истина, объективная красота, полнота жизни, не стесняющая другие существа, а, наоборот, всем идущая на пользу. Все эти совершенства возможны лишь под условием, чтобы мир был органически единым целым, в котором все существа способны жить единодушно, если они свободно пожелают этого. Но такое строение мира возможно лишь в том случае, если он есть творение Единого Бога, всемогущего, всеблагого и всеведущего, создавшего мир с та-

ким соотношением всех его частей, что никто в мире не может совершенно замкнуться в себе – каждое существо так или иначе задето жизнью всех остальных существ. Царству таких существ, способных к самостоятельному творчеству, поставлена задача свободно осуществить высочайшее добро, если каждое из них будет творить нечто свое, но в полном единодушии и гармоническом соотношении с другими существами, так что целое жизни окажется совершенною полнотою бытия, дающего всем абсолютное удовлетворение. Цель эта достижима лишь путем свободного творчества, руководящегося любовью к Богу и всем творениям его.

Существа, объединенные такою совершенною любовью к Богу и сотворенному Им миру, удостаиваются обожения и участия в полноте Божественной жизни. Они суть члены Царства Божия, в котором сполна осуществлен принцип соборности. В самом деле, соборность, согласно учению, выработанному Хомяковым, есть свободное единство многих лиц на основе совместной любви их к Богу и ко всем абсолютным ценностям. К числу абсолютных ценностей принадлежат не только Бог, красота, добро, истина, полнота жизни, но и каждая действительная или хотя бы только возможная личность. Каждая личность при правильном использовании своих способностей может быть возведена Богом в Царство Божие. Там она участвует в соборном творчестве, которое состоит в том, что каждый член Царства Божия творит нечто индивидуально своеобразное, но так, что все вместе они создают единую гармоническую полноту жизни и совершенную красоту ее. Таким образом, каждый индивидуум есть неповторимая и незаменимая другими тварными существами абсолютная ценность.

Если высочайшее совершенство может быть достигнуто только свободно деятельными существами, то ясно, что некоторые из них могут злоупотребить своею свободою и поставить себялюбивые цели своей деятельности; в меру своего эгоизма они внесут в мир стеснение чужой жизни, нарушение гармонии, борьбу за существование, всевозможные виды зла и несовершенства, что мы и наблюдаем в действительности в нашем царстве бытия. Однако органическая связь всех существ друг с другом обеспечивает возможность совершенствования и постепенного преодоления зла. Каждая действительная и даже возможная личность остается и в состоянии падения абсолютно ценною, как носитель своего идеального назначения в мире.

Кто отрицает существование Бога, тот самим этим отрицанием вносит в свое миропонимание невознаградимую потерю. В самом деле, Бог есть Абсолютное Добро и Абсолютное Совершенство. Ограниченные существа, составляющие мир, могут достигнуть высшего совершенства не иначе как вступая в союз с этим сокровищем добра, приобщаемые Его благодатною помощью к полноте Его жизни. Если такое абсолютно совершенное бытие не существует изначально, то в будущем путем мировой эволюции оно никогда не возникнет: немыслимо и противоречиво утверждение, будто из ограниченных несовершенных существ может выработаться Существо Всемогущее, Всесовершенное, возникшее во времени и раньше во времени не существовавшее; сама его ограниченность во времени уже несогласима с понятием всемогущества и несовершенства. Итак, отрицание бытия Бога есть отрицание Абсолютного Добра и признание, что оно невозможно. Допустим, что это отрицание есть истина. Из нее, далее, следует, что нет единого центра, вокруг которого свободно могут объединиться в единодушном почитании его все мировые существа; соборное единение становится невозможным. Но этого мало, становится невозможным и соборное творчество. В самом деле, если Бога как первичной всеобъемлющей абсолютной ценности нет, то внутри мира нет абсолютных ценностей; абсолютная красота, совершенное нравственное добро, совершенная полнота жизни возможны в мире лишь как аналоги Божественных совершенств, творимые свободно и с о б о р н о множеством лиц, которые сотворены Единым Богом, наделившим их такими свойствами и способностями, что они

могут изначала или после ряда испытаний прийти к единодушию в Бога, причем каждое из этих лиц само есть абсолютно ценный, неповторимый и незаменимый индивидуум. Каждая личность и каждый творимый ею поступок в таком мире без Бога были бы только относительным добром, то есть добром для данного лица и злом для других лиц или в лучшем случае добром для большей или меньшей группы существ (например, для семьи, сословия, нации), но злом для остальных лиц. В таком мире красота была бы относительна: для меня – красота, а для соседа – безобразие. Даже нравственное добро было бы до самой глубины своей относительно: у разных сословий, у различных народов, в различные эпохи – различное считалось бы добродетелью без всякой возможности свести все эти различия к высшему единству. Неудивительно поэтому, что Димитрий Карамазов в тюрьме был встревожен беседами с Ракитиным, отрицавшим Бога, и говорил Алеше:

"Меня Бог мучит. Одно только это и мучит. А что, как Его нет? Что, если прав Ракитин, что это идея искусственная в человечестве? Тогда, если Его нет, то человек шеф земли, мироздания. Великолепно! Только как он будет добродетелен без Бога-то? Я все про это. Ибо кого же он будет тогда любить, человек-то? Кому благодарен-то будет, кому гимн-то воспоет? У меня одна добродетель, а у китайца другая – вещь, значит, относительная. Или нет? Или не относительная?" (XI, 4).

Если нет абсолютных ценностей в мире, то и личность человеческая не есть абсолютная ценность: данное индивидуальное лицо для одних есть нечто положительное ценное, добро, а с точки зрения других – зло. Последовательный вывод отсюда есть формула: "Все дозволено". Прийти к этому выводу тем легче, что отрицание бытия Бога обыкновенно сочетается с отрицанием индивидуального личного бессмертия. В самом деле, придя к мысли, что личность есть нечто преходящее, вспыхивающее на время и потом на веки погасающее, необходимо признать, что личность не имеет абсолютной ценности. Миусов, излагая взгляды Ивана Карамазова, приписывает ему утверждение, что для лица, "не верующего ни в Бога, ни в бессмертие свое, ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено, даже антропофагия" (II, 6).

"Все, дескать, позволено, говорили-с, а теперь вот как испугались!" – язвил Смердяков Ивана во время третьего свидания, незадолго до того, как повесился (XI, 8).

Достоевскому приходила иногда в голову мысль, что если бы человечество окончательно утратило веру в Бога и бессмертие, то, может быть, тогда все силы людей направились бы на любовь друг к другу и к природе.

"Подросток" рассказывает, что Версилов однажды развивал перед ним эту мысль:

"Осиротевшие люди тотчас же стали бы прижиматься друг к другу теснее и любовнее; они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляют все друг для друга. Исчезла бы великая идея бессмертия, и приходилось бы заменить ее; и весь великий избыток прежней любви к Тому, Который и был бессмертие, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и в той мере, в какой постепенно сознавали бы свою преходимость и конечность, и уже особенною, уже не прежнею любовью. Они стали бы замечать и открыли бы в природе такие явления и тайны, каких и не предполагали прежде, ибо смотрели бы на природу новыми глазами, взглядом любовника на возлюбленную. Они просыпались бы и спешили бы целовать друг друга, торопясь любить, сознавая, что дни коротки, что это – все, что у них остается. Они работали бы друг на друга, и каждый отдавал бы всем все свое и тем одним был бы счастлив. Каждый ребенок знал бы и чувствовал, что всякий на земле – ему как отец и мать. "Пусть – завтра последний день мой, думал бы каждый, смотря на заходящее солнце; но все равно я умру, но останутся

все они, а после них дети их" – и эта мысль, что они останутся, все так же любя и трепеща друг за друга, заменила бы мысль о загробной встрече. О, они торопились бы любить, чтобы затушить великую грусть в своих сердцах. Они были бы горды и смелы за себя, но сделались бы робкими друг за друга; каждый трепетал бы за жизнь и за счастье каждого. Они стали бы нежны друг к другу и не стыдились бы того, как теперь, и ласкали бы друг друга, как дети. Встречаясь, смотрели бы друг на друга глубоким и осмысленным взглядом, и во взглядах их была бы любовь и грусть..." (III, 7, 3).

Обсуждая эту мысль, нужно различать две возможности. Во-первых, допустим, что Бога и бессмертия действительно нет и, следовательно, человек есть лишь относительная ценность; знание об этих истинах, знание о своей малоценности естественно ослабляло бы в человеке любовь к другим людям и уважение к самому себе. В этих условиях можно ожидать от человека того поведения, которое изображено в "Пире во время чумы". Только у некоторых, у немногих людей, одаренных творческою фантазиею и способных представить себе идеал абсолютного совершенства, могла бы явиться "великая грусть" и проникнутая жалостью любовь ко всем существам. Но это была бы только любовь отчаяния, та любовь-жалость, которую проповедует буддизм. Наиболее высокая любовь, поддерживаемая христианским миропониманием, любовь, побуждающая содействовать расцвету личной жизни в направлении к абсолютному совершенству, была бы невозможна в этом мире, потому что эта цель была бы неосуществима.

Второе возможное толкование мечты Версилова такое: Бог и бессмертие существуют, но люди утратили веру в эти две великие основы абсолютного добра. По-видимому, именно такое положение имел в виду Версилов, потому что заканчивает он эту беседу с сыном словами: "Замечательно, что я всегда кончал картинку мою видением, как у Гейне, "Христа на Балтийском море". Я не мог обойтись без Него. Не мог не вообразить Его, наконец, посреди осиротевших людей. Он приходил к ним, простирал к ним руки и говорил: "Как могли вы забыть Его?" И тут как бы пелена упадала со всех глаз и раздавался бы великий восторженный гимн нового и последнего воскресения..."

В наше время в культурных странах большинство людей утратили веру в бессмертие и в Бога, по крайней мере в Бога как абсолютно совершенное существо, всемогущее, всеблагое и всеведущее. Мы знаем, что отсюда не получилось возрастание любви, о которой мечтал Версилов. Вследствие органической связи всего мира действительность Бога и бессмертия, а также возможность абсолютного совершенства сохраняются в подсознании у всех людей и потому безотчетно влияют на поведение их. Отсюда у лучших людей возникает драма сознательного отрицания возможности совершенства и тем не менее бессознательного стремления к нему. У других, менее чутких, сохраняется стремление служить добру, но на место всестороннего совершенства они ставят абсолютированные ими относительные ценности, например государство, расу, нацию, социализм, и, став слепыми к другим ценностям, считают допустимыми все средства в борьбе за свой идеал. Наконец, третьи, наиболее эгоистичные, начинают бессовестно эксплуатировать всех и все для своей выгоды и своего удовольствия.

Достоевский в своей художественной и публицистической деятельности изобразил все три вида следствий утраты веры в Бога и бессмертие. Первый вид получил наиболее глубокое выражение во внутренней драме жизни Ивана Карамазова; второй вид изображен в общественной драме фанатически разрушительной деятельности революционеров – "Бесов"; третий вид дан в образе Федора Павловича Карамазова и Смердякова. Подробно все они будут рассмотрены в связи с проблемою зла, тем более что в каждом из этих видов есть много разновидностей.

Бытие Бога и бессмертие души прочно стоят в центре миропонимания Достоевского. Он не сомневается в истинности веры в них и твердо знает всепроникаю-

щее значение их: если Бога нет, то нет и абсолютного добра, нет абсолютного смысла жизни, нет совершенной добродетели. Каждая ступень в этом ряду отрицательных или соответствующих им утвердительных выводов связана с остальными ступенями рядом промежуточных звеньев, которые могут быть установлены только в глубоко разработанном философском мировоззрении. У громадного большинства христиан такого систематически выработанного мировоззрения нет, но обыкновенно они непосредственно усматривают, инстинктивно чуют, что правда на стороне тех, кто утверждает связь между первым и последним положением: если Бога и бессмертия нет, то нет и добродетели. Апостол Павел говорит: *По рассуждению человеческому, когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мертвые не воскресают? Станем есть и пить, ибо завтра умрем!* (1 Кор. 15, 32). Эти слова нельзя истолковать как выражение грубого эвдемонизма: если нет бессмертия, то нет и потусторонней награды, и потому не стоит быть добродетельным. Кто знает жизнь Апостола Павла и содержание его посланий, тот понимает, что он имел в виду такое же положение, как и Достоевский: если нет личного индивидуального бессмертия, то нет в мире подлинного добра и нравственное поведение, которое было бы абсолютною ценностью, неосуществимо. Но философии, в которой были бы установлены все промежуточные звенья между исходным предположением и конечным выводом, у Апостола Павла не было. И у Достоевского не было обстоятельно формулированной системы учений о мире. Мало того, задача выработать христианскую философию, хотя и есть много великих опытов ее, начиная с отцов Церкви и кончая нашим временем, остается до сих пор нерешенною, да и никогда не будет доведена до конца в условиях земной жизни человека.

Сам Достоевский говорил о себе: "Шваховат я в философии (но не в любви к ней; в любви к ней я силен)"[6]. Религиозный опыт давал ему непосредственную абсолютную уверенность в том, что Бог есть и бессмертие существует. Но у него возникали сомнения в том, как согласить с бытием Бога глубины мирового зла; также и некоторые другие проблемы христианского миропонимания вызывали в нем сомнение, как это было указано в главе "Религиозная жизнь Достоевского". Но благодаря силе своего ума и глубине религиозного опыта Достоевский понимал, что решать недоумение сплеча, просто путем отрицания Бога есть нелепость: нельзя отвергать очевидную истину из-за того, что не умеешь найти связь ее с другими истинами и фактами. Поэтому в письме к сестре своей Вере по поводу кончины ее мужа он называет атеизм "глупым" и говорит, что "будущая жизнь есть необходимость, а не одно утешение" (№ 295, 1.II.1868). Устами князя Мышкина он высказывает замечательное критическое соображение по поводу доводов в пользу атеизма. Князь Мышкин рассказывает Рогожину, как он в вагоне познакомился с ученым С. и беседовал с ним об атеизме:

"В Бога он не верует. Одно только меня поразило: что он вовсе как будто не про то говорил, во все время, и потому именно поразило, что и прежде, сколько я ни встречался с неверующими и сколько ни читал таких книг, все мне казалось, что и говорят они, и в книгах пишут совсем будто не про то, хотя с виду и кажется, что про то. Я это ему тогда же и высказал, но, должно быть, не ясно, или не умел выразить, потому что он ничего не понял..." ("Идиот", II, 4).

И действительно, доводы атеистов против бытия Бога всегда логически несовершенны: они "не про то говорят", потому что в лучших случаях указывают только на трудные проблемы, связанные с мыслью о Боге и Его отношении к миру, а воображают, будто доказали, что Бога нет. Ту же мысль, только иными словами высказывает Макар Иванович в "Подростке":

"Безбожника-то я совсем не стречал ни разу, а стречал заместо его суетливого – вот как лучше объявить его надо. Всякие это люди; не сообразишь какие люди; и большие и малые, и глупые и ученые, и даже из самого простого звания бы-

вают, и все суета. Ибо читают и толкуют весь свой век, насытившись сладости книжной, а сами все в недоумении пребывают и ничего разрешить не могут. Иной весь раскидался, самого себя перестал замечать. Иной паче камене ожесточен, а в сердце его бродят мечты; а другой бесчувствен и легкомыслен и лишь бы ему насмешку свою отсмеять. Иной из книг выбрал одни лишь цветочки, да и то по своему мнению; сам же суетлив и в нем предрешения нет. Вот что скажу опять: скуки много. Иной все науки прошел – и все тоска. И мыслю так, что чем больше ума прибывает, тем больше и скуки. Да и то взять: учат с тех пор, как мир стоит, а чему же они научили доброму, чтобы мир был самое прекрасное и веселое и всякой радости преисполненное жилище? И еще скажу: благообразия не имеют, даже не хотят сего; все погибли, и только каждый хвалит свою погибель, а обратиться к единой Истине не помыслит; а жить без Бога – одна лишь мука. И выходит, что чем освещаемся, то самое и проклинаем, а и сами того не ведаем. Да и что толку: невозможно и быть человеку, чтобы не преклониться; не снесет себя такой человек, да и никакой человек. И Бога отвергнет, так идолу поклонится – деревянному, али златому, аль мысленному. Идолопоклонники это все, а не безбожники, вот как объявить их следует. – Ну, а и безбожнику как не быть? Есть такие, что и впрямь безбожники, только те много пострашней этих будут, потому что с именем Божиим на устах приходят. Слышал неоднократно, но не стречал я их вовсе. Есть, друг, такие, и так думаю, что и должны быть они" (III, 11, 3).

"Inquietum est cor nostrum, dones requiescat in Te, Domine" ("Беспокойно сердце наше, пока не успокоится в Тебе, Господи"), – говорит святой Августин. Поэтому атеизм нередко есть искание правды и добра, попавшее на ложную дорогу и вследствие того наполняющее душу тоскою и неуверенностью в себе; отсюда у людей страстных и настойчивых является фанатический воинствующий атеизм! Князь Мышкин говорит о русских людях: "наши не просто становятся атеистами, а непременно у в е р у ю т в атеизм, как бы в новую веру, никак и не замечая, что уверовали в нуль. Такова наша жажда!" "Коль атеистом станет, то непременно начнет требовать искоренения веры в Бога насилием, то есть стало быть и мечом" (IV, 7). Епископ Тихон утверждает, что "полный атеизм почтеннее светского равнодушия" ("Исповедь Ставрогина"); "равнодушие только совсем не верует. Атеизм самый полный ближе всех, может быть, к вере стоит" ("Записные тетради" Достоевского, 1935, с. 229).

Своеобразные особенности атеизма и атеистов объясняются следующим образом. Бог дан человеку в религиозном опыте как нечто непосредственно созерцаемое. Но вследствие несоизмеримости Бога с миром, когда человек пытается перейти от сознания о Боге и чувств благоговения, восхищения, священного трепета к з н а н и ю об этом предмете, к выражению Его в понятиях, он схватывает только некоторые стороны Его и во множестве случаев роковым образом заблуждается, внося в понятие о Нем признаки, лишь отдаленно напоминающие Его по аналогии, и развивая весьма неточные учения о Нем, так что последовательные выводы из них привели бы к крайним искажениям религиозного чувства и религиозного миропонимания. К счастью, однако, большинство людей не делают системы выводов из своих ложных понятий о Боге и удовлетворяются просто сознанием того, что е с т ь Высшее абсолютно ценное существо[7].

Попытки утонченно философских учений о Боге обыкновенно содержат в себе, как и самые примитивные представления о Нем, множество неясностей и неточностей, из которых могут получиться выводы, далеко отклоняющиеся от истины. В тетрадях Достоевского имеется следующая заметка о Боге, записанная в день смерти его первой жены, 16 апреля 1864: человек "идет от многоразличия к синтезу, от фактов к обобщению их и познанию. Натура Бога другая. Это полный синтез всего бытия, саморассматривающий себя в многоразличии, в анализе"[8]. Возможно, что это понимание Бога так или иначе навеяно общением с гегельян-

цами. Достоевский, вероятно, и не подозревал, что оно ведет к пантеизму и даже к учению о зависимости Божественного самосознания от мировой множественности. Три года спустя он писал роман "Идиот" и, без сомнения, вместе с князем Мышкиным восхищался мыслью о Боге, услышанною на улице от простой бабы, у которой на руках был грудной ребенок: ребенок ей улыбнулся в первый раз от своего рождения.

"Смотрю, она так набожно, набожно вдруг перекрестилась. "Что ты, говорю, молодка?" – "А вот, говорит, точно так, как бывает материна радость, когда она первую от своего младенца улыбку заприметит, такая же точно бывает и у Бога радость, всякий раз, когда Он с неба завидит, что грешник перед Ним от всего своего сердца на молитву становится". Это мне баба сказала, почти этими же словами, и такую глубокую, такую тонкую и истинно религиозную мысль, такую мысль, в которой вся сущность христианства разом выразилась, то есть все понятие о Боге как о нашем родном отце и о радости Бога на человека, как отца на свое родное дитя – главнейшая мысль Христова" (II, 4).

Это конкретно- художественное восприятие Бога стоит ближе к истине, чем вышеприведенная философская формула; оно и руководило Достоевским в его мироощущении, противоположном "бунту" Ивана Карамазова, но в точных понятиях он его не выразил.

2. Иисус Христос

Стремясь к Богу как абсолютному добру и желая осуществить в своей жизни совершенную праведность, человек с тревогою задумывается над вопросом, осуществим ли идеал добра на земле. Величие и своеобразие христианства заключается в том, что оно дает положительный ответ на этот вопрос в самой убедительной форме: в самом деле, Церковь не только выработала отвлеченный догмат о Богочеловечестве Иисуса Христа, но еще и позаботилась о том, чтобы конкретное содержание жизни Иисуса Христа как совершенного добра, осуществленного в человеческой природе, стало близким каждому верующему; весь культ она пронизала образом Христа, который есть для нас "путь и истина и жизнь" (Ин. 14, 6).

"Христос приходил за тем, – пишет Достоевский в заметках к "Бесам", – чтобы человечество узнало, что природа духа человеческого может явиться в таком небесном блеске, в самом деле и во плоти, а не то что в одной только мечте и в идеале. Последователи Христа, обоготворившие эту просиявшую плоть, засвидетельствовали в жесточайших муках, какое счастье носить в себе эту плоть, подражать совершенству этого образа и веровать в него во плоти"[9].

Набрасывая, вероятно, ответ на открытое письмо Кавелина о пушкинской речи, напечатанное в "Вестнике Европы" (1880, ноябрь), Достоевский записал в своих тетрадях следующие мысли о прочном основании нравственности, защищенном от всяких искажений:

"Если мы не имеем авторитета в вере и во Христе, то во всем заблудимся. Нравственные идеи есть. Они вырастают из религиозного чувства, но одной логикой оправдаться никогда не могут. На той почве, на которой вы стоите, вы всегда будете разбиты. Вы тогда не будете разбиты, когда примете, что нравственные идеи е с т ь (от чувства, от Христа), доказать же, что они нравственны, нельзя (соприкасание мирам иным). Убеждение же человечества в соприкасании мирам иным, упорное и постоянное, тоже ведь весьма значительно"[10]. Эти же мысли выражены и старцем Зосимою:

"На земле же воистину мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова образа перед нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий перед потопом. Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с

миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад Свой, и взошло все, что могло взойти, но взращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным; если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и взращенное в тебе. Тогда станешь к жизни равнодушен и даже возненавидишь ее" (VI, 3).

Необходимую связь совершенной нравственности с верою во Христа понимают лишь те люди, которые до конца осознали абсолютный идеал личности, именно обожение лиц, достойных стать членами Царства Божия. Предчувствие этого Царства есть "касание мирам иным". Все великие отцы Церкви, особенно Восточной, согласно считают обожение конечною целью жизни. Но и дохристианская греческая мысль уже выработала эту идею. Согласно Платону, цель жизни есть "уподобление Богу по возможности" (Теэтет). Точно так же, согласно Аристотелю, Бог есть высшая цель, к которой стремится весь мир как к предмету своей любви. Особенно широко распространилось учение Платона об уподоблении Богу как цели жизни: стоит только вспомнить позднейших сторонников платонизма I и II веков по Рождестве Христовом, и в особенности основателя неоплатонизма Плотина с его многочисленными последователями.

Для осуществимости идеала обожения человека нужны многие условия – своеобразное строение мира и тесная связь Бога с миром. Важнейшее из этих условий есть боговоплощение, то есть вступление в мировой процесс Самого Сына Божия, сотворившего идею абсолютно совершенной человечности и осуществляющего ее в своей жизни. Сын Божий, как от века существующий Небесный человек, снисшедший на землю в образе земного человека Иисуса Христа, служит миру примером осуществленного добра, более того, руководителем к добру и, еще важнее, благодатным содеятелем преображения природы падшего человека, свободно полюбившего Его и жаждущего возрождения.

Мысль об этом значении Христа особенно ярко обрисовалась в уме Достоевского в день смерти его первой жены, 16 апреля 1864 года.

"Маша лежит на столе, – пишет Достоевский. – Увижусь ли с Машей? Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек. Между тем, после появления Христа, как идеала человека во плоти, стало ясно, как день, что высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (в самом конце развития, в самом пункте достижения цели), чтобы человек нашел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может делать человек из своей личности, из полноты развития своего я, – это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье. Таким образом, закон я сливается с законом гуманизма и в слитии оба, и я и все (по-видимому две крайние противоположности), взаимно уничтожаясь друг для друга, в то же самое время достигают и высшей цели своего индивидуального развития каждый особо.

Это-то и есть рай Христов. Вся история как человечества, так отчасти и каждого отдельно есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели.

Но если эта цель окончательная человечества (достигнув которой ему не надо будет развиваться, то есть достигать, бороться, прозревать при всех падениях своих идеалов и вечно стремиться к нему, – стало быть, не надо будет жить), то, следовательно, человек есть на земле существо только развивающееся, следовательно, не оконченное, а переходное.

Но достигать такой великой цели, по моему рассуждению, совершенно бесс-

мысленно, если при достижении цели все угасает и исчезает, то есть если не будет жизни у человека и по достижении цели.

Следовательно, есть будущая, райская жизнь.

Какая она, где она, на какой планете, в каком центре, то есть в лоне всеобщего синтеза, то есть Бога? – мы не знаем. Мы знаем только одну черту будущей природы будущего существа, который вряд ли будет и называться человеком (следовательно, и понятия мы не имеем, какими будем мы существовать). Эта черта предсказана и предуказана Христом – великим и конечным идеалом развития всего человечества, представшим нам, по закону нашей истории во плоти; эта черта:

"Не женятся и (не) посягают, а
живут как ангелы Божии" –

черта глубоко знаменательная.

1) Не женятся и не посягают, ибо не для чего; развиваться, достигать цели посредством смены поколений уже не надо и

2) женитьба и посягновение на женщину есть как бы величайшее отталкивание от гуманизма, совершенное обособление пары от всех. (Мало остается для всех.) Семейство, то есть закон природы, но все-таки ненормальное, эгоистическое в полном смысле состояние от человека. Семейство – это высочайшая святыня человека на земле, ибо посредством этого закона природы человек достигает развитием (то есть сменой поколений) цели. Но в то же время человек, по закону же природы, во имя окончательного идеала своей цели должен беспрерывно отрицать его (двойственность).

Антихристы ошибаются, опровергая христианство следующим основным пунктом опровержения: "Отчего же христианство не царит на земле, если оно истинно; отчего же человек до сих пор страдает, а не делается братом друг другу?"

Да очень понятно почему: потому что это идеал будущей окончательной жизни человека, а на земле человек в состоянии переходном. Это будет, но будет после достижения цели, когда человек переродится по законам природы окончательно в другую натуру, которая не женится и не посягает.

3) Сам Христос проповедовал свое учение как идеал, Сам предрек, что до конца мира будет борьба и развитие (учение), ибо это закон природы, потому что на земле жизнь развивается, а там – бытие полное синтетически, наслаждающееся и наполненное, для которого, стало быть, "времени не будет".

Это слитие полного я, то есть знания и синтеза, со всем. "Возлюби все, как себя". Это на земле невозможно, ибо противоречит закону развития личности и достижения окончательной цели, которым связан человек. Следовательно, это закон не идеальный, как говорят антихристы, а нашего идеала.

Итак, все зависит от того: принимается ли Христос за окончательный идеал на земле, то есть от веры христианской. Коли веришь во Христа, то веришь, что и жить будешь вовек.

Есть ли в таком случае будущая жизнь для всякого я? Говорят, человек разрушается и умирает весь. Мы уже потому знаем, что не весь, что как физически рождающий сына передает ему часть своей личности, так и нравственно оставляет память свою людям (поминание вечной памяти на панихидах знаменательно), то есть входит частью своей прежней, жившей на земле личности в будущее развитие человечества. Мы наглядно видим, что память великих развивателей человека живет между людьми (равно как и злодеев развития), и даже для человека величайшее счастье походить на них. Значит, часть этих натур входит и плотью и одушевленно в других людей. Христос весь вошел в человечество, и человек стремится преобразиться в Я Христа как в свой идеал.

Достигнув этого, он ясно увидит, что и все достигавшие на земле этой цели вошли в состав его окончательной натуры, то есть Христа. (Синтетическая натура

Христа изумительна. Ведь это натура Бога – значит, Христос есть отражение Бога на земле. Как воскресает тогда каждое я – в общем синтезе – трудно представить.

Но живое, не умершее даже до самого достижения и отразившееся в окончательном идеале должно ожить в жизнь окончательную, синтетическую, бесконечную. Мы будем лица, не переставая сливаться со всем, не посягая и не женясь и в различных разрядах (в дому Отца моего обители мнози суть).

Все себя тогда почувствует и познает. Навечно. Но как это будет, в какой форме, в какой природе – человеку трудно и представить себе окончательно.

И как человек стремится на земле к идеалу, противоположному его натуре. Когда человек не исполнил закона стремления к идеалу, то есть не приносил л ю б о в ь ю в жертву своего я людям или другому существу (я и Маша), он чувствует страдание и назвал это состояние грехом. И так человек беспрерывно должен чувствовать страдание, которое уравновешивается райским наслаждением исполнения закона, то есть жертвой. Тут-то и равновесие земное. Иначе земля была бы бессмысленна (а?).

Учение материалистов – всеобщая косность и механизм вещества, значит, смерть.

Учение истинной философии – уничтожение косности, то есть центр и синтез вселенной и наружной формы ее – вещества, то есть Бог, то есть жизнь бесконечная"[11].

Эти мысли Достоевский записал в то время, когда закончил первую часть "Записок из подполья" и готовился писать вторую часть их. Именно в эту пору Достоевскому открылась, как показано в главе о его религиозной жизни, такая всепроникающая бездна зла в человеке, что он понял необходимость полного и чудесного преображения души и тела для преодоления зла и для осуществления совершенного добра. Изменение должно быть столь глубоким, что лицо, достигшее райского совершенства, "вряд ли будет и называться человеком"[12], но каждое из них при этом не утратит своеобразия, а, наоборот, разовьет свою индивидуальность вполне, как нечто ценное для всех.

Перерождение человека для преодоления зла в себе требует интимной онтологической (бытийственной) связи человечества с Иисусом Христом как воплощенным Логосом. В самом деле, зло эгоистического себялюбия так проникает всю природу падшего человека, что для избавления от него недостаточно иметь перед собою п р и м е р жизни Иисуса Христа; нужна еще такая тесная связь природы Христа и мира, чтобы благодатная сила Христа сочеталась с силою человека, свободно и любовно стремящегося к добру, и совместно с ним осуществляла преображение человека. Такая тесная связь двух существ есть частичное е д и н о с у щ и е их. Но единосущие человека и Бога невозможно[13]; поэтому Второе Лицо Святой Троицы – Логос для благодатного сотрудничества с миром воплотился, усвоив Себе человеческую природу: как Богочеловек, Он своею Божественною природою единосущен Богу-Отцу и Духу Святому, а своею человеческою природою единосущен человечеству; Он служит посредником между Богом и миром.

Единосущие каждого человека с Богочеловеком есть вместе с тем и единосущие всех людей друг с другом. Человечество есть единый организм, во главе которого стоит Богочеловек Иисус Христос. Церковь, к которой видимо или невидимо принадлежат все существа, свободно и искренно стремящиеся к добру, есть Тело Христово, согласно христианскому учению, особенно подчеркнутому в русской литературе Хомяковым.

Достоевский хорошо понимал истину учения об онтологическом единстве всего человечества.

"Вся ошибка "женского вопроса", – пишет Достоевский в 1880 году, – в том, что делят неделимое, берут мужчину и женщину раздельно, тогда как это единый

целокупный организм. "Мужа и жену создал их". Да и с детьми, и с потомками, и с предками, и со всем человечеством человек единый целокупный организм. А законы пишут все разделяя и деля на составные элементы. Церковь не делит"[14].

Христианские учения о Боге, о личном индивидуальном бессмертии, о Царстве Божием и органическом единстве человечества содержат в себе необходимые условия для признания абсолютной ценности каждой личности и обязательности движения в направлении к абсолютному добру, осуществимому лишь на основе любви ко всем существам. Утрата христианского миропонимания с неумолимою логическою последовательностью приводит рано или поздно к отрицанию возможности абсолютного совершенства, к принижению идеала, к все более унизительным учениям о личности и к отрицанию абсолютных прав ее. Позитивизм, "научная философия", материализм, отрицая идею трансцендентного Царства Божия, неизбежно ведут по пути всевозрастающего снижения идеала. Некоторые зачинатели этого движения были людьми высокоблагородными; отбросив христианскую метафизику, они непоследовательно сохраняли в своем уме и совести нравственные выводы из нее и руководились ими в жизни; они не предвидели того, что преемники их вместе с основами христианства откинут также следствия их и придут к убеждению, что "все позволено" для достижения излюбленных ими целей. Удивительно, как ясно предвидел этот процесс Достоевский. Он говорит, что русские юноши сделали крайние выводы из учений "всех этих Миллей, Дарвинов и Штраусов".

"Мне скажут, пожалуй, – продолжает Достоевский, – что эти господа вовсе не учат злодейству; что, например, хоть бы Штраус и ненавидит Христа, и поставил осмеяние и оплевание Христианства целью всей своей жизни, то все-таки он обожает человечество в его целом, и учение его возвышенно и благородно, как нельзя более. Очень может быть, что это все так и есть и что цели всех современных предводителей европейской прогрессивной мысли – человеколюбивы и величественны. Но зато мне вот что кажется несомненным: дай всем этим современным высшим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново, – то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что все здание рухнет под проклятиями человечества, прежде чем будет завершено. Раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных результатов. Это аксиома"[15].

Отрицатели трансцендентного Царства Божия ненавидят религию, как "опиум для народа", опаивающий ум пустыми мечтами и отвлекающий от реального дела устроения земного благополучия. Старец Зосима отвечает им:

"Если у нас мечта, то когда же вы-то воздвигнете здание свое и устроитесь справедливо лишь умом своим, без Христа? Если же и утверждают сами, что они-то, напротив, и идут к единению, то воистину веруют в сие лишь самые из них простодушные, так что удивляться даже можно сему простодушию. Воистину у них мечтательной фантазии более, чем у нас. Мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью, ибо кровь зовет кровь, а извлекший меч погибнет мечом. И если бы не обетование Христово, то так и истребили бы друг друга даже до последних двух человек на земле. Да и сии два последние не сумели бы в гордости своей удержать друг друга, так что последний истребил бы предпоследнего, а потом и себя самого".

Наше время есть начало исполнения этого пророчества. Люди, обоготворившие государство, нацию, расу, коммунистический коллектив, захватывают власть и считают, что им "все позволено" для достижения их целей. Спасение от окончательной катастрофы может быть найдено только в возврате к христианскому идеалу абсолютного добра в Царстве Божием: только на его основе человек неуклонно воспитывается в уважении и любви ко всякой личности, освобождается от фа-

натической одержимости односторонними учениями и от торопливых попыток облагодетельствовать народы против их воли путем деспотических революционных насилий. Поняв эту истину, Достоевский начал в своих романах обличать насильников и стал задаваться целью изобразить "положительно-прекрасного человека", руководящегося в своей деятельности образом Христа.

3. Царство Божие. Бессмертие

Учение Христа есть "благая весть" (Евангелие) о Царстве Божием, то есть о царстве тварных существ, абсолютно совершенных, удостоенных обожения. Глава этого царства – Иисус Христос, Логос, Второе Лицо Святой Троицы; члены его – Богоматерь, Ангелы, святые и все те совершившие грехопадение существа, которые после более или менее длительного процесса развития, преодолев свое исключительное себялюбие, полюбили Бога больше себя и ближнего своего, как себя самого.

Строение этого царства, духовные свойства и тела лиц, находящихся в нем, глубоко отличны от свойств нашего царства бытия, которое я буду называть психоматериальным. Все деятельности членов Царства Божия имеют целью усвоение и осуществление только абсолютных ценностей – созерцание славы Божией, творение красоты, нравственного добра, познание целостной истины, созидание полноты жизни. Бытие, воплощающее в себе чистые абсолютные ценности, состоит из таких благ, например красоты, истины, которыми могут наслаждаться и пользоваться вместе все доразвившиеся до них существа, и чем большее количество лиц пользуется ими, тем более возрастает ценность этого пользования. В самом деле, эти блага неделимы и неистребимы при пользовании ими; в этом глубокое отличие их от относительных ценностей и благ, например от пищи, которую приходится делить между различными лицами, причем каждое истребляет свою долю, съедая ее, и, если запас пищи ограничен, может возникнуть борьба за обладание ею, борьба за существование.

Члены Царства Божия не имеют никаких потребностей, удовлетворяемых делимыми и истребимыми, относительными благами: они не нуждаются в пище, питье, половой жизни и т.п. Это не значит, что они – бесплотные духи. Они обладают телами, но телесность их – преображенная, состоящая из света, звуков, тепла и других взаимопроницаемых чувственных качеств. Непроницаемых материальных тел у них не может быть. В самом деле, непроницаемая материя есть не что иное, как совокупность действий взаимного отталкивания двух или более существ. Такие взаимные отталкивания возможны лишь между существами, у которых есть эгоистические взаимно исключающие стремления, требующие овладения некоторым объемом пространства в свое до некоторой степени исключительное пользование. Члены Царства Божия совершенно свободны от эгоизма, они не стремятся ни к каким относительным ценностям, проникнуты любовью ко всем существам и потому не производят никаких актов отталкивания. Тела их взаимопроницаемы, нематериальны и, следовательно, не подчинены законам материальной природы. Преображенные тела духоносны: они суть совершенное воплощение и выражение вовне духовной жизни и абсолютных ценностей. Никакими механическими силами они не разрушимы. Поэтому телесная смерть членов Царства Божия невозможна. Проникнутые друг к другу и к Богу совершенною любовью и все вместе живя соборным творчеством, осуществляющим лишь абсолютные ценности, они никогда не покидают друг друга, не обособляются друг от друга; в этом Царстве нет никаких явлений распада, которые и составляют сущность смерти. И вследствие любви членов Царства Божия ко всем существам, и вследствие возникающего отсюда строения этого Царства никакой борьбы за существование в нем нет, да она и не имела бы смысла.

Согласно всему сказанному, Царство Божие есть "мир иной", глубоко отличный от нашего царства вражды, царства психоматериального бытия. Так как основа этого Царства есть любовь к Богу и ко всем тварям, то Иисус Христос сказал: "Царство Божие внутри вас есть". Эти слова, однако, не следует понимать так, как будто Царство Божие существует только внутри души совершенного существа: все внутреннее всегда воплощено, то есть выражено и вовне. Следовательно, Царство Божие существует и в н у т р и духовной жизни членов его и в н е ее: оно есть своеобразная область бытия, имеющая свое особое строение. Не следует, однако, воображать, будто этот "мир иной" занимает особое место в пространстве, где-то далеко от нас, в расстоянии каких-нибудь миллиардов километров. Нет, оно находится тут, возле нас; телесные проявления членов его взаимопроницаемы и проницаемы в отношении к нашей материальной природе; они окружают нас со всех сторон, но мы осознаем их только в исключительных случаях и крайне несовершенно[16].

Кто отрицает существование Царства Божия как своеобразной сферы бытия со сверхбиологическою жизнью, кто думает, что всякая духовная и душевная жизнь зависит от удовлетворения биологических потребностей так, как мы наблюдаем это в нашем психоматериальном царстве, тот логически последовательно должен прийти к мысли, что идеал, заповеданный нам Иисусом Христом, неосуществим. Если под "ближним", которого нужно любить, как себя, следует разуметь каждого человека, то ограниченность наших сил, скованных потребностями материального тела, ставит осуществлению этого идеала на каждом шагу препятствия, и потому переводить его из области мечты в состав действительности приходится лишь в очень скромных размерах. Кто не верит в возможность преображения тела, тот должен, подобно детям пастора Санга в драме "Свыше нашей силы" Бьернстерна-Бьернсона, прийти к убеждению, что христианский идеал неосуществим. Еще более трудным представляется положение с точки зрения сторонников персоналистической метафизики, то есть учения о том, что все существа, из которых состоит мир, суть действительные или потенциальные личности (примером может служить монадология Лейбница, а в русской философии метафизика Козлова, Лопатина, С.Алексеева (Аскольдова), моя философская система). Согласно такому учению, даже электрон, протон и т.п. есть существо развивающееся, способное подниматься на более высокие ступени бытия и, наконец, стать личностью. Сторонник персонализма должен понимать христианство как учение о любви ко всем тварям без исключения и содействовать одуховлению всей природы. С точки зрения этого учения не только притеснение человека человеком, но и хищническая эксплуатация природы есть грех; абсолютный идеал совершенства требует такого типа жизни, который может быть осуществлен без всякой борьбы за существование, то есть даже и без насилия над природою. Явным образом он может быть осуществлен лишь в том случае, если от земной человеческой жизни, связанной с биологическими потребностями, можно подняться к жизни более возвышенной, сверхбиологической, осуществимой в "мире ином", в Царстве Божием.

Достоевский вполне понимал, что христианское мировоззрение требует учения о Царстве Божием как особом типе абсолютно совершенного бытия. В главе о "Религиозной жизни Достоевского" мною приведен рассказ Тимофеевой-Починковской, с каким глубоким волнением думал Достоевский о "мирах иных". Выше были приведены также слова старца Зосимы о "мирах иных". Но особенно следует остановиться здесь на мыслях Достоевского, записанных им в день смерти жены. Всю историю человечества и жизнь каждой отдельной личности он рассматривает как развитие, цель которого есть совершенное преодоление эгоистической исключительности и достижение "рая Христова". Земной человек, эгоист, есть существо "неоконченное", "переходное". Из человека разовьется существо, свободное

от эгоизма, осуществляющее заповедь "возлюби все, как себя"; человек, достигнувший такого совершенства, настолько изменит свою природу, что "вряд ли будет и называться человеком (следовательно, и понятия мы не имеем, какими будем мы существовать)". Достижение этой цели есть не прекращение жизни и не пассивное созерцание славы Божией, а переход к высшей полноте личной жизни: "Мы будем лица, не переставая сливаться со всем, не посягая и не женясь, и в различных разрядах" ("в дому Отца моего обители мнози суть").

Совершенство личности в Царстве Божием включает в себя и достижение ею высшей и крайней возможной ступени свободы. В самом деле, в этом царстве человек, обладая преображенным телом, не зависит от материальной природы, не подчинен правилам физики, химии, физиологии: единодушное сочетание сил, сопутствуемое благодатным содействием Бога, дает членам этого Царства безграничную творческую мощь, то есть положительную материальную свободу. Само собою разумеется, эта свобода не превращается в бессмыслицу, которой хотел бы антигерой "Записок из подполья", говорящий, что "дважды два пять премилая иногда вещица".

Переход от земной жизни к Царству Божию есть воскресение. Познакомившись с учением Н.Ф.Федорова о том, что главная задача потомков содействовать воскрешению предков, Достоевский писал Н.Петерсону, сообщившему ему это учение: "Я и Соловьев верим в воскресение реальное, буквальное, личное и в то, что оно сбудется на земле" (24, III, 78).

"Милая Соня, – писал он десятью годами раньше своей племяннице, – неужели Вы не верите в продолжение жизни и, главное, в прогрессивное и бесконечное, в сознание и в общее слияние всех. Но знайте что "le mieux n'tst trouve que par le meilleur". Это великая мысль! Удостоимся же лучших миров и воскресения, а не смерти в мирах низших" (№ 305).

Развитие, ведущее к Царству Божию и вечной совершенной жизни в нем, придает смысл всем страданиям и бедствиям, которые испытывает человек в земной жизни, пока не исполнил "стремления к идеалу". Без этой цели "земля была бы бессмысленна" (запись в день смерти жены). Отсюда понятно, что люди, не верящие в бессмертие, опустошаются, наполняют жизнь мелкими целями или ожесточаются и нередко кончают самоубийством. Социальное бедствие самоубийства сильно привлекало к себе внимание Достоевского. В письмах, в "Дневнике писателя" и в своих художественных произведениях он много внимания уделяет ему.

Самые страстные и сильные высказывания о необходимости бессмертия для осмысленности жизни Достоевский изложил в виде исповеди самоубийцы-материалиста и затем своих пояснений к ней[17]. "Какое право имела эта природа производить меня на свет, вследствие каких-то там своих вечных законов? – рассуждает воображаемый Достоевским "самоубийца от скуки", материалист. – Какое право природа имела производить меня, без моей воли на то, сознающего? Сознающего, стало быть, страдающего, но я не хочу страдать – ибо для чего бы я согласился страдать? Природа, чрез сознание мое, возвещает мне о какой-то гармонии в целом. Человеческое сознание наделало из этого возвещения религий. Она говорит мне, что я, – хоть и знаю вполне, что в "гармонии целого" участвовать не могу и никогда не буду, да и не пойму ее вовсе, что она такое значит, – но что я все-таки должен подчиниться этому возвещению, должен смириться, принять страдание ввиду гармонии в целом и согласиться жить. Посмотрите, кто счастлив на свете и какие люди соглашаются жить? Как раз те, которые похожи на животных и ближе подходят под их тип по малому развитию их сознания". "Жрать, да спать, да гадить, да сидеть на мягком – еще слишком долго будет привлекать человека к земле, но не в высших типах его", – поясняет от себя Достоевский. Я спрошу, говорит самоубийца, "для чего устраиваться и употреблять столько стара-

ний устроиться в обществе людей правильно, разумно и нравственно-праведно. Все, что мне могли бы ответить, это: чтоб получить наслаждение. Да, если б я был цветок или корова, я бы и получил наслаждение. Но, задавая, как теперь, себе беспрерывно вопросы, я не могу быть счастлив, даже и при самом высшем и непосредственном счастье любви к ближнему и любви ко мне человечества, ибо знаю, что завтра же все это будет уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человечество – обратимся в ничто, в прежний хаос. А под таким условием я ни за что не могу принять никакого счастья – не от нежелания согласиться принять его, не от упрямства какого из-за принципа, а просто потому, что не буду и не могу быть счастлив под условием грозящего завтра нуля. Ну, пусть бы я умер, а только человечество осталось бы вместо меня вечно, тогда, может быть, я все же был бы утешен. Но ведь планета наша не вечна и человечеству срок – такой же миг, как и мне. И как разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на земле человечество – все это тоже приравняется завтра к тому же нулю. В этой мысли заключается какое-то глубочайшее неуважение к человечеству, глубоко мне оскорбительное, и тем более невыносимое, что тут нет никого виноватого. Теперь прибавьте к тому, что той же природе, допустившей человека, наконец-то до счастья, почему-то необходимо обратить все это завтра в нуль, несмотря на все страдание, которым заплатило человечество за это счастье, и, главное, нисколько не скрывая этого от меня и моего сознания, как скрыла она от коровы, – то невольно приходит в голову одна чрезвычайно забавная, но невыносимо грустная мысль: "Ну, что, если человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы, чтобы только посмотреть: уживется ли подобное существо на земле или нет". Грусть этой мысли, главное – в том, что опять-таки нет виноватого, никто пробы не делал, некого проклясть, а просто все произошло по мертвым законам природы, мне совсем непонятным, с которыми сознанию моему никак нельзя согласиться".

Эту исповедь самоубийцы Достоевский поясняет в главе "Голословные утверждения" следующими соображениями:

"Высшая идея на земле лишь одна, и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные "высшие" идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из одной ее вытекают".

Самоубийца, говорит Достоевский, хотел найти примирение в любви к человечеству. Но вытекающее из материалистического мировоззрения "неотразимое убеждение в том, что жизнь человеческая в сущности такой же миг, как и его собственная, и что на завтра же, по достижении "гармонии" (если только верить, что мечта эта достижима), человечество обратится в тот же нуль, как и он, силою косных законов природы, да еще после стольких страданий, вынесенных в достижении этой мечты, – эта мысль возмущает его дух окончательно, именно из-за любви к человечеству возмущает, оскорбляет его за все человечество и – по закону отражения идей – убивает в нем даже самую любовь к человечеству. Любовь к человечеству – даже совсем немыслима, непонятна и совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой. Самоубийство при потере идеи о бессмертии становится совершенною и неизбежною даже необходимостью для всякого человека, чуть-чуть поднявшегося в своем развитии над скотами. Напротив, бессмертие, обещая Вечную жизнь, тем крепче связывает человека с землей. Тут, казалось бы, даже противоречие: если жизни так много, то есть кроме земной и бессмертная, то для чего бы так дорожить земною-то жизнью? А выходит именно напротив, ибо только с верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле. Без убеждения же в своем бессмертии связи человека с землей порываются, становятся тоньше, гнилее, а потеря высшего смысла жизни (ощущаемая хотя бы лишь в виде самой бессознательной тоски), несомненно, ведет за собою самоубийство. Отсюда обратно и нравоучение моей октябрьской ста-

тьи: если убеждение в бессмертии так необходимо для бытия человеческого, то, стало быть, оно и есть нормальное состояние человечества, а коли так, то и самое бессмертие души человеческой существует несомненно. Словом, идея о бессмертии – это сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества".

4. Богородица

Царь царей, Господь Бог, есть глава Царства Божия, а среди тварных членов этого Царства верховное положение принадлежит Богоматери. Пресвятая Дева Мария удостоилась быть посредницею воплощения Логоса, Второго Лица Святой Троицы, потому что обладала совершенною душевною чистотою и проявляла полную преданность воле Божией[18].

С этими качествами неразрывно связана и совершенная красота, удостоверенная видениями святых, мистиков и вообще тех людей, которые удостоились этой милости Божией[19]. Христианское искусство во все века стремится различными способами выразить духовную значительность и красоту Богоматери в иконах, картинах, статуях и в поэзии. В Православной и Католической Церкви культ Богоматери высоко развит. Акафисты, литании, богородичные праздники сосредоточивают внимание верующих на всевозможных совершенствах Святой Девы Марии. В душу человека глубоко западает конкретный образ совершенного воплощения Святой Женственности и наряду со столь же прекрасным образом Христа бессознательно воспитывает, постепенно преобразует душу верующих[20]. Глубокого сожаления заслуживает протестантизм, обеднивший себя своим сосредоточением на абстрактной духовности и отрицанием культа Божией Матери.

В жизни Достоевского почитание Божией Матери и любовь к художественным изображениям ее занимали очень видное место, как это выяснено в главе о религиозности. Любимая молитва его, усвоенная в детстве и читаемая им до конца жизни, была: "Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Своим!" В Дрездене Достоевский часами простаивал перед Сикстинскою мадонною. Перед копией этой картины, висевшею в его кабинете, жена часто заставала его стоящим в молитвенном настроении. Иконопочитание и вера в существование чудотворных икон не ослабевала, а усиливалась в душе Достоевского, как он сам засвидетельствовал об этом[21]. В России есть несколько икон Богоматери, особенно чтимых народом, и верующие люди, поклонившись одной иконе, ищут случая или предпринимают паломничество для поклонения также и другим иконам ее. Эту черту народной веры глубокомысленно объясняет отец П.Флоренский.

"Каждая законная икона Божией Матери – "явленная", то есть ознаменованная чудесами и, так сказать, получившая одобрение и утверждение от Самой Девы Марии, засвидетельствованная в своей духовной правдивости Самою Девою-Матерью, есть отпечатление одной лишь стороны, светлое пятно на земле от одного лишь луча Благодатной, одно из живописных имен Ее. Отсюда – существование множества "явленных" икон; отсюда – искание поклониться разным иконам. Наименования некоторых из них отчасти выражают их духовную сущность, например "Нечаянная радость, "Умиление", "Всех Скорбящих", "Взыскание погибших", "Скоропослушница", "Нерушимая стена" и другие.

Само собою разумеется, такая многогранность Девы Марии присуща ей в особенности в ее сверхземной, небесной жизни. Согласно Флоренскому, "она есть центр тварной жизни, точка соприкосновения земли с небом. Она – Царица Небесная и тем более Земная". "Она имеет космическую власть" (столп и утверждение истины).

Нельзя допустить, чтобы такое существо, имеющее первостепенное значение для всего мира, было сотворено Богом впервые приблизительно две тысячи лет тому назад, когда у святых Иоакима и Анны родилась дочь Мария и приобрела космическую силу впервые после своего Успения. Система мира, поскольку он сохраняет в себе во всех царствах своих добро, не может существовать без такого верховного Ангела Хранителя. Ценные соображения об этом имеются у Вл. Соловьева, у отца П. Флоренского и у отца С. Булгакова.

Согласно Соловьеву, среди тварных существ есть единый центр осуществления Божественного замысла о мире; этот центр есть Душа мира, София. В отношении к Логосу София есть Тело Христово. Но Тело Христово в его вселенском аспекте есть Церковь. Следовательно, София есть Церковь, невеста Божественного Логоса. Она же, как женственная индивидуальная личность, есть Пресвятая Дева Мария[22]. Соловьев дал колеблющееся и непоследовательное учение о Софии, поскольку в некоторых своих сочинениях говорит о падении Софии. Отец П.Флоренский усваивает основную мысль Соловьева, отбрасывая, конечно, учение о падении: "Если София есть вся тварь (в ее первозданной идеальной основе), то душа и совесть твари – Человечество – есть София по преимуществу. Если София есть Человечество, то душа и совесть Человечества – Церковь – есть София по преимуществу. Если София есть Церковь, то душа и совесть Церкви – Церковь Святых – есть София по преимуществу. Если София есть Церковь Святых, то душа и совесть Церкви Святых – Ходатаица и Заступница за тварь пред Словом Божиим, судящим тварь и рассекающим ее надвое, Матерь Божия – "миру Очистилище – опять-таки есть София по преимуществу"[23].

Все перечисленные Соловьевым и Флоренским грани находит в святой Софии также и отец С. Булгаков[24]. Учение своих предшественников он дополняет различением тварной Софии и Божественной Софии. Его учение о Божественной Софии как природе (усии) Бога и в связи с этим учение о тварной Софии, чрезмерно сближающее онтологический состав Бога и человека, придает его мировоззрению пантеистический характер и потому не может быть принято как по логическим, так и по религиозным соображениям[25]. Но после соответствующих поправок и оговорок остальные мысли его о тварной Софии сохраняют высокую ценность.

У Достоевского есть слабые намеки на интерес к софийному космическому лику Богоматери. Слабоумная Хромоножка в "Бесах", беседуя с Шатовым, рассказывает ему, как однажды она в монастыре заявила во всеуслышание: "А по-моему, Бог и природа есть все одно". После этого и "шепни мне, из церкви выходя, одна наша старица, на покаянии у нас жила за пророчество: "Богородица что есть, как мнишь?" – "Великая мать, отвечаю, упование рода человеческого". – "Так, говорит, Богородица – великая мать сыра земля есть и великая в том для человека заключается радость. И всякая тоска земная, и всякая слеза земная – радость нам есть; а как напоишь слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься. И никакой, никакой, говорит, горести твоей больше не будет, таково, говорит, есть пророчество". Запало мне тогда это слово. Стала я с тех пор на молитве, творя земной поклон, каждый раз землю целовать: сама целую и плачу. Уйду я, бывало, на берег к озеру: с одной стороны наш монастырь, а с другой – наша острая гора, так и зовут ее горой Острою. Взойду я на эту гору, обращусь я лицом к востоку, припаду к земле, плачу, плачу и не помню, сколько времени плачу: и не помню я тогда и не знаю я тогда ничего. Встану потом, обращусь назад, а солнце заходит, да такое большое, да пышное, да славное, – любишь ты на солнце смотреть, Шатушка? Хорошо, да грустно. Повернусь я опять назад к востоку, а тень-то, тень-то от нашей горы далеко по озеру, как стрела, бежит, узкая, длинная-длинная и на версту дальше, до самого на озере острова, и тот каменный остров совсем как есть пополам его перережет, и как перере-

жет пополам, тут и солнце совсем зайдет и все вдруг погаснет" (1, IV, 5). Такое восприятие природы есть видение человеком земной красоты, как лучей Царства Божия, пронизывающих и нашу область бытия. В образе самой Хромоножки, говорит отец С. Булгаков, "таится величайшее прозрение Достоевского в Вечную Женственность, хотя и безликую, а в мысли о Богородице, как матери – сырой земле, видение "Ее космического лика"[26].

Связь человека с землею как живым существом сказывается и в наставлениях старца Зосимы: "Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, все люби, ищи восторга и исступления сего. Омочи землю слезами радости твоея и люби сии слезы твои. Исступления же сего не стыдись, дорожи им, ибо есть дар Божий, великий, да и не многим дается, а избранным".

Если Богоматерь есть воплощение хотя и тварного, но сверхземного существа, обладающего всеобъемлющею космическою силою, то чудесные свойства Ее могут быть приняты нашим умом без сопротивления. Она – Дева, но в то же время и матерь. Католическая Церковь выработала на Ватиканском Соборе догмат о непорочном зачатии также и самой Девы Марии. И это учение также стало бы легко приемлемым, если признать, что Она есть от века член Царства Божия.

Надо вообще заметить, что насмешливое и абсолютное отрицание таких чудес, как непорочное зачатие, свидетельствует о крайне поверхностном характере современного просвещения. Каждый научный закон подлежит множеству ограничений, и только немногие из этих ограничительных условий известны науке. К тому же биологические процессы и вообще подчинены не законам, а только правилам, которые могут быть отменены творческою изобретательностью организма, вырабатывающего новые пути жизни[27]. В особенности мало известны условия, дающие толчок яйцу, чтобы из него начал развиваться зародыш нового организма. У низших животных, особенно у насекомого, часто наблюдается партеногенез (девственное рождение), то есть развитие нового организма из яиц, не подвергавшихся оплодотворению. Кроме того, и у тех животных, у которых нормально в природе не наблюдается партеногенеза, опыты показывают, что толчком к развитию яйца могут служить весьма разнообразные воздействия, иногда даже просто укол. Таким образом, вера простых людей в чудесное рождение Иисуса Христа свидетельствует о свободе их духа; наоборот, люди, горделиво называющие себя "свободомыслящими", своим решительным отрицанием чудес свидетельствуют о том, что ум их наивно и рабски подчиняется преходящим теориям науки.

5. Святые

Не только Ангелы и Божия Матерь, но также и святые входят в состав Царства Божия. Культ святых занимает видное место в жизни Православной и Католической Церкви. Почитание великих людей во всех областях культуры широко распространено во всем мире; тем более понятно почитание людей, воплотивших в своей жизни различными путями и в чрезвычайно разнообразных формах высшую из ценностей – святость.

Святые люди заботятся не только о спасении своей души, но и печалуются о всем мире. Став членами Царства Божия, они получают чрезвычайно расширенные возможности благодатного воздействия на жизнь падших существ. Общение святых (communio sanctorum) с нашим царством бытия выражается в весьма разнообразных формах – в явлениях их тем, кто нуждается в их наставлении, в укреплении своих сил и т. п., в чудесах, происходящих при их мощах и при обращении к ним с просьбою о молитве пред Богом за нас. Оказывают они и незримую помощь нам в самых разнообразных случаях жизни. В этом влиянии их на нашу

жизнь не может сомневаться тот, кто признает органическую связь всех царств бытия друг с другом.

Святые, жизнь которых и индивидуальный характер известны в живой конкретной форме, например Сергий Радонежский, Серафим Саровский, Франциск Ассизский, вызывают к себе горячую любовь. Образ их, укореняясь в сознании и даже в подсознании, мощно содействует воспитанию характера человека. Усвоение имени того или другого святого ребенку при крещении устанавливает таинственную связь между ним и святым. Поэтому в православном быту принято праздновать не столько день рождения, сколько день именин: религиозно-духовная сторона жизни важнее телесной. Обычай, распространившийся в протестантских странах, давать ребенку любые имена, например названия городов (Сидней и т. п.), свидетельствует о глубоком упадке религиозного идеала личности.

В жизни и творчестве Достоевского религиозный идеал святости занимает господствующее положение. Особенною любовью его пользовался святой Алексей, Божий Человек, также святой Тихон Задонский. Задумывая роман "Житие великого грешника", он хочет изобразить русский положительный тип и находит его в святом Тихоне, а не в Лаврецком или Рахметове (Письма, № 346). И действительно, в его произведениях высшие положительные образы воплощают святость или, по крайней мере, движение к ней: князь Мышкин, Макар Иванович, старец Зосима, Алеша Карамазов.

Чудесные свойства святых привлекали к себе внимание Достоевского. Замечательную прозорливость, свойственную многим святым, и даже способность ясновидения он художественно изобразил в рассказе о земном поклоне старца Зосимы перед Димитрием Карамазовым, в описании общения старца с людьми, ищущими его совета или утешения, и в его предсказании старушке о получении письма от сына или даже возвращении его домой.

Еще более чудесный характер имеет сверхпространственное и сверхвременное влияние личности святых как при жизни их на земле, так и после смерти. В романе Виктора Гюго "Отверженные", который был особенно любим Достоевским, рассказано, как во время нравственного перерождения Жана Вальжана, а также в час смерти его в его душу входит образ епископа Бьенвеню. Такое влияние святого прекрасно изображено Достоевским в "Братьях Карамазовых". Когда Алеша поколебался в своей вере, обиженный "тлетворным запахом" от тела старца Зосимы, когда Грушенька подала ему "луковку" и, вернувшись в монастырь, он, стоя на коленях и молясь у тела старца, задремал, старец явился ему во сне, как званный на брак в Кане Галилейской. Алеша вышел в сад у скита. "Полная восторгом душа его жаждала свободы, места, широты. Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный Млечный путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною... Алеша стоял, смотрел и вдруг, как подкошенный, повергся на землю.

Он не знал, для чего обнимал ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами и исступленно клялся любить ее, любить во веки веков. "Облей землю слезами радости твоея и люби сии слезы твои..." – прозвенело в душе его. О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и "не стыдился исступления сего". Как будто нити от всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его и она вся трепетала, "соприкасаясь мирам иным". "С каждым мгновением он чувствовал ясно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его". "Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бой-

цом, и сознал, и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь свою потом этой минуты. "Кто-то посетил мою душу в тот час", – говорил он потом с твердою верою в слова свои..."

Примечания

[1]П.Флоренский. "Столп и утверждение истины", 43, 63. (См.: Флоренский П. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. – *Ред.*)

[2]В.Соловьев. "Оправдание добра", гл. VIII, 2. См. потрясающие сообщения о религиозном опыте в книге отца Сергия Булгакова "Свет Невечерний" (с. 7-17). См. также книгу R. Otto "Das Heilige".

[3]См.: Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1-2. М.: Худ. лит., 1964. – *Ред.*

[4]Достоевский Ф.М. Записные тетради, 1935, с. 224. (См.: Достоевский Ф.М. ПСС: В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. – *Ред.*).

[5]См. статью С.Гессена о деятельной любви как пути к познанию Бога по Достоевскому.

[6]Письмо к Н.Страхову, № 349, 28.V.1870.

[7]О том, как трудно перейти от непосредственной данности Бога в опыте к правильному понятию о Нем, ценные соображения высказаны в статье Вл. Соловьева "Понятие о Боге" и в статье А. А. Козлова "Сознание Бога и знание о Боге" (Вопросы философии, 1895, кн. 29, 30).

[8]См.: Вышеславцев Б. Достоевский о любви и бессмертии. – Современный Запад, № 50, с. 295. (См.: О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. М.: Книга, 1990. – *Ред.*).

[9]"Записные тетради" Достоевского, 1935, с. 155. (См.: Достоевский Ф. М. ПСС: В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. – *Ред.*).

[10]Биография, письма и заметки из "Записной книжки" Достоевского, 1883, с. 374. (См.: Достоевский Ф. М. ПСС: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. – *Ред.*).

[11]Найдено Б.Вышеславцевым в "Записной книжке" Достоевского. См. его статью "Достоевский о любви и бессмертии" в журн.: Современный Запад, № 50, с. 293-297.

[12]См. об этом мою статью "Воскресение во плоти" (Путь, 1931).

[13]Об онтологической пропасти, отделяющей природу тварного мира от Творца, см. мою статью "О творении мира Богом" (Путь, 1937, № 54).

[14]Биография, письма..., с. 355. (См.: Достоевский Ф.М. ПСС: В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. – *Ред.*).

[15]Дневник писателя, 1873. (См.: Достоевский Ф. М. ПСС: В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. – *Ред.*).

[16]См., например, отдел "Мистическая интуиция" в моей книге "Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция".

[17]Дневник писателя, 1876, октябрь, I. Приговор: декабрь, III. Голословные утверждения. (См.: Достоевский Ф. М. ПСС: В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. – *Ред.*).

[18]См. об этом ценные соображения в "Купине Неопалимой" отца С. Булгакова.

[19]См. об этом в моей книге "Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция" в главе "Видения святых и мистиков" (с. 204-218).

[20]См. книгу Вышеславцева "Этика преображенного эроса", в которой подробно выяснено сублимирующее значение конкретных образов святости.

[21]См.: Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1-2. М.: Худ. лит., 1964. – *Ред.*).

[22]Чтения о Богочеловечестве. III, с. 129; La Russie et l'Eglise universelle, 258-262; Идея человечества у Августа Конта. VIII, 240; История и будущность теократии, IV, 231.

[23]П. Флоренский. Столп и утверждение истины, с. 350.

[24]Булгаков С. Свет Невечерний, с.213.

[25]См. об этом мою статью "О творении мира Богом" (Путь, 1937, № 54).

[26]С. Булгаков."Тихие думы", статьи "Русская трагедия" (с. 11) и "Победитель-Побежденный" (судьба К.Н.Леонтьева, с. 130).

[27]См. об этом мою книгу "Свобода воли". (См.: Лосский Н. Избранное. М.: Правда, 1991. – *Ред.*).

(Продолжение следует)

Н. О. Лосский и его труд о Ф. М. Достоевском

В церковных кругах наиболее известно имя богослова В. Н. Лосского, в то время как Н. О. Лосский, всемирно известный философ, вспоминается лишь по случаю или в связи с сыном – В. Н. Лосским. Круг ученых знает философа и использует его богатое наследие, однако книги, изданные за рубежом, на родине не распространяются. Увы, повторяется судьба философа И. А. Ильина.

Н. О. Лосский в связи с Ф. М. Достоевским ценен для нас вдвойне.

Целая плеяда литературных критиков и философов открывала Достоевского на начальном этапе своего творчества, в молодые годы – это и Розанов, и Мережковский, и Бердяев с С. Булгаковым – в их трудах была дерзость мысли, энергия и напор молодости, однако не хватало духовного опыта. С позиций ортодоксального Православия Достоевский оставался неисследованным, не было такой работы, по которой можно было бы оценивать его миропонимание. Правда, необходимо было и время, чтобы подняться до понимания гения Достоевского.

Н. О. Лосский занимался исследованием творчества Достоевского смолоду, можно сказать, он жил Достоевским, однако книгу о нем издал лишь на восьмом десятке лет. "В течение многих лет, читая и перечитывая Достоевского, – пишет в предисловии к книге Лосский, – я делал записи о важных идеях его. Совет Тесленко (юрист, друг детства. – *Б. С.*) навел меня на мысль, что я могу изобразить великие достоинства христианства посредством гения Достоевского. В 1939 году книга моя была закончена..." (Автору исполнилось 69 лет, а напечатана на русском языке книга была лишь в 1952 году.) Особая ценность работы очевидна – это не литературная критика, это рассуждения христианского философа на основе творчества Достоевского и его миропонимания; исследование и в то же время самостоятельная философская работа – сплав христианского опыта и зрелой философской мысли.

Н. О. Лосский (1870-1965) родился в Креславке Витебской области (сегодня это Краслава, Латвия). Родители философа переселились в Белоруссию из Польши. Когда-то знатный дворянский род выродился, обеднел. Отец служил лесником, затем приставом; мать целиком отдавала себя семье – у Лосских было пятнадцать детей! Отец рано скончался (1881), но и тогда всех детей готовили к получению высшего образования. В 1881 году Лосский поступил в Витебскую классическую гимназию, откуда спустя семь лет был исключен за увлечение социализмом. И тогда юноша решил искать образование за границей. Он побывал в Швейцарии, в Алжире, однако спустя два года без образования и без денег возвратился в Витебск. И только после этого Лосский едет в Санкт-Петербург, где и поступает в университет – сначала на физико-математический факультет, а затем на историко-филологический, где его учителями становятся философы А. И. Введенский и А. А. Козлов. Тогда же его познакомили с Вл. Соловьевым, который предоставил ему возможность подрабатывать переводами немецких философов. Именно так возник перевод "Критики чистого разума" Канта. До сих пор учащийся и ученый мир пользуются этой работой Канта именно в переводе Н. Лосского. По окончании университета Лосского направляют на стажировку в Германию. Именно за границей и появился на свет первенец – Владимир, будущий православный богослов.

Возвратившись в Санкт-Петербург, Лосский защитил магистерскую диссертацию. С этого времени фактически и началась его научная и преподавательская деятельность. Казалось бы,

академическая жизнь философа предопределена, но впереди ожидали суровые испытания, связанные с революциями и войнами. С 1917 по 1922 год – пятилетка бедствий. Достаточно сказать, что в 1918 году в холодной квартире, без лекарств умерла от дифтерита десятилетняя дочь Маша. (Для нас важно заметить, что именно смерть дочери привела Лосского в Церковь...) Осенью 1921 года уже известный философ был уволен из университета – теперь "за идеализм", а в 1922 году его арестовали и вместе с другими представителями научной интеллигенции выслали за границу. Берлин, Прага, Братислава, Лондон, Париж, Нью-Йорк – и всюду научная и лекционная деятельность. Не тотчас пришел Лосский к своим вершинам. Лишь после того, как в процессе изучения национального философского наследия ему "открылась значительность русской философии", он начал подводить итоги не как европейский философ, а как философ национальный, русский. "История русской философии", "Достоевский и его христианское миропонимание", "Характер русского народа" – вот его итоговые работы. Свое же профессорство Лосский завершил в стенах Духовной Академии святого Владимира в Нью-Йорке. Сотни статей, десятки книг, новое направление в философии – интуитивизм – таковы плоды творческой жизни Николая Онуфриевича Лосского, плоды, которыми мы, его соотечественники, до сих пор не можем пользоваться.

Исследование о Достоевском разделено на две части: часть I – "Личность Достоевского", часть II – "Миропонимание Достоевского".

Личность Достоевского, как известно, формировалась в сложных условиях: он прошел через атеизм демократа Белинского, через социальный утопизм Петрашевского, через каторгу с кандалами и солдатскую службу, через сомнения и отрицания, выйдя в конце концов к идеалам Христа и Православия. Все это известно. Но Лосский рассматривает не только характер Достоевского, не только и не столько внешние приметы его судьбы, но главным образом формирование личности, тем самым переплетая собственную идею с идеей всего творчества Достоевского, с его философией личности, основоположником которой он и является. Ведь в романах и повестях писателя не просто литературные персонажи, не просто литературные типы, но личности, доведенные до общечеловеческих обобщений. Именно поэтому творчество русского гения близко и понятно и в Японии, и в Германии, да и во всем читающем мире. Нет другого писателя, который бы настолько глубоко воздействовал на человеческое общество в XX веке. И это прежде всего потому, что в основу его творчества положена христианская философия личности. Именно с этих позиций и ведется исследование Лосского. Это и способствовало тому, что раз и навсегда разрушен миф о Достоевском как о больном гении. Лосский убеждает нас, что и герои произведений Достоевского вовсе не являются душевнобольными, они лишь "невротики", дети времени. Особо подчеркивает Лосский и то, что Достоевский отнюдь не является "проповедником страданий", утверждает, что "проповеди патологической любви к страданию у Достоевского мы нигде не находим. Там, где он возвеличивает страдание, он имеет в виду страдание как неизбежное следствие нравственного зла, очищающее душу от этого зла". ...Личность сложна, личность имеет божественное начало и предназначение, человек и бессмертен лично, и, чтобы обрести бессмертие, он и проходит земные круги испытаний и очищения. Понятна и естественна связь с миром, с происходящими общественными событиями. И как Достоевский вписывает своих героев в социальные хроники, так и Лосский рассматривает Достоевского и его творчество в непременной связи с текущей реальностью земной жизни. Оба мыслителя размышляют над важнейшими жизненными проблемами, которыми и все мы живем. В этом, может быть, главная ценность книги.

Во второй части рассматривается не в целом творчество, а узловые моменты – идеи, способствующие в первую очередь проявлению личности, ведется поиск ответов на общечеловеческие вопросы в двойном видении: Достоевский – Лосский. Так, уже глава первая озаглавлена "Абсолютное совершенство" с разделами "Бог", "Иисус Христос", "Царство Божие. Бессмертие", "Богородица", "Святые". Последующие главы – "Теодицея Достоевского", "Абсолютные ценности", "Личность в художественном творчестве Достоевского", "Значение страдания", "Положительно прекрасный человек и душевно здоровые люди в произведениях Достоевского", "Христианские вероисповедания", "Россия и русский народ", "Социализм". Поначалу, как видим, идут общие, или абсолютные, ценности, затем личность в кругу этих ценностей, как итоговое следуют христианские исповедания и лишь затем только выход на социальные ценности... Форма изложения довольно свободная, в работе нет нарочитого академизма; суждения Лосского не всегда бесспорны, даже пересказ текстов по памяти не всегда точен, зато угол зрения для Лосского остается строго неизменным и бесспорным – Православие.

Анализируя те или иные художественные произведения писателя, Лосский постоянно использует "Дневник писателя". "Дневник писателя" – это уникальный труд. Можно изъять из собрания сочинений любой роман – и Достоевский тем не менее останется Достоевским, изъять же "Дневник писателя" значило бы обрести иного, неполного Достоевского. Не потому ли "Дневник писателя" за всю свою историю с лет написания издан всего лишь 75-тысячным тиражом – это, скажем, за сто десять лет. Не странно ли, когда бульварные романы имеют полумиллионные тиражи.

Лосский прозорливым чутьем своего таланта высветил главные моменты в жизни и творчестве Достоевского. В целом в книге эти моменты легко просматриваются, и в публикуемых ниже главах они предстают перед читателем в достаточно полном виде.

Для истинно воцерковленного человека личное бессмертие – бесспорная аксиома. Но на невосприятии ли этого произрастают все наши беды и крушения, не на отрицании ли этого и строит свою "религию" атеизм, не через сомнения ли в этом проходит всякая личность... А так как и писатель, и философ имеют дело с читающим миром, и с верующими, и с атеистами, – сфера их воздействия широка, вопрос этот ставится едва ли не в первую очередь. Нет личного бессмертия – и неизбежно богоборчество, нет бессмертия – и Бог, сотворивший человека, жесток и далек от истины, а человеческая жизнь – всего лишь игра природы и насмешка над человеком, нет бессмертия – и все дозволено. И обратное: бессмертен человек – и жизнь его обретает божественное предначертание, и тогда путь человека – путь к Богу. Потому для человека и оказывается первичным утверждение или постижение личного бессмертия – и это открывает путь к Богу-Спасителю... В любом художественном произведении Достоевского, не говоря уж о "Дневнике писателя", вопрос бессмертия непременно присутствует. Исследует этот вопрос на примере Достоевского и Лосский. И результат поразительный: личное бессмертие воспринимается как само собой разумеющееся. Вот уж действительно: если человек думает о бессмертии, то это и есть наипервейшее свидетельство существования бессмертия.

Образ Иисуса Христа является основополагающим в миропонимании Достоевского. Безгранична его любовь ко Христу. Идеал Его для Достоевского настолько велик, как сам он утверждает, что "если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы остаться со Христом, нежели с истиной".

Многолетнее изучение Достоевского и его творчества позволяет сделать вывод: если абсолютное большинство христиан через Церковь приходят к

Христу, то Достоевский через Личность Христа приходит в Церковь. Он неизменно восхищался незамутненным совершенством Богочеловека и рекомендовал прочесть Ренана "Жизнь Иисуса Христа", с тем чтобы убедиться, что даже Ренан со взглядом на Христа как на Человекобога не находит в образе Спасителя и малейшей замутненности. Христу должно подражать, стремиться к Воплотившемуся Совершенству, помня, что человек создан по образу и подобию Божию, следовательно, и человек может достигнуть определенного совершенства.

В этой связи нельзя не вспомнить классическую "Легенду о великом инквизиторе" в "Братьях Карамазовых". Неплохо эта вставная новелла изложена Н. Лосским в публикуемой главе, что и будет прочитано с интересом и пользой. Здесь же хотелось бы остановиться всего лишь на одном моменте "Легенды..." – на том, с какой тактичностью и ответственностью Достоевский обошелся с литературным образом Иисуса Христа. Мы ведь знаем много литературных поделок, начиная от Ренана и до М. Булгакова и Ч. Айтматова. В этих поделках Христос не только омирщвлен, но и крайне словоохотлив, как заправский плотник, так что язык его порой не выдерживает никакой критики (вспомните, если читали, Айтматова). Писатели точно забывают или не хотят помнить, что только Евангелие дает прямую речь Спасителя, что Он не оставил ни единой записанной им строки, следовательно, факт промыслительный и не подлежит ни ревизии, ни дополнению за счет так называемой творческой фантазии. Как же поступил Достоевский? Гений нашел единственно верный для художественного произведения прием: Христос Достоевского в беседе с инквизитором не произносит ни единого слова – и в то же время воссоздается Его идеальный образ. Решение поистине гениальное. Но даже после такого урока писательская болтливость полуязычников и язычников не знает удержу.

И еще хотелось бы обратить внимание на свободу воли и выбора, данные человеку Богом, и на общенациональную идею, наличием которой и жива любая нация.

Нередко можно услышать ропот: что это за всесильный Бог, который не может приостановить откровенные бесчинства, убийства, насилие и пр. Взял бы и проявился воочию – тогда бы уж все поверили и уверовали. Можно уверенно ответить: не поверили бы и не уверовали бы. Ведь явился же людям Богочеловек – распяли! Промыслом Божиим человеку дана свобода воли и выбора. Для ее реализации у него имеются разум и совесть. Из добра и зла человек волен выбрать и зло. Но в таком случае он отпадает от Бога... Обо всем этом в святоотеческой литературе имеется достаточно бесспорных толкований. Отметим лишь одно: свобода воли и выбора рационалистическому толкованию не поддается _ и в этом есть промыслительная тайна.

И Достоевский не проповедует (он и вообще далек от проповедничества, которое так характерно, скажем, для Л. Толстого), он исследует личность человека, прослеживает борьбу добра со злом, борьбу, которая ведется в сердце человека. Он прекрасно понимает, что окриком или при помощи логических доказательств злого человека добрым не сделаешь. Человек лично должен возвыситься до постижения ответственности перед Богом, нравственно возвыситься и приблизиться к Нему. Наличие только страха Божиего может подтолкнуть человека к богоборчеству – свобода воли. И нет человеку иного пути, как только через борьбу добра со злом, через личное постижение истины.

Любопытен в этой связи выход Достоевского из литературного творчества в реальную жизнь. Известно, насколько махрово расцвел в XIX веке нигилизм на платформе так называемой революционной демократии. Проповедовался атеизм, процветало масонство, велось прямое богоборчество, разрушение нравственности, и, понятно, как практический результат – борьба с мона-

рхией. Доморощенные цареубийцы уже и тогда на Руси не только витийствовали. И вот прогремел взрыв в Зимнем дворце – несостоявшееся покушение на православного царя. Достоевский, с болью и негодованием воспринявший случившееся, казалось бы, неожиданно задался вопросом: а если бы знал о заговоре, пошел бы доносить, раскрыл бы злодея? Всю ночь не спал, думал, а на утро пришел к решению: не донес бы. И об этом он заявил печатно в "Дневнике писателя". Достоевский полагался на Божий Промысл, однако он понимал и то, что это доносом не искоренишь, оно лишь с большей энергией прорвется в другом месте. Следовательно, причина кроется в болезни общества, а общество и было заражено атеизмом. Увы, только христианское совершенство отдельной личности может исправить положение или, как в нашем случае, возродить общество. Каждый человек может содержать в душе Бога, и каждому л и ч н о необходимо прозреть, чтобы возвыситься и принять Его.

Предназначение народа, национальная идея в этой связи тревожили Достоевского до последнего его часа. Достаточно вспомнить произнесенную им речь на открытии памятника Пушкину в Москве в 1880 году. Лосский в своей работе как бы воздерживается от собственных суждений по данному вопросу, лишь соглашается с Достоевским и ненавязчиво дополняет его. Ценность же заключительных глав преимущественно в том, что Лосский расширяет временные границы, он вводит Достоевского в XX век, как бы демонстрируя, что Достоевский – и наш современник, что пророчества писателя исполнились.

Национальную же идею Достоевский видит прежде всего в Православии, которое, по сути, и сплотило русский народ. Вот как об этом говорит Лосский: "Зная глубокую религиозную основу русского духа, Достоевский, несмотря на все недостатки народа, верил в то, что русским предстоит осуществить великую миссию в Европе. "Сущность русского призвания" он видит "в разоблачении (в демонстрации. – *Б. С.*) перед миром Русского Христа, миру неведомого, и которого начало заключается в нашем родном Православии". Ввиду широты русского ума и характера Достоевский уверен, что христианский дух выразится в способности выработать синтез всех противоположных идей и стремлений, разделяющих народы Европы, откуда получится не только теоретическое, но и практическое примирение всех разногласий". И далее: "...любя русский народ, Достоевский стал внимательно всматриваться в то, что дорого русскому народу и в чем выражаются его достоинства; при этом ему открылась самоценность Русского Православия... любовь к Русскому народу и любовь к Русскому Православию составляют в его душе органическое целое..." (Обратите внимание на то, как переплетаются в нечто единое идеи Достоевского и Лосского!)

Вот, в сущности, русская национальная идея по Достоевскому, без которой народ превратится в население или же вовсе погибнет, выродится. Всякий народ, желающий жить долго, обязан иметь свою национальную идею. Мы сегодня, к сожалению, на распутье – отсюда все наши беды.

А завершим наше короткое вступление к публикации заключительными словами из книги Н. О. Лосского:

"Везде мы нашли у него (у Достоевского. – *Б. С.*) в основе Христа и две заповеди Его, составляющие сущность христианства, – любовь к Богу больше, чем к себе, и любовь к ближнему, как к себе. Поэтому миропонимание его подлинно можно назвать христианским".

Предлагаемые читателям главы взяты из книги Н. Лосского "Достоевский и его христианское миропонимание", которая издана в Нью-Йорке в 1953 году в издательстве им. Чехова и которая в России до сих пор не издана.

Борис СПОРОВ

Русская чудотворная икона

С нами Бог

Древо жизни в вертепе процвело от Девы. Это ключевые слова церковного песнопения, в котором выражена суть праздника Рождества Христова. Чтобы понять их, обратимся к истории человечества.

Бог сотворил первых людей – Адама и Еву – и поселил их в Раю, где произрастало Древо жизни, плоды которого дарили бессмертие. Радость была постоянной спутницей жизни первых людей, потому что они были с Богом и Бог был с ними. Но люди поверили ложным словам змия-искусителя, что если они нарушат запрет, данный Богом, и вкусят плодов от древа познания добра и зла, то будут как боги (Быт. 3, 5). Первые люди нарушили запрет, а совершив грех непослушания, лишили себя общения с Богом и были изгнаны Им из Рая.

Грех воздвиг преграду между человеком и Богом, и подверглось человечество тлению "преслушания ради". Смерть вошла в род человеческий. Но, удалив первых людей из Рая, Господь дал обетование (обещание), что наступит время, когда на землю придет Избавитель и "Семя Жены сотрет главу змия".

Пришествие в мир Спасителя предсказывали святые пророки. Так, пророк Михей возвестил, что Христос родится в Вифлееме и что Он будет великим до краев земли (Мих. 5, 4), а пророк Исаия предрек Рождество Христа от Девы: *Се, Дева во чреве приимет и родит Сына и нарекут Ему имя: Еммануил, что значит: с нами Бог* (Ис. 7, 14; Мф. 1,23).

И исполнилось. Любовь Бога к людям изменила мир и направила судьбы человечества по спасительному пути. Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь Вечную (Ин. 3, 16). Высшая цель рождения на земле Сына Божия – спасение человека. Природу человеческую Иисус Христос соединил в Себе с Божеством и восстановил человечество таким, каким был создан первый человек – Адам: чистым, совершенным, безгрешным. Такими мы выходим теперь из купели Крещения. Как преступление одного (Адама) во всех людей вошло осуждением, так и оправданием Одного (Христа) во всех людей вошло оправдание.

Рождество Христово восстановило союз Бога с человеком. Отныне доступ к Вечной жизни стал возможным для верующих.

Примечательны обстоятельства рождения Спасителя. Небольшой город Вифлеем. Иосиф-Обручник и Дева Мария хотя и царские потомки, но совсем простые люди: Иосиф – плотник, Дева Мария – воспитанница Иерусалимского храма. Они должны были покинуть свой дом в Назарете, чтобы быть в Вифлееме во время предстоящей переписи. И не нашлось им места в гостинице, так что родившееся Дитя Богородица положила не в колыбель, а в ясли для ягнят.

Воплощение Сына Божия – одна из древнейших иконографических тем. В сложной композиции Кирилло-Белозерской иконы XV века Рождества Христова (см. 2-ю полосу обложки) нашло отражение повествование канонических Евангелий от Матфея и Луки, а также апокрифическое повествование о Рождестве Иисуса Христа. В центре композиции – Дева Мария, покоящаяся на пурпурной ткани, которая символизирует славу Матери Сына Божия. Богомладенец изображается спеленутым и положенным в ясли, над ним

склонены вол и осел, согревающие Его своим дыханием. Животных привел Иосиф из Назарета. На осле ехала Пресвятая Дева. Вол же был предназначен к продаже, чтобы на вырученные за него деньги уплатить царскую подать и иметь пропитание в Вифлееме и в дороге. У Богомладенца лицо юноши, потому что в Нем – премудрость Слова Божия, которым сотворен мир. Богоматерь и Младенец принимают поклонения пастухов и славословие Ангелов. В левом верхнем углу изображены фигуры всадников. Это мудрецы, или волхвы. Изображение "поклонения волхвов" подчеркивает законность служения христиан из язычников наряду с христианами из народа израильского. Лучи Вифлеемской звезды указывают пещеру (вертеп) где находится Новорожденный. В правом верхнем углу – Ангелы, про которых написано в Евангелии от Луки, что множество их спустилось на землю, славя Бога: *Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение* (Лк. 1, 14). В правом нижнем углу – повивальные бабки, беседа которых о непостижимом для них образе рождения Богомладенца записана в апокрифическом Евангелии. В левом нижнем углу – согбенная фигура Иосифа и перед ним – сутулый плешивый человек, олицетворяющий Сатану, соблазняющего Иосифа. Есть богословское мнение, что эта фигура изображает сомнения Иосифа, обусловленные неспособностью человеческого разума проникнуть в тайну Боговоплощения.

В целом вся композиция иконы Рождества Христова представляет собой законченное и стройное повествование о событиях, происшедших в Вифлееме в чудесную ночь Рождества Христова.

...Каждый, кто даст в своем сердце место Божественной любви, обретет источник возрождения, одухотворения и обновления. Пусть не смутят нас наши несовершенства, грехи, пороки. Ведь Воплотившийся Господь пришел призвать грешников, спасти гибнущих, поднять падших, очистить осквернённых, утвердить колеблющихся. Господь пришел падший воскресити образ.

По милости и любви Божией мы стали причастниками Вечной жизни.

К достойному празднованию Рождества Христова (7 января) верующих подготавливает 40-дневный пост. Канун праздника – сочельник проводится в особо строгом посте: по церковному уставу в этот день в пищу употребляются только зерна пшеницы или ржи, размоченные в воде, – сочиво. По традиции пост завершается с первой вечерней звездой. Само празднество – святки длятся до сочельника праздника Крещения Господня (18 февраля). В рождественские дни православные участвуют в торжественных богослужениях, поклоняются иконе Рождества Христова, обычно помещаемой в "вертепе" – символическом изображении пещеры, где родился Богомладенец. К Нему и Его Пречистой Матери обращают они свои славословия, молитвы, прошения и знают, что будут услышаны.

А.Ч.

Виктор АФАНАСЬЕВ

КУПИНА НЕОПАЛИМАЯ

Сказание о чудотворной ФЕОДОРОВСКОЙ иконе Божией Матери

Ликуй ныне и веселися
граде Москва, яко приял еси
в пределех твоея области
свыше сияющую
Божественную Зарю

(Из древней службы
Феодоровской иконе Божией Матери)

I. ГОРОДЕЦ ВОЛЖСКИЙ

Бурной, полной всяких превратностей была жизнь князя Юрия Долгорукого, сына Владимира Мономаха. Он, мечтая о великом Киевском столе, кипел в междоусобиях, проливал в сражениях родную христианскую кровь, случалось, нарушал клятвы и города русские разорял. Наконец, добившись своего, он скончался в Киеве. Его отчиной, законным уделом, было княжество Суздальское. Карамзин в своей "Истории государства Российского", проследив все запутанные нити его судьбы, отметил, что Долгорукий "не прославил себя в летописях ни одним подвигом великодушия, ни одним действием добросердечия, свойственного Мономахову племени", и "не умел заслужить любви народной". Этот приговор историка смягчается, однако, некоторыми особенными деяниями Долгорукого, относящимися к тому времени, когда он был суздальским князем. Карамзин пишет, что он "знаменит в нашей истории гражданским образованием восточного края древней России, в коем он провел все цветущие лета своей жизни. Распространив там веру христианскую, сей князь строил церкви в Суздале, Владимире, на берегах Нерли; умножил число духовных пастырей, тогда единственных наставников во благонравии, единственных просветителей разума; открыл пути в лесах дремучих, оживил дикие, мертвые пустыни знамениями человеческой деятельности; основал новые селения и города".

Долгорукий построил Москву, Дмитров, Юрьев Польской, Переславль Залесский, Кострому. Затем Городец Волжский, который возник на месте селения Малый Китеж (он же Радилов). В лесах за реками Узолой и Керженцем

цем Долгорукий построил город Большой Китеж. Кострома и оба Китежа были построены в 1152 году – это тот год, когда камские болгары, поднявшись вверх по Волге, разорили Ярославль. Кострома, а еще ниже – Городец заслонили суздальскую землю от болгар. Нижнего Новгорода тогда еще не было. Набеги болгар прекратились ввиду неприступности крепости Городца.

Князь жил здесь какое-то время, наблюдая за работами. Одновременно копали рвы и насыпали валы, строили детинец и посад. Старое селение приняло вид

Феодоровская икона Божией Матери; первая половина XVIII века

города. И вот уже начались службы в каменном храме святого Михаила Архангела (а в Костроме в это время появился "собор древян" во имя великомученика Феодора Стратилата). Новый город весело и грозно смотрел с крутого, местами обрывистого берега на быстрые струи реки и на заволжские леса. У пристани теснились боевые струги, готовые вынестись навстречу врагу.

У городчан издавна была вне их поселения часовня, в которой стоял образ Божией Матери, почитаемый ими как чудотворный, так как немало чудес свершилось от него. Часовня эта была – просто дубовый столп, гладкий, как кость, с выемкой для иконы и двускатной крышей из дубовых же досок. Вокруг часовни слегка холмилось старое кладбище. Здесь некогда был монастырь, а в нем и икона эта стояла в храме как запрестольный образ.

Горожане попросили князя перенести икону в собор Архангела Михаила. И вот он со священниками, крестным ходом, пришел к часовне и по совершении молебна хотел поднять икону. Не так уж она была и велика, но поднять ее князю не удалось. Не стало на то воли Божией. Смущенный князь, став на колени, помолился и приступил к иконе во второй раз. И опять безуспешно. Она не шелохнулась, недвижимая, как скала. Потом к ней подошел протопоп, но и его постигла неудача.

Князь понял, что таинственная икона желает остаться на месте. И повелел начать здесь строительство монастыря. Через недолгое время в нем был освящен храм, в котором древняя икона Богоматери заняла свое место – за престолом. Тогда увидели, что на обратной стороне чудотворного образа написана святая великомученица Параскева Пятница. Быстро стала умножаться братия, многие монахи прославились здесь своей благочестивой жизнью... А князь Юрий Долгорукий уже снова вблизи Днепра, вновь ищет себе Киевского стола...

Спустя семьдесят лет, когда Русь, казалось, уже окрепла и обезопасила себя от нашествий, с юга к Днепру подошла неведомая сила – татары. Произошла битва на Калке, где русское войско было разбито, а князь Мстислав Киевский с двумя зятьями раздавлен под досками, на которых пировали победители. На этот раз татары ушли, не перейдя Днепра, исчезли куда-то, оставив Русь в недоумении, – "кого Бог во гневе Своем насылал на землю Русскую?"

Было необыкновенно знойное лето, горели леса... Ночью в небе стояла хвостатая звезда, приводя людей в ужас... Не умея жить мирно, русские князья снова принялись за междоусобия. Были набеги литовцев... Были голод и мор... После страшных небесных знамений в 1230 году произошло землетрясение...

В 1237 году племянник монгольского хана Октая Батый, посланный покорить земли к северу от Каспия, разрушил столицу камских болгар и уничтожил всех ее жителей. "Россияне едва имели время, – пишет Карамзин, – узнать о том, когда монголы, сквозь густые леса, вступили в южную часть Рязанской области". В феврале 1238 года один за другим пылали города Пронск, Белгород, Ижеславец, затем Рязань, Москва, Владимир, Суздаль... "Завоевав Владимир, – пишет Карамзин, – татары разделились: одни пошли к Волжскому Городцу и Костромскому Галичу, другие – к Ростову и Ярославлю, уже нигде не встречая важного сопротивления".

В это время великим князем Владимирским был внук Юрия Долгорукого Юрий Всеволодович. Он погиб в марте 1238 года в битве с татарами на речке Сити, притоке Волги. Готовясь к битве, он получил горестную весть о том, что во Владимире погибли все его родные – княгиня и сыновья. Он помолился и вздохнул: "Ох мне, Владыко, что ради ныне остах аз един?" Несметное вражеское войско окружало стан... Была великая сеча. Князя Юрия Всеволодовича после этой битвы нашли среди груды тел, распознав его по княжеской одежде. Он был без головы. В житии этого святого благоверного князя говорится о том, что, когда при похоронах во гроб положена была его голова, она прильнула к телу так, что не

стало видно места отсечения.

А китежские легенды рассказывают обо всем этом по-другому. По ним Юрий Всеволодович, когда татары напали на Городец (он же Малый Китеж), был тут, мужественно сражался, но, видя, что борьбу продолжать невозможно, скрылся ночью с войском и многими жителями в другой свой город – в Большой Китеж, куда незнающему человеку попасть было не так-то легко. Батый сжег Городец, уничтожив и монастырь, где пребывала чудотворная икона Божией Матери. Иноки и остававшиеся здесь жители были перебиты. Лишь некоторым удалось скрыться в лесах.

Рассказывается в народных легендах, что Батый жестоко мучил пленных городчан, стараясь узнать о месте, куда ушел князь. Некто Гришка Городня (или Кутерьма), не выдержав пыток, согласился вести татарское войско к озеру Светлояру. У Большого Китежа было второе сражение Юрия Всеволодовича с Батыем. Русское войско снова было разбито, князь погиб, но города Батый не взял – он ушел в озеро. "Сила Божия, – говорится в легенде, – посмеялась над злейшим врагом православных". Там, под водой, идут в храмах службы, живут святые старцы, которых питают ангелы, – и будет этот город невидим до Страшного Суда.

Городец же отстроился вновь. Был восстановлен и монастырь. Но уже не было в нем чудотворной иконы. Многие думали тогда, что она сгорела в Батыевом пожаре...

Святой князь Александр Невский, великий князь Владимирский, воин и молитвенник, начинавший всегда свой день с посещения храма, не раз бывал в монастыре Городца, останавливаясь тут ненадолго на пути в Сарай. Каждая поездка туда могла быть последней. В Городце князь говел, очищал душу покаянием и причащался Святых Христовых Таин. Управляя Суздальской Русью и Новгородом, он был и строителем, и защитником, отдающим все силы делу возрождения городов, собиранию рассеянных по лесам, ограбленных ордами Батыя и Неврюя русских людей. И, хотя и под ханским владычеством, Русь укреплялась.

Все мирские дела святого Александра Невского продиктованы были церковным сознанием князя. "Вне этого церковного понимания княжеского служения, – пишет биограф Н.А.Клепинин, – нельзя понять святого Александра Невского, ни его дел, ни его святости. Вся его государственная деятельность – войны, поездки в ставку, смирение перед ханом, борьба с Новгородом, устроение земли – была именно мирским делом, которое ему и было вменено Богом "выше молитвы и поста". Его жизнь и была осуществлением в жизни заветов и указаний Церкви о долге князя". Он действовал в тесном сотрудничестве с Митрополитом Кириллом, который успешно возрождал на Руси церковную жизнь. В 1261 году им даже удалось учредить православную епархию в Сарае, где было много пленных христиан, в основном искусных мастеровых, трудившихся вместе с мастерами со всех концов света над украшением ханской ставки, которая быстро из кочевой стоянки превращалась в обширный, превосходящий многие европейские город. Все дело возрождения Руси, казалось, могло рухнуть в мгновение, стоило бы только, например, вспыхнуть в суздальской земле мятежу против татар.

Князь вел сложную политику. К Западу он был непримирим, так как Папа вместе с обещаниями помощи ("крестового похода" против татар) предлагал унию или прямо католичество, а ордынские ханы придерживались принципа свободы совести. В 1262 году едва не разразилась катастрофа: несколько русских городов все же восстали против сборщиков налогов, разрушили их дома, многих убили. Хан Берке стал собирать войско... Святой князь Александр поехал в Орду. Он провел там целый год.

Осенью 1263 года, возвращаясь домой, князь остановился в Нижнем Новгороде, но, почувствовав там себя нездоровым, поспешил в Городец, в монастырь. Там ему стало еще хуже. "Отче, – сказал он игумену, – се болен вельми... Не чаю

себе живота и прошу пострижения". И он был пострижен в схиму с именем Алексий. Лежа в иноческом одеянии, он простился с боярами и слугами, а также с иноками обители, у всех прося прощения. Потом причастился Святых Таин и тихо скончался. Это случилось 14 ноября. Тело князя было отвезено во Владимир.

В 1272 году великим князем Владимирским стал младший, "мизинный", брат святого Александра Невского Василий, по прозвищу Квашня, удельный князь Костромской. Как и Александр, он был воспитан в правилах строгого православного благочестия. Став великим князем, он не переехал в столицу, а остался в Костроме, куда собрались к нему многие бояре.

Однажды, когда он был на охоте в лесу, ему явилась на дереве икона Богоматери, которая, однако, не далась ему в руки. Она была перенесена в город священниками. Увидев ее в соборе Феодора Стратилата, жители Городца, те, кто спаслись при разорении их города Батыем, узнали в ней свою, ту самую, которую не мог поднять в часовне князь Юрий Долгорукий. "Видевше жителие града Городца образ Твой, Владычице, во храме града Костромы стоящий, и на руку Твоею держима Богомладенца Иисуса, скорбию одержими беша: зане отшествие его бысть из града их..."

Тридцать пять лет или около того прошло с той поры, как Городец лишился великой чудотворной святыни. Великий князь приказал сделать с иконы список, который и был послан в дар братии Городецкого монастыря. Подобно утраченной ими иконе, они поставили эту копию за престолом. В Костроме по имени собора Феодора Стратилата чудотворную икону стали называть Феодоровской. То же имя получил и городецкий список, а за ним и монастырь Городца стал называться Феодоровским. Городецкая Феодоровская икона Богоматери вскоре проявила себя как чудотворная. Историк Феодоровского монастыря пишет, что "время от времени проявлялись от Царицы Небесной благодатные силы и знамения".

Прошло еще сто тридцать пять лет... Зимой 1408 года ханский полководец Эдигей осадил Москву. Князь Василий Дмитриевич с семьей скрылся в Кострому, где начал собирать войско, а Эдигей, в ожидании стенобитных орудий, стоял у стен Москвы. Часть войска он послал вслед великому князю, к Костроме, а другую – жечь беззащитные города княжества. В эту зиму татары сожгли, уничтожая жителей, Переславль Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород и Городец. Городецкий монастырь также был уничтожен. Но копия Феодоровской иконы Богоматери осталась цела. Монастырское место приняло точно такой вид, какой имело перед постройкой Городца Юрием Долгоруким. Вот как рисует его Городецкая писцовая книга 1680 – 1684 годов: "Монастырь Феодоровский... в поле от валу порощенные старые кладбища, а на том кладбище поставлен столп, а в том столпе образ Пресвятыя Богородицы Феодоровския, и от того столпа на все четыре стороны отмерено земли по 7 сажен для того, чтобы старого кладбища тое земли им крестьянам впредь не пахать". В таком виде оставалось это место до 1700 года – почти триста лет.

В 1700 году жители Городца обратились к Святейшему Патриарху Адриану с прошением позволить им возобновить "на старом кладбище монастырь, так как на том месте существовала и прежде обитель, в которой постригся и преставился святой благоверный и великий князь Александр Невский, а ныне там только в часовне чудотворный образ Феодоровской Божией Матери". Патриарх благословил усердие городчан, и Феодоровский монастырь был восстановлен.

Спустя шестьдесят четыре года он оказался, по случаю так называемого учреждения "штатов" для монастырей*, под угрозой закрытия. Жители Городца,

---

*"До 1764 года монастыри, число которых в то время достигло 953 (мужских 732 и женских 221), владели вотчинами, населенными крепостными крестьянами... Владение такими вотчинами было признано правительством не соответствующим назначению монастырей, и потому оно решило отоб-

числом сорок человек, направили ходатайство о сохранении своего монастыря на прежнем основании Нижегородскому епископу Феофану. "По назначении монастыря Феодоровского к уничтожению, – писали они, – мы все, городецкие жители, пришли в крайнее сожаление, потому что еще в старые давние годы, до татарского разорения, был у нас монастырь Пресвятыя Богородицы Феодоровския, и после татарского разорения 1700 года по грамоте Святейшего Адриана, архиепископа Московского и всея России Патриарха, паки на том же старом кладбище построен оный монастырь и в нем святая церковь с приделом каменная... Паче же по сему мы крайне сожалеем об оной святой обители, что в ней имеется Пресвятыя Богородицы Феодоровский образ; да в том же монастыре постригся и преставился святый и благоверный великий князь Александр Невский. По таковым причинам у нас, городецких жителей, только и утешения во всегдашней исправной службе игумена Зосимы с братиею; когда же мы оной святой обители лишимся, то останемся в крайней печали".

Это ходатайство городчан церковными властями было уважено. Но в следующем году и без того бедную обитель постигло тяжелое испытание – летом 1765 года вспыхнул в Городце пожар, который так быстро усилился, что исключил всякую возможность борьбы с ним. Город и монастырь выгорели до основания. Все деревянное сгорело, каменное обуглилось и потрескалось...

Жители, однако, не впали в отчаяние, тем более что Феодоровскую икону Богоматери, а также икону святого Александра Невского с частицей его мощей удалось спасти. Два года потребовалось на восстановление монастыря. В мае 1767 года из Костромы прибыла в Городец флотилия – шесть судов и четыре галеры. Городец встречал колокольным звоном и пушечной пальбой из крепости путешествующую по Волге императрицу Екатерину Алексеевну. С нею на галере "Тверь" плыли знатнейшие вельможи России и весь дипломатический корпус. Построенная костромскими мастерами двадцатидвухвесельная галера "Тверь" поражала роскошью причудливой резьбы – тут были амуры, дельфины, гроздья винограда и прочее. В кормовой части галеры было восемь кают. Датский посол, занимавший одну из них, вспоминал, что на галере не было недостатка "ни в одном из тех удобств, которые можно было бы иметь только в столице".

Императрица присутствовала на освящении только что обновленного монастырского собора Феодоровской Божией Матери и пожертвовала на украшение храма пятьдесят, а на содержание братии сто пятьдесят рублей.

Монастырь все никак не мог выбраться из бедности. Он имел немного земли, трудились на ней сами иноки вместе с игуменом. "Земля была в незначительном количестве и неудобная, – писал историк монастыря в 1878 году, – доходы монастыря скудны, тем более что окрестные жители, усердие которых составляло для обители главнейший источник поддержки, не все принадлежали к верным сынам Церкви, но в числе их находилась, как и поныне находится, значительная часть явно или тайно уклонившихся от Православной Церкви – мнимых ревнителей старины. Скудость монастырских средств была такова, что церковные священные облачения были из простой бумажной или холстинной материи; вместо восковых свечей пред местными иконами были поставлены деревянные под цвет

рать эти вотчины в казну, а взамен того положило на содержание монастырей выдавать из казны соответствующие суммы. Вследствие этого в 1764 году были изданы "штаты", по которым все монастыри, как мужские, так и женские, разделены на три класса сообразно богатству монастырей; монастыри же, не вошедшие в штат, оставлены на своем собственном содержании, причем бедные из них или совсем были закрыты и церкви их были обращены в приходские, или же соединялись из двух-трех в один, или приписывались к лаврам и богатым монастырям... Каждый монастырь, сообразно классу, получал особо определенное содержание из казны и должен был иметь известное число монахов и монахинь" (З в е р и н с к и й В. Монастыри Российской империи. СПб., 1887).

восковых; риза на древней Феодоровской иконе Божией Матери была ветхая, из серебра низкого достоинства и прикреплена к иконе железными гвоздями; одна из церквей (теплая, во имя святого Александра Невского) приходила в такую ветхость, что угрожала падением и нужно было поставить в ней для поддержки шестнадцать столпов".

Погибающий монастырь был спасен Николаем Павловичем, императором-славянофилом, великим патриотом, мечтавшим о возрождении Руси Православной. "Я Николая ставлю выше Петра, – говорил известный церковный деятель второй половины прошлого века митрополит Киевский и Галицкий Платон (Городецкий). – Для него неизмеримо дороже были православная вера и священные заветы нашей истории, чем для Петра. Император Николай Павлович всем сердцем был предан всему чистокровному русскому и в особенности тому, что стоит во главе и в основе русского народа и царства – православной вере. То был истинно православный, глубоко верующий русский царь".

Николай Павлович по пути в Нижний Новгород в начале октября 1834 года посетил Кострому, где поклонился Феодоровской иконе Богоматери (и вслед за этим – чудотворному списку с этой иконы в Кинешме), затем прибыл в Городец. Его горько поразила бедность, в которой пребывал чудотворный образ Феодоровский... В этом же году он выдал Городецкому Феодоровскому монастырю более двадцати тысяч рублей на ремонт старых и на постройку новых зданий.

В 1835 году были подняты колокола на новую колокольню, под которой освятили церковь во имя святого великомученика Феодора Стратилата, имя которого чудесно соединено с появлением в Костроме чудотворной иконы Божией Матери. Через десять лет заново отстроили церковь во имя святого Александра Невского. В 1867 году в монастыре было открыто Александро-Невское церковноприходское двухклассное училище для бедных и сирот. Двадцать беднейших учеников монастырь содержал полностью на свои средства. В 1870 году была устроена лечебница на пять коек, с аптекой, в 1872-м – двухклассное женское училище.

В начале двадцатого века Городец по своему официальному статусу – село. Писатель-этнограф Илья Тюменев, путешествовавший по Волге в 1906 году, писал по этому поводу: "Городец, несмотря на свое официальное название села, является значительным центром хлебной торговли и крупным местом сбыта так называемой горянщины, то есть деревянной посуды – чашек, плошек, тарелок, ложек... кроме того, Городец славится еще своими медовыми пряниками, которые широко расходятся по всей Волге... Городецкая мебель очень оригинальна: она раскрашивается ярко-красною краскою, по которой наводятся бронзированные украшения, и все это для прочности покрывается лаком... Благодаря гористой, почти отвесной почве в Городце на каждом шагу попадаются очень живописные точки и неожиданно развертываются перед глазами красивые панорамы".

Начался двадцатый век. Надвигались новые времена, новые испытания для России, для людей православных... близилось нашествие страшнее татарского.

II. КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ КОСТРОМСКОЙ

В северном Заволжье, среди дремучих лесов, где жили идолопоклонники племени меря, еще до Костромы и Галича существовал город-крепость Судиславль, основанный младшим сыном святого равноапостольного князя Владимира Судиславом, который впослёдствии безвинно, по воле своего брата Ярослава Мудрого, двадцать четыре года провел в подземелье, ослеп, стал монахом и вскоре скончался. Наши первоначальные летописи с подробностями описывают это злодея-

ние. Судиславль, где есть огромное, насыпанное в древности городище, до сих пор остается малым городком. Основанный когда-то на мерянской границе, он быстро утратил свое значение, чему способствовала и его удаленность от Волги – пятьдесят верст.

Основание Костромы В.Н. Татищев в своей "Истории Российской" относит к 1152 году. Костромской историк М. Травьянский в 1840 году писал в связи с этим, что "церковь святого Феодора едва ли не первая сооружена при самом учреждении г. Костромы великим князем Юрием Владимировичем Долгоруким, который, в летнее время обозрев местоположение для поселения народа при реках Волге и Костроме удобное, может быть, положил посвятить созидаемый храм тому святому, коему совершалась память в день заложения, и этот день случился тогда 8-го числа июня: празднование святому великомученику Феодору Стратилату". Так благочестивый и мужественный воин-мученик принял под свое святое покровительство новый православный город.

Прошло сто двадцать лет, на протяжении которых Кострома, как и все другие города Владимиро-Суздальской Руси, страдала от междоусобных войн, пожаров, татарских набегов... В 1214 году город сжег ростовский князь Константин Всеволодович, споривший с братом Георгием о великом княжении. В апреле 1216 года несколько русских князей, истинно по бесовскому наущению преисполненных ненависти друг к другу, сошлись в братоубийственной Липецкой битве, где только суздальских воинов полегло до десяти тысяч. В 1238 году Кострому предал огню и мечу Батый.

В 1240 году разгромлен был татарами Киев. Татарские орды не дошли до Новгорода, где в это время княжил старший брат Василия Костромского Александр. Но туда явились шведы, летом 1240 года произошла знаменитая битва на Неве, в устье Ижоры, прославившая князя Александра и давшая ему прозвание Невского. Но в том же году, зимой, он поссорился с новгородцами, поклонился Святой Софии и отъехал в Переславль к отцу. Вскоре Новгород запросил у Ярослава Всеволодовича князя, кого-нибудь из его сыновей, и он послал им Андрея, одного из средних. В это время рыцари-меченосцы грабили псковские и новгородские земли, опустошали села... уводя пленных, скот и лошадей. Приняв Андрея, новгородцы не поверили, что этот еще очень молодой князь поможет им, и били челом Александру, прося его вернуться. Он вернулся, так как понял, что Новгород в большой опасности. Собрав ополчение, он двинулся на меченосцев, разрушил построенную ими крепость Копорье, отбил у них Псков. Зимой 1241 года на льду Чудского озера Александр Невский одержал великую победу над главным войском меченосцев, уничтожив пятьсот рыцарей и пятьдесят взяв в плен.

В год Ледового побоища и родился самый младший, восьмой, брат Александра Невского – Василий. До трех лет он, по обычаю, воспитывался на женской половине, при матери. После этого над ним был совершен обряд пострига, то есть после молебна епископ собственноручно обстриг ему еще ни разу не стригшиеся волосы, а отец вывел его после этого из церкви и посадил на коня. Его воспитателем стал "кормилец", боярин, ведавший двумя сторонами этого дела – обучением грамоте по Библии и развитием в княжиче силы, ловкости и храбрости. Его стали брать на охоту, а с шести лет и в некоторые походы. Вероятно, в это время ему назначена была отцом в удел Кострома, не имевшая своего князя. В мае 1244 года в Новгороде скончалась его мать, жившая у сына Александра, – великая Феодосия была перед кончиной пострижена в монашество с именем Евфросиния ("блаженной и чудной" называется она в житии сына ее, Александра).

В 1246 году Русь после раздела ханских владений стала управляться Батыем. Князья должны были получить у него новые ярлыки на княжение. Великому князю Владимирскому Ярославу Всеволодовичу он не дал ярлыка, а послал его за ним в далекий Каракорум, к ханше Туракине, которая после смерти своего супру-

га правила всем татаро-монгольским царством. Отец Александра Невского и Василия Костромского отправился в Китайскую Татарию, то есть в Монголию, где уже находился в качестве заложника один из его сыновей, Константин. Проделав тяжелый путь через горы и пустыни, потеряв половину свиты, князь Ярослав Всеволодович прибыл в монгольскую столицу и попал как раз ко времени великого курултая, который избирал нового кагана. Выбор пал на Гаюка, сына Октая. 25 августа началось пиршество, поднесение даров. Тут были послы калифа Багдадского, сыновья царя Грузии, огромное – четырехтысячное – посольство сарацин, здесь же оказались и католические монахи-миссионеры во главе с Плано Карпини, привезшие в Каракорум папскую буллу.

Получив ярлык на Владимирский и Киевский великие столы, князь Ярослав отправился назад, но ему не суждено было вернуться домой. Осенью 1246 года он умер где-то в пути, в степях. Спутники привезли его тело во Владимир. В древнем костромском хронографе отмечено, однако, что он умер "в орде нужною смертию, за веру христианскую". Русские люди сочли, что князь Ярослав был отравлен. Плано Карпини говорит об этом. Рассказав о том, как русского князя угощала сама – "собственноручно" – ханша Туракиня, он сообщает, что, "вернувшись в свой шатер, он тотчас занемог и умер на седьмой день". "О таковых же Писание глаголет, – пишется в русской летописи о князе Ярославе и его смерти, – ничто же боле ино таково пред Богом, но езе аще кто положит душу свою за други своя: сей же великий князь положи душу свою за други своя и за землю Русскую, и причте его Господь ко избранному своему стаду, милостив бо бяше ко всякому, и требующим же невозбранно даяше, еже требоваху".

Во время княжения своего брата Александра, а затем других своих братьев – Андрея (который через несколько месяцев скончался) и Ярослава – Василий жил в Костроме, где в 1266 году вступил в брак. Митрополит Игнатий Ростовский венчал его в костромском соборе Феодора Стратилата. Имя невесты князя осталось неизвестным.

В 1270 году новгородцы, созвав вече, решили изгнать князя Ярослава Ярославича и предъявили ему обвинение в том, что он действовал много раз без совета с народом: "Да будет ныне конец твоему насилию! Иди куда хочешь, а мы найдем себе князя". Они позвали сына Александра Невского Димитрия, но тот отказался: "Не хочу престола, с коего вы согнали моего дядю". Князь Ярослав покинул Новгород, а дома его бояр были разграблены. Некий Ратибор, тысяцкий из Новгорода, тайно поехал в Орду и объявил хану, что "новгородцы враги твои: изгнали Ярослава с безчестием, разграбили наши домы и хотели нас умертвить единственно за то, что мы требовали с них для тебя дани".

Это была клевета на новгородцев. Хан поверил Ратибору и послал войско для "усмирения" Новгорода. Князь Ярослав собирался вместе с Димитрием Переяславским, своим племянником, и другими суздальскими князьями соединить свои войска с ханскими и наказать новгородцев, которые, узнав о грозящей им опасности, начали укреплять город, обносить его тыном.

Василий Костромской, узнав, что новгородцы оболганы перед ханом, возмутился и написал им: "Будьте спокойны! Святая София есть моя отчина: я готов служить ей и вам". Он поехал в Сарай и объявил хану настоящее положение дел. Тот отозвал свои войска, и Новгород был спасен. Князь Ярослав все же вернулся туда, но через несколько месяцев уехал во Владимир. "Великий князь Ярослав, – пишет Карамзин, – следуя примеру отца и Александра Невского, старался всеми способами угождать хану и подобно им кончил жизнь свою на возвратном пути из Орды, куда ездил с братом Василием и с племянником Димитрием Александровичем. Тело его было отвезено для погребения в Тверь, где княжил его сын Святослав. Летописцы не говорят ни слова о характере сего князя: видим только, что Ярослав не умел ни довольствоваться ограниченною властью, ни утвердить

самовластия смелою решительностью; обижал народ и винился как преступник; не отличался ратным духом, ибо не хотел сам предводительствовать войском, когда оно сражалось с немцами: не мог назваться и другом отечества, ибо вооружал монголов против Новгорода".

Похоронив Ярослава, князья Василий и Димитрий одновременно отправили послов к новгородцам. Василий в это время стал великим князем Владимирским. Он считал, что все права на Новгородский стол – у него. А сын Александра Невского был убежден, что Новгород, где он жил с отцом и где все его знают, должен быть его отчиной. Между дядей и племянником возник спор. Новгородский посадник Павша склонился на сторону племянника, и тот выехал из Переяславля в Новгород. "Василий, сведав о том, – пишет Карамзин, – послал вслед за ним воеводу, чтобы схватить его на пути, а сам хотел взять Переяславль, но обратился с войском к Торжку и занял сей город... Князь Тверской, Святослав Ярославич, помогая дяде, опустошал между тем берега Волги, Бежецк, Волок. Надлежало прибегнуть к мечу или к договорам. Новгородцы хотели употребить оба средства и, собрав войско, послали бояр к великому князю, чтобы укротить его гнев словами мирными. Но Василий, приняв послов с отменною честию, не согласился на мир, и Димитрий с сильными полками выступил к Твери зимою. Вдруг сделалась перемена. "Дружба великого князя для нас необходима, – думали многие новгородцы, – купцов наших грабят теперь в земле Суздальской; мы лишены подвозов и терпим нужду в хлебе. Не лучше ли, вместо кровопролития, исполнить желание Василиево, согласное с народною пользою?" Сие мнение было наконец всеми одобрено – остановясь в Торжке, войско не хотело идти далее. Сам Димитрий не противился общей воле и дружелюбно расстался с новгородцами, которые, сменив верного ему посадника Павшу, объявили Василия своим правителем. Таким образом великий князь достиг цели; приехав в Новгород и в знак миролюбия забыв недоброжелательство боярина Павши, согласился, чтобы народ возвратил ему сан посадника. Сей чиновник ушел было из Торжка к Димитрию, но, боясь на старости лет остаться изгнанником, прибегнул к Василиеву великодушию и до кончины своей пользовался любовью сограждан".

При Василии Костромском Русскою Церковью в Киеве, Владимире и Новгороде управлял Митрополит Кирилл, многолетний духовник и друг Александра Невского, единственный человек, понимавший и одобрявший его действия по укреплению государства в условиях зависимости от Орды. Митрополит Кирилл был выдающейся личностью, щедро одаренной Богом талантами. Он поднял из руин обе епархии – Киевскую и Владимирскую, разоренные во время татарских нашествий. Он объехал все города Руси, и ни одна мелочь не ускользнула от него. По словам летописи, Митрополит Кирилл "по обычаю своему учаше, наказуяше, исправляше", и особенно духовенство. При нем созидались храмы, приобретали совершенное благолепие церковные службы, просвещались церковнослужители. В этот тяжкий для Церкви период Митрополит Кирилл сумел добиться в Орде освобождения Православной Церкви от налогов. Можно счесть это чудом, так как кажется невероятным.

В 1274 году Митрополит Кирилл привез из Киево-Печерской Лавры архимандрита Серапиона (о котором летопись говорит, что он "бе учителен и силен в Божественном Писании") для поставления его во епископа Владимиро-Суздальского. Для этого во Владимир призваны были епископы Далмат Новгородский, Игнатий Ростовский, Феогност Переяславский и Симеон Полоцкий. После хиротонии Серапиона во епископа открылся Собор. Князь Василий Костромской присутствовал на нем. После долгих рассуждений с епископами Кирилл составил Церковные Правила, в которых говорилось: "Кый убо прибыток наследовахом, оставльше Божия правила? не рассеял ли ны Бог по лицю всея земли? не взяты ли быша грады наша? не падоша ли силнии наши князи острием меча? не пове-

дены ли быша в плен чада наша? не запустеша ли святыя Божия церкви? не томими ли есмы на всяк день от безбожных нечестивых поган? Си вся бывают нам, зане не храним правил святых".

Митрополит Кирилл, этот великий духовный учитель, поднял здесь коренную проблему бытия, основываясь на красноречивых событиях современности. Изобразив в Правилах картину страшного разорения Руси, Митрополит – вместе с епископами – предлагает пути выхода из гибельного тупика. Он допускает, что отсутствие ясных правил церковной жизни может мешать развитию благочестия в народе. Прежние церковные уставы, пишет Кирилл, "были омрачены облаком еллинския мудрости: ныне же предлагаются ясно, и неведение да не будет извинением". Карамзин пишет об этом: "Уверенный, что нравственность мирян во многом зависит от нравов духовенства, Кирилл повелевает давать священный сан единственно людям непорочным, коих жизнь и дела известны от самого детства: соседи и знакомые должны засвидетельствовать их честность, трезвость, добрые склонности". Далее Карамзин излагает обличительную часть этих Правил: "Мы сведали, что некоторые иереи в странах Новгородских от Пасхи до недели Всех Святых празднуют только и веселятся, не крестят никого и не отправляют службы Божественной: такие да исправятся или да будут извержены! Един достойный пастырь лучше тысящи беззаконных. Известно нам также, что многие люди, держася древних языческих обыкновений, сходятся в святые праздники на какие-то бесовские игрища, криком и свистом сзывают подобных себе пияниц и бьются дрекольем до самой смерти, снимая с убитых одежду; отныне, кто не престанет тешить диавола такими гнусными забавами, да будет отлучен от церквей Божиих, да не приемлют от него никаких приношений, то есть ни просфор, ни кутьи, ни свеч; когда же умрет, да не отправляют по нем Божественныя службы, и тело его да лежит далеко от святых храмов".

Это исправление нравов в народе и просвещение духовенства началось особенно ревностно в Костроме, где жил князь Василий и которая фактически в его княжение была Владимиро-Суздальской столицей. Именно он, князь Василий Костромской, был от Господа удостоен чести увидеть в лесу чудотворную икону Божией Матери. Именно Кострома стала ее домом. Для этой иконы князь Василий начал строить каменный Успенский собор. Он же основал монастырь с храмом Спаса Нерукотворенного на Запрудне и храм Воскресения Христова на Нижней Дебре. В 1272 или 1273 годах по его великой вере икона ослепила и обратила в бегство подступивших к городу с целью грабежа татар – это было "дружеское" войско, возвращавшееся откуда-то из-под Литвы или еще более дальних краев. Очень часто такие вот проходящие сквозь Русь ханские войска грабили русские села и города, хан Золотой Орды делал вид, что ничего об этом не знает.

Кострома укреплялась и украшалась. В Кремле появились дворы многих именитых вельмож Владимиро-Суздальского государства, они составляли свиту великого князя, не хотевшего покидать полюбившийся ему город. Нетрудно представить себе многолюдство и пышность церковных служб и крестных ходов в Костроме той поры. Кипела жизнь на ее пристанях, где разгружались суда "гостей" из разных краев. Толпился люд на торгах. Под звуки рогов вырывались из ворот охотничьи кавалькады, боярские или княжеские...

В 1275 году князь Василий вновь поехал в Сарай "к царю", то есть к хану, он повез дань, собранную со всего княжества "по полугривне с сохи или с двух работников". Он был встречен в Орде недружелюбно – дань показалась скудной. Хан заподозрил, что князь приуменьшил количество своих подданных, и послал своих чиновников сделать общую перепись русского населения по городам и селам (первая перепись была при Александре Невском).

Перед поездкой в Сарай князь Василий был во Владимире, приехал за благословением на путь, но попал на похороны. Епископ Серапион, только год про-

быв на Владимирской кафедре, скончался. Тревожен был отъезд князя Василия в Орду на этот раз. Летопись отмечает разные необыкновенные явления: "Бысть знаменье в солнце: огородися солнце яко круги, а посреде кругов кресты: дуги же быша сини, зелены, желты, багряны, червлены... Бысть гром страшен во граде Володимере, и зарази диакона во святей церкви соборныя Пречистыя Богородицы, на обедне, на выходе ектенью глаголюща, и людие вси падоша ниц от многаго страха и быша аки мертвы".

Василий "прииде из татар" благополучно, а в начале следующего года в январе занемог и скончался. "Преставися князь великий Владимирский Василий мезинной, – сообщает летопись, – сын Ярославль, внук Всеволожь, правнук Юрья Долгорукаго, праправнук Владимира Мономаха, праправнук Всеволожь, пращур Ярославль, прапращур великого Владимира, на Костроме: и съехашася тамо князи: Борис Василькович Ростовский и Глеб Василькович Белозерский, и князь Михайло Иванович, внук Всеволожь, и князь Дмитрей Александрович Переславский, внук Ярославль, правнук Всеволожь, и князь Феодор Ростославичь Ярославский, внук Мстиславль, правнук Давидов, праправнук Ростиславль, праправнук Мстиславль, прадур Владимира Мономаха, прапращур Ярославль, прапращур великого Владимира, и множество бояр и людий. Епископ же Игнатий Ростовский со священным собором, певше над ним надгробныя песни, положиша его в церкви святого Феодора на Костроме".

Далее идет оценка личности новопреставленного: "Бе же сей добродетелен зело, любяше Господа Бога от всего сердца своего, и ко всем без лукавств любовь и милость имеяше, и ко святым церквам зело прилежен бе, чтяше попремногу епископы, яко началники и пастыри, и весь священнический и иноческий чин любяше зело и чтяше: бе же незлобив и прощателен к согрешающим к нему".

Прожил князь Василий Костромской около тридцати шести лет. Народ очень сокрушался о его смерти – летопись говорит, что в церкви было "не слышати пенья в плаче мнозе". Он любил Кострому, и Кострома ему платила тем же. Он был человеком праведным и благочестивым, недаром именно ему явилась великая русская святыня, чудотворная Феодоровская икона Божией Матери. Не сохранилось достоверных изображений князя, но его фигура присутствует на клеймах списков чудотворной иконы, в которых рассказывается о чудесах, связанных с нею. К счастью, сохранились и фрески – в Ярославле, в церкви Феодоровской иконы Богоматери. Изограф с любовью клал краски: вот великий князь Владимирский Василий скачет верхом в лесу у реки Запрудни... Чудотворная икона сияет на ветвях сосны... Сейчас князь ее увидит, сойдет с коня и бросится на колени...

III. ЧУДЕСНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Днесь светло красуется град Кострома
и вся Российская страна...
(Из древней службы на явление
Феодоровской иконы Божией Матери)

В акафисте Феодоровской иконе Богоматери поется: "Хотя прославити Сын Твой, Богородице, святую икону Твою во граде Костроме, повеле ю в день Успения Твоего святому великомученику Феодору Стратилату носити по граду сему, да вси видяще чудо сие благодарным сердцем возопиют ему: аллилуйя!" Здесь повествуется о таинственном событии, предварившем явление иконы. Прежде чем явиться князю, она явилась народу. Многие жители Костромы видели эту икону, хотя и не могли понять, что она есть, но смутное предчувствие необыкновенного мелькнуло у некоторых из них: человек, несущий икону, показался им очень по-

хожим на изображение Феодора Стратилата в княжеском соборе.

Богородица оказала Свое благоволение костромичам, и Господь повелел покровителю Костромы восстать из мертвых и пройти в день большого церковного праздника – Успения Богоматери – с иконой по ее улицам в сторону Запрудни. Это было великое чудо. Но то, что это было чудо, жители города поняли лишь на другой день, увидев чудесную икону в княжеском храме. Тут их словно солнцем озарило: "Видели! Вчера видели эту икону! И нес ее воин, вот такой, как на этой иконе..." – и указывали на большой образ святого великомученика Феодора Стратилата. "И видеша народи честную ону икону, – говорится в древней "Повести о явлении Феодоровской иконы Богородицы", – и начаша поведати глаголюще: яко мы вчера видехом сию икону несому сквозе град наш воином неким: подобен же той воин видом святому великомученику Феодору Стратилату". Люди заметили даже такую деталь, что у воина, несущего икону, одежда была выше колен, а не ниже, как обычно носили русские люди.

На другой день после праздника Успения Богоматери было (как и теперь есть) празднество перенесения Нерукотворенного Спаса из Эдессы в Царьград. После обедни князь Василий со свитой выехал на охоту в ближний лес, к тихой речке Запрудне, у впадения ее в реку Кострому. Псари спустили гончих... Затрубили рога... Раздались клики загонщиков...

"Великий князь Василий, – рассказывает "Повесть о явлении...", – пойде вне града на ловитву, яко обычай есть князем веселитися: и егда бе вне града поприще едино, начаша пси лаяти притужно: великий князь на то место ускори, и приехав сам зрит пречудную ону икону Пречистыя Богородицы на соснове древе стоящу, и скоро с коня сниде, хотя тую икону взять; икона же взяся горе и не дадеся ему взяти. Он же отступи мало, и нача поклонения творити со слезами, и паки вторицею покусися, хотя взяти ону Божественную икону, и не получи желаемого, и, всед на коня, скоро пойде во град, и поведа протопопу бывшее; и повеле ему со кресты и со священным собором поити немедленно на место то, идеже явися ему Богородицына икона. Сам же князь пойде со множеством народа, и приидоша на место, и молитвоваше довольно, и подъяша Пречистыя икону священническими руками с великою честию невозбранно, и принесоша во град, и поставиша в соборной церкви святаго великомученика Феодора Стратилата".

В другом древнем сочинении – "Слове о чудеси и явлении Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, честнаго и славнаго Ея чудотворнаго образа, нарицаемыя Феодоровския" – о "подъятии" иконы священниками говорится более пространно: "И прославиша Бога, творящаго таковая преславная чудеса и Пречистую Его Богоматерь, яко таковый дар свой, честный образ, изволи послать граду нашему на сохранение и на заступление и душам нашим на спасение и болящим на исцеление, и бесом на прогнание; и начаша протопоп со священным собором молебная пения совершати со умилением и слезами и радостию духовною, припадающе к образу Пресвятыя Богородицы, глаголюще умильно молитву сию:

О премилостивая Богородице, Небесная Царице,
Образ Твой видим телесный,
На иконе сей написанный,
На руку Твоею держимым
Превечным Младенцем,
Радуемся грешнии раби Твои
Со умилением припадающе
К чудотворному Твоему образу...

И тако подъяша ю священническими руками невозбранно с великою честию и понесоша ю во град свой с радостию великою; идоша же пред образом Пресвя-

тыя Богородицы со кресты и со свещами горящими и кандилы, и вси вкупе зряще и удивляющеся преславному чудеси, Пречистыя Богородицы, всемирныя заступницы рода христианского. Последующе же боляры и вельможи и множество народа. И необычный звон творяще повсюду, и тако приидоша во святую Божию и Апостольскую церковь св. великомученика Феодора Стратилата во время вечернего пения".

Словно неземным светом озарилась Кострома... "Пришествием честныя Твоея иконы, Богоотроковице, – поется в тропаре Феодоровской иконе Божией Матери, – обрадованный днесь богохранимый град Кострома, якоже древний Израиль к кивоту завета, притекает ко изображению лица Твоего и воплотившагося от Тебе Бога нашего..." Среди этих притекающих к чудотворной иконе и поклоняющихся ей были и жители Городца Волжского, те, которым удалось пережить ужасы Батыева нашествия. Они были потрясены, узнав в этой явленной иконе ту, что когда-то привыкли видеть за престолом храма Городецкого монастыря. Они-то, при этом случае, и поведали священникам и народу о тех чудесах, которые совершались от нее в Городце. "В те же времена мнози людие из иних градов, гостьбу и куплю деюще, яко же есть обычай купецким людем, – говорится в "Слове о чудеси...", – и из града Городца такожде людие гостьбу и куплю деюще на Костроме граде и слышавше и тии людие о чудотворном образе Пресвятыя Богородицы и о многом исцелении и о преславных чудесех Ея, приидохом во святую Божию соборную и Апостольскую церковь помолитися Пресвятей Богородице и чудотворному Ея образу, и вшед во святую церковь и познавше святый образ и воздохнувше из глубины сердца своего и беседоваста к себе, друг ко другу глаголюще: "Друже, се ныне оставила есть Пресвятая Богородица град наш без помощи и заступления Ея бысть, а мы осиротевше и свет очию нашего скрыся, яко незаходимое солнце зайде и отъиде от нас". И от слез едва начаша поведати глаголюще: "Воистину тако сия чудотворная икона у нас на Городце была и много от нея преславная чудеса содеяшася, а лет и времени Бог весть колико была у нас, и не вемы ким написано бысть. Толико мы слышахом от отец наших преславная Ея чудеса, и нам дарова Бог слышанное видета, а како зде прииде или кто ю принесе, или како явися зде, вы сами весте". И сия слыша, благоверный князь и вси костромстии народи от городецких людей и вси вкупе глаголюще: "Чудная дела Твоя, Божия Матере, ужасает наш ум и удивляет наше помышление и ужасно чудо, и несказанен есть образ Пресвятыя Богородицы, познася в нас".

С этого времени – по месту ее нахождения, по собору Феодора Стратилата – *чудотворную икону стали называть Феодоровскою*. Ее явление сопровождалось рядом чудес – это, во-первых, само явление сначала народу, потом князю, во-вторых, двукратное восхождение ее невидимой силой вверх, когда князь хотел ее взять (воля иконы была такова, чтобы к ней прикасались руки только священников). В первый же день пребывания иконы в соборе, как сообщает автор "Слова о чудеси...", "собрашася множество страждущих от духов нечистых, и хромыя, и слепыя, глухия и немыя, и повеле благоверный князь Василий молебная пети Пресвятей Богородице Одигитрии и воду святити и абие повеле благоверный и великий князь святою водою кропити страждущих и мнози прияша исцеления в те времена различными недуги и скорбьми одержимии, и бесы от человек прогна быша молитвами Пресвятей Богородицы".

"На месте же том, идеже обретеся икона Богородицына, – продолжает автор "Слова...", – повеле великий князь церковь возградити во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Нерукотвореннаго образа Его, и монастырь утроить повеле, и отчины многи даде на пропитание братии".

Это был первый монастырь в Костроме. В нем были выстроены два деревянных храма – Спасский, большой, летний, и Введенский, теплый, поменьше. Позднее они были соединены в один. Это произошло в 1754 году, когда деревянные

храмы разобрали и был выстроен каменный. В 1806 году возвели колокольню и построили приделы к храму: Введения Богородицы во храм и преподобного Димитрия, Вологодского чудотворца. В самом храме два престола – Нерукотворенного образа Спасителя и Божией Матери, явления иконы Ея Феодоровския (этот престол находится как раз на том месте, где стояла сосна, на которой явилась чудотворная икона).

В этом храме до сих пор существует чудотворная икона Спаса Нерукотворенного. Костромской знаток церковных древностей протоиерей И.Баженов писал: "О происхождении этого образа сохранились два предания. По одному он находился первоначально в соборном храме Феодора Стратилата и в день явления иконы князю Василию был несен на Запрудню в крестном ходу в ряду других икон... Другое предание говорит, что икона эта написана повелением того же князя, вскоре по явлении Феодоровского образа Божией Матери, в воспоминание о событии (явлении этой иконы), совершившемся в день праздника Нерукотворенного Спаса. Если так, то происхождение этого образа Христа Спасителя относится к 60-м годам XIII века, и знатоки старинного иконописания признают этот образ весьма древним". Икона имеет явные признаки древности. Прежде всего она "рубленая", то есть доска ее (сосновая) изготовлена топором, до появления на Руси (в начале XVII века) пилы. "Эта икона Спасителя, – пишет Баженов, – сохранилась до наших времен (он пишет это в 1911 году. – *В.А.*) почти в первобытном виде, по крайней мере, не была переписана по старинному фону и тонам". Только в 1892 году икона была очищена от древней почерневшей олифы. Спасо-запрудненская чудотворная икона особенно прославилась в тяжкие холерные 1831 и 1853 годы. Она бывала носима в многочисленных крестных ходах в Костроме и в семнадцати окрестных селах.

Со времени построения Спасо-Запрудненского храма и до 1921 года ежегодно 16 августа (по старому стилю), в день явления Феодоровской иконы князю Василию, совершался крестный ход сначала из собора Феодора Стратилата, потом из Успенского собора – сюда, к Спасу Нерукотворенному. Здесь чудотворную Феодоровскую икону, принесенную священниками в сопровождении жителей Костромы, встречал архиерей. Это был великий костромской праздник. Месту явления чудотворной иконы придавалось такое огромное значение (и по справедливости), что при построении Успенского собора князь приказал его алтарные апсиды обратить не на восток, а в сторону храма Спаса Нерукотворенного, то есть почти на север, в ту сторону, где, как солнце, взошла икона, которую древняя служба ей называет "светилом благочестия", "светом истины", "звездой пресветлой" и "чудной зарей".

Спасо-Запрудненский монастырь во времена исторических потрясений разделял судьбу города – он не раз горел, его грабили татары, новгородские ушкуйники и поляки... Но он возобновлялся снова, собирая братию под свой кров. Вокруг монастыря был лес, небольшие луга, где монахи косили сено; на речке, широко разливавшейся весною, стояла монастырская мельница, а за речкой, в двух слободках, жили немногочисленные крестьяне, приписанные к этому монастырю. Их было всего двадцать пять душ, поэтому при утверждении "штатов" в 1764 году обитель, как бедная, была закрыта, храм ее был обращен в приходской. Конечно, своего значения он не потерял – ежегодный крестный ход продолжал приносить сюда чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери.

За шесть лет до упразднения обители, в 1758 году, архиепископ Костромской и Галичский Дамаскин перевел Костромскую Духовную Семинарию (образованную в 1747 году) из Семеновского монастыря в Спасо-Запрудненский. Монастырь и его ближайшие окрестности преобразились. В нижнем помещении церкви Спаса разместились библиотека и одна из аудиторий. Вблизи монастыря были построены дом для архиерея с церковью Благовещения, дом для Семинарии и раз-

личные службы. Семинаристы заложили сад и выкопали пруд... Появилась красивая березовая аллея... Работами руководил игумен Досифей.

В Семинарии на Запрудне учились дед и отец драматурга А. Н. Островского. Из нее вышли известный историк и этнограф, занимавшийся в основном Костромским краем, протоиерей М. Я. Диев, профессор философии Московской Духовной Академии и духовный цензор (он читал, например, книги, предлагавшиеся к изданию Оптиной пустынью) протоиерей Ф. А. Голубинский. С той поры в костромской Семинарии всегда жили высокие духовные и культурные традиции. В декабре 1813 года здание Семинарии было уничтожено пожаром, и она была переведена в город, в Богоявленский монастырь.

С середины XVIII века кладбище Спасо-Запрудненского храма стало приобретать купеческий характер. У купцов Костромы возникла традиция хоронить здесь членов своих семей, где бы они ни скончались, хотя бы за границей. До сих пор можно видеть многочисленные надгробия известных купеческих родов – Дурыгиных, Третьяковых, Солодовниковых и других.

В 1850-е годы в районе Запрудни начали строиться фабрики: механический завод Шипова (1812), льнопрядильни Брюханова (1853) и Зотова (1859), большая ткацкая фабрика Третьяковых (1866). Тихое место совершенно изменилось. Вблизи церкви Спаса поднялись кирпичные здания, задымили высокие трубы. Купцы-промышленники не забывали "своего" храма. Из них наибольшим усердием к нему отличалась семья Зотовых, один из членов которой был в храме старостой. Все владельцы фабрик, жившие в Костроме, похоронены на Спасо-Запрудненском кладбище.

И вот еще одно чудо, связанное с явлением чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери: церковь, основанная на месте ее явления, не была ни разрушена, ни закрыта в годы советской власти, хотя с конца 1920-х годов атеисты вели против нее кампанию в местных газетах, а рабочие фабрики "Искра Октября" требовали ее себе под клуб. В 1935 году "общее собрание рабочих фабрики 5 в количестве 435 человек" вынесло резолюцию о закрытии храма. Однако он лишился только колоколов, но продолжал действовать. Храм пребывал действующим среди всего трех оставленных в Костроме верующим (из сорока семи).

29 августа 1990 года после долгого перерыва (с 1921 года), в яркий солнечный день, единственный на протяжении бывших в это время глухо-дождливых до и после него, чудотворная Феодоровская икона Божией Матери явилась сюда, на Запрудню, – торжественно и победительно. Ее несли священники и с ними епископ Костромской и Галичский Александр. Тысячи жителей города сопровождали икону. Нынешний путь ее – не из Успенского собора, взорванного в 1930-е годы. С 1964 года икона стояла в церкви Воскресения Христова и оттуда после долгого перерыва несена была на Запрудню. В августе 1991 года святыня перенесена была в восстановленый Богоявленский собор, который стал кафедральным.

Словно праздник возвращения из вавилонского плена, был этот день... Небесной радостью преисполнены были слова акафиста Феодоровской иконе Божией Матери: "Радуйся, звездо, солнце правды нам явльшая; радуйся, возлюбившая сию страну. Радуйся, обретение Тебе ищущих; радостию неизреченною верных сердца исполняющая. Радуйся, сокровище благодати неистощимое; радуйся, милости приснотекущий источниче. Радуйся, от тяжких бед спасающая; радуйся, от смертоносныя язвы избавляющая. Радуйся, всего мира ходатаице; радуйся, всех недугов целительнице. Радуйся, красото несравненная; радуйся, доброто нескаэанная. Радуйся, Мати Божия, предстательнице и заступнице наша усердная!"

В Прологе есть старинная "Повесть о явлении Феодоровской иконы Богоматери". Существует несколько редакций этой краткой повести. Все они восходят к основной, составленной священником Иоанном Милютиным в 1646 – 1654 годах для его Четьих Миней, писанных им в основном по книгам Троице-Сергиевой

Лавры. Отец Иоанн был священником церкви Рождества Христова, находящейся вблизи Сергиевой обители. Он был родом из Балахны, а она расположена в двадцати верстах от Городца Волжского (на другом берегу). Ему с детства дорог был освещавший этот край дивным светом образ Феодоровской Богоматери – древний чудотворный список с нее приносили из Городца в Балахну – в храмы и дома жителей.

В Троице-Сергиевой Лавре в начале 1630-х годов он встретил своего землякабалахновца, бывшего соборного протопопа, а теперь иеромонаха – Иоасафа Кирьякова, который был хранителем лаврской библиотеки. Отец Иоасаф познакомил Милютина с многими книжниками-монахами, среди них с игуменом Дионисием и замечательным книгописцем иеромонахом Германом Тулуповым, трудившимся тогда над составлением своих Четьих Миней. Это были "мужи добродетельные и рачители Божественных писаний". Милютин стал усердным посетителем "многобогатной Божественных писаний книгохранительницы".

Он собирал, в частности, сведения о чудотворной Феодоровской иконе. Лет через пятнадцать, составляя колоссальные Четьи Минеи, Милютин поместил там свой рассказ-исследование о ней. "Что реку или что исповем, – начинает он, – о сей пречудной иконе, но еже слышах от многих добре ведущих и иже у себя имуще писание достоверное до разорения литовских и польских людей, и аз с ними многажды беседовах, и вопрошах их, и сладце слышах от них".

Отец Иоанн не был простым составителем своих Четьих Миней, он был писателем и историком. Переписывая жития святых из лаврских рукописей, он снабжал их многочисленными замечаниями, предисловиями и послесловиями. Он хотел дать более полное житийное собрание, чем те, какие составили Московский Митрополит Макарий (1528 – 1563) при царе Иоанне Грозном и Герман Тулупов, иеромонах, уже на его памяти. Он старался исправлять неточное и ложное, тем более еретическое (и такое встречалось), согласовывать противоречия. Часто встречаются в его Четьих Минеях такого рода заявления: "Ведомо буди и о сем, яко во многих слышится распря: овии глаголют сице, овии же инако, и о сем да престанет распря и ведома будет истина, и ныне аз, поп Иванище, обретох в сих книгах истину".

(Продолжение следует)

Памяти Бориса Сергеевича Кудинкина

После тяжелой непродолжительной болезни 4 сентября 1992 года скончался ктитор московского храма Всех святых на Соколе, один из старейших сотрудников Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата Борис Сергеевич Кудинкин.

Почивший родился 2 февраля 1931 года в поселке Долгий Карабликовского района Рязанской области в православной семье. После общеобразовательной школы Борис Кудинкин окончил в 1954 году Московскую Духовную Семинарию, а 1958 году – Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия, полученную за курсовое сочинение "Духовная Миссия Русской Православной Церкви в Китае. Ее основание, деятельность и значение в деле образования автономной Китайской Церкви".

Еще студентом Академии в августе 1956 года по благословению приснопамятного председателя Отдела внешних церковных сношений митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича; † 1961) Б. С. Кудинкин был зачислен в штат сотрудников ОВЦС. Сначала референтом, а затем в качестве члена Отдела и заведующего протоколом он более тридцати лет успешно исполнял возлагаемые на него многочисленные церковные послушания при всех последующих председателях Отдела: приснопамятном митрополите Ленинградском и Новгородском Никодиме (Ротове; † 1978), ныне здравствующих митрополите Крутицком и Коломенском Ювеналии, митрополите Минском и Слуцком Филарете, Патриаршем Экзархе всея Белоруссии, и митрополите Смоленском и Калининградском Кирилле.

Диапазон работы Бориса Сергеевича в Отделе внешних церковных сношений был исключительно широким. Присущее ему стремление осуществлять достойный вклад в строительство церковной жизни, что было делом далеко не легким в послевоенные десятилетия, он безоговорочно выражал творческой отдачей всех своих сил достижению этой благой цели.

В составе паломнических групп и делегаций Русской Православной Церкви Б. С. Кудинкин посетил Святую Землю, Святую Гору Афон, многие православные и инославные церкви, участвовал в различных конференциях.

Будучи немало лет ктитором церковным, Б. С. Кудинкин проявил примерную рачительность о храмовом имуществе, о материальной

стороне приходской жизни, о всем объеме хозяйства прихода, заботился о своевременных и качественных реставрационных и ремонтных работах, о строительстве новых помещений, необходимых для нормальной жизнедеятельности прихода. Борис Сергеевич плодотворно трудился в храме "Нечаянная радость" иконы Божией Матери в Марьиной роще, а затем в храме Всех святых на Соколе, где осуществлял восстановительные работы, строительство приходского дома и благоустройство территории храма.

По благословению церковного Священноначалия он принимал активное участие в реставрации надвратного храма Спаса Преображения в Новодевичьем монастыре в Москве и Голутвинского Свято-Троицкого женского монастыря в Коломне.

За многолетние церковные труды Б. С. Кудинкин был награжден орденами Русской Православной Церкви: святого благоверного князя Владимира третьей и второй степени, Преподобного Сергия Радонежского трех степеней, он также имел награды других Поместных Православных Церквей.

В общении с людьми Е. С. Кудинкин был всегда отзывчив, исполнен христианской любови и милосердия. Со стороны иерархов, духовенства и мирян он снискал широкую известность, глубокое уважение и любовь.

На имя настоятеля Всехсвятского храма протоиерея Анатолия Казновецкого председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл направил телеграмму следующего содержания:

"Ваше Высокопреподобие, со скорбью узнали о кончине дорогого Бориса Сергеевича Кудинкина. Вспоминая ныне его многолетние и многополезные труды в ОВЦС на благо Церкви и Отечества, выражаю Вам, причту, церковному совету и прихожанам храма Всех святых глубокое соболезнование от себя лично и от сотрудников Отдела. Прошу передать слова искреннего сочувствия семье почившего. Владыка жизни и смерти да упокоит душу Своего преставившегося раба в Небесных обителях".

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II отпевание в храме Всех Святых возглавил протопресвитер Матфей Стаднюк, который сказал проникновенное слово о почившем. Помимо родных и близких покойного, на отпевании были многие прихожане, сотрудники ОВЦС, другие знавшие и ценившие его люди.

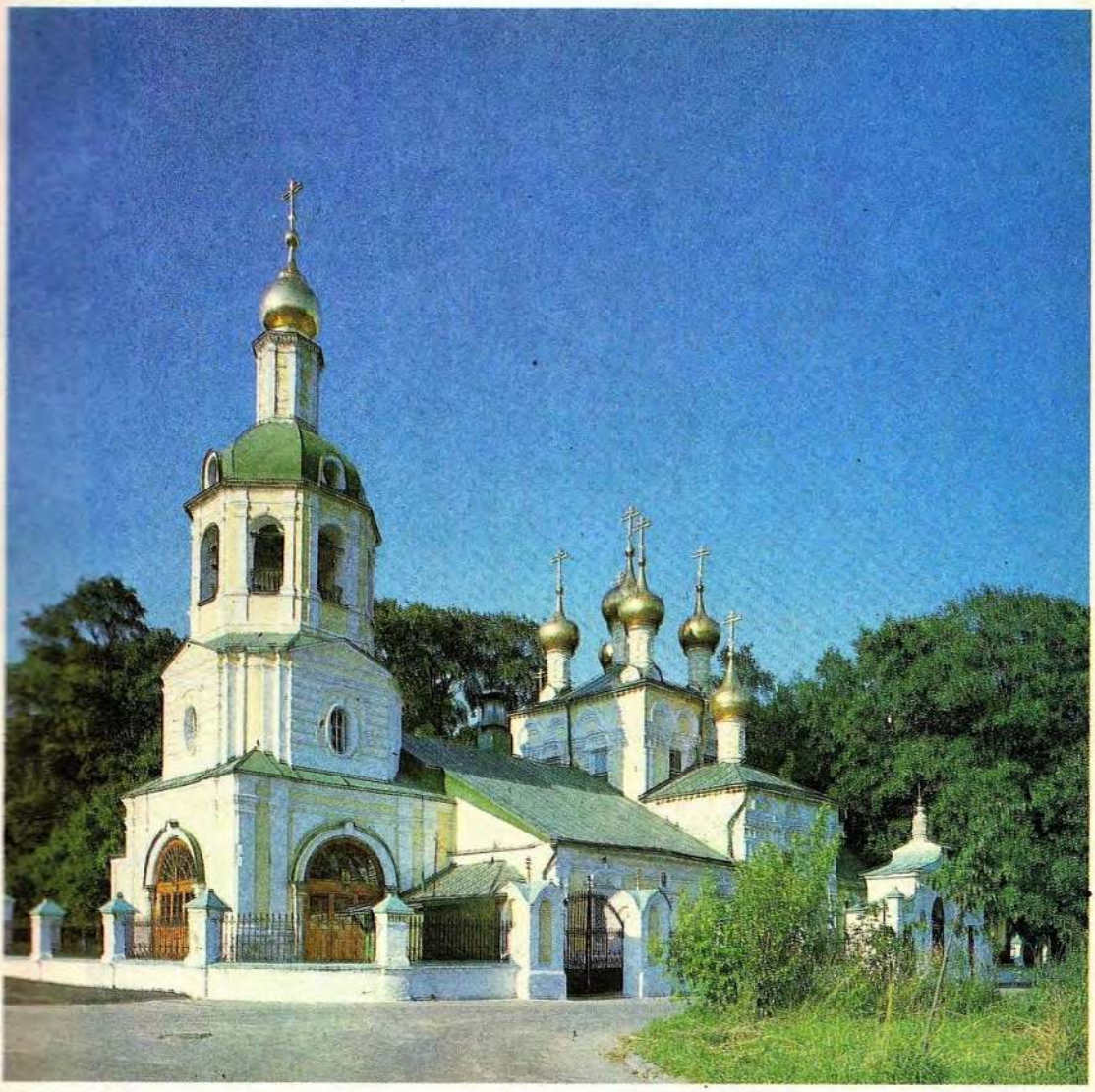
Похоронен Б. С. Кудинкин на Голицынском кладбище под Москвой рядом с могилой матери.

Царство Небесное и вечная память почившему.

А. С. КЛИМАШИН,
кандидат богословия, клитор храма Воскресения словущего на Успенском Вражке

Подписано в печать 13.01.94. Заказ 1642 Индекс 71157.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

ХРАМ В ЧЕСТЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В ИЗМАЙЛОВЕ

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ